

М. П. Грязнов

АФАНАСЬЕВСКАЯ КУЛЬТУРА НА ЕНИСЕЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

M. P. Gryaznov

THE AFANAS'EVO CULTURE
IN YENISEI REGION

Edited by
M. N. Pshenitsyna

ST. PETERSBURG

1999

М. П. Грязнов

АФАНАСЬЕВСКАЯ КУЛЬТУРА НА ЕНИСЕЕ

Под редакцией
М. Н. Пшеницыной

С.-ПЕТЕРБУРГ

1999

Книга М. П. Грязнова «Афанасьевская культура на Енисее» представляет собой монографическое издание материалов эталонных, полностью исследованных могильников афанасьевской культуры Афанасьева Гора и Карасук III с обобщением ранее добытых материалов некоторых других памятников. Применение методики комплексного исследования погребальных памятников, включая корреляционный метод, позволяет автору дать довольно полную характеристику хозяйства, образа жизни и религиозных представлений древних обитателей Минусинской котловины, предложить научно обоснованные реконструкции на основании палеодемографических данных системы семейных и первобытно-общинных отношений.

Монография представляет большой интерес для археологов, антропологов, этнографов, историков и краеведов.

Редакционная коллегия:

М. Н. Пишеницына, В. С. Бочкарев

Рецензенты:

д. и. н. проф. *Д. Г. Савинов*, к. и. н. *Н. А. Боковенко*

Михаил Петрович Грязнов

АФАНАСЬЕВСКАЯ КУЛЬТУРА
НА ЕНИСЕЕ

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Российской Академии наук*

Редактор издательства *С. А. Батюто*. Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*. Корректор *К. Д. Буланина*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98 г.

Сдано в набор 01.08.98. Подписано к печати 20.03.99.
Формат 70 × 100¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 8¹/₂. Уч.-изд. л. 9.
Тираж 500. Заказ № 166.

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, С.-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург,
наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina @ nevsy.net

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 98-01-16157*

© М. П. Грязнов, 1999
© ИИМК, 1999
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	7
<i>Глава I. АФАНАСЬЕВА ГОРА И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ МОГИЛЬНИКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ</i>	12
Афанасьева Гора	12
Саргов	24
Сыда I	25
<i>Глава II. ПАМЯТНИКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА РЕЧКЕ КАРАСУК</i>	30
Карасук III	30
Каменный Лог II	40
Барсучиха IV	41
<i>Глава III. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ</i>	45
<i>Глава IV. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ</i>	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
ЛИТЕРАТУРА	68
Приложение. <i>И. Н. Хлопин. Афанасьевская культура (историческое содержание)</i>	71
ИЛЛЮСТРАЦИИ	85
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	135
SUMMARY	136

CONTENTS

Editorial	7
<i>Chapter I. AFANAS'EVA GORA (AFANASIEVA'S MOUNTAIN) AND SOME OTHER BURIAL GROUNDS OF AFANAS'YEVO CULTURE</i>	12
Afanas'eva Gora	12
Sargov	24
Syda I	25
<i>Chapter II. AFANAS'YEVO CULTURE SITES ON THE BANKS OF THE KARASUK STREAM</i>	30
Karasuk III	30
Kamenny Log II	40
Barsuchiha IV	41
<i>Chapter III. BASIC TRAITS OF AFANAS'YEVO CULTURE</i>	45
<i>Chapter IV. SOME PROBLEMS OF PALEODEMOGRAPHY AND SOCIAL ORGANIZATION</i>	55
SUMMARY AND CONCLUSIONS	66
LITERATURE	68
Appendix. Igor N. Khlopin. Afanas'yevo Culture (the historical context)	71
ILLUSTRATIONS	85
LIST OF ABBREVIATIONS	135
ABSTRACT	136

ОТ РЕДАКЦИИ

«Афанасьевская культура на Енисее» — последняя работа М. П. Грязнова (1902—1984), подготовленная им.

Михаил Петрович Грязнов — известный российский археолог, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук — принадлежит к числу ученых, работы которых отличаются ярким и своеобразным исследовательским почерком. Его научное наследие насчитывает около 140 печатных работ. Для них характерны тонкость и точность наблюдения, большое внимание к вопросам технологии и бытового использования древних вещей, что позволяло исследователю подмечать многие явления, которые обычно ускользали от внимания других археологов. Скрупулезный анализ, широкая эрудиция в области этнографии позволяли М. П. Грязнову извлекать максимальную информацию из каждого артефакта, добытого во время раскопок. Эти качества давали ему возможность восстанавливать образ жизни древних племен в различных экологических нишах в совершенно новых аспектах и с такими подробностями, которые, казалось бы, не были доступны для археологии. С особым вниманием и компетентностью ученый разрабатывал вопросы хозяйственной и бытовой истории древнего общества, не оставляя без внимания проблемы социальных отношений и идеологии. Все это целиком относится и к предлагаемой вниманию читателей монографии.

Книга М. П. Грязнова, как и предшествующие ей труды, построена в основном на результатах первоклассных в методическом отношении раскопок самого автора. С 1946 г. он руководил новостроечными экспедициями, работавшими в Сибири, а в 1955—1976 гг. возглавлял одну из самых крупных — Красноярскую. На огромном материале, добытом в этих экспедициях, ученому удалось разработать едва ли не самую совершенную в нашей стране методику комплексного изучения погребальных памятников. Он широко применял корреляционный метод для исследования массовых археологических материалов.

Эти материалы пока еще полностью не опубликованы и хранятся в различных музеях страны. Настоящая монография вводит в научный оборот значительные коллекции из фондов Государственного Эрмитажа, ранее не публиковавшиеся. Они относятся к двум эталонным могильникам афанасьевской культуры — Афанасьева Гора, давшего название культуре, и Карасук III.

Новые материалы относятся к эпохе энеолита, которая в данном регионе совпадает с важнейшими изменениями и в экономическом базисе древних обществ — переходом от присваивающей экономики к производящей. Ори-

гинальные выводы М. П. Грязнова по двум вышеупомянутым проблемам, несомненно, привлекут внимание специалистов.

Выход в свет книги М. П. Грязнова открывает возможности для более широких обобщений и сравнений археологических материалов Минусинской котловины и сопредельных областей Саяно-Алтая, Тувы и Монголии, что, в свою очередь, внесет существенный вклад в реконструкцию исторических процессов, происходивших на этих территориях в древности. Одновременно это и блестящее пособие для археологов, руководство по методике раскопок погребальных комплексов.

Работа богато иллюстрирована: планы могильников, планы и разрезы могил и оград, реконструкция погребальных сооружений, рисунки посуды и разнообразного погребального инвентаря из камня, металла и кости — все это дает большой информационный материал, своего рода энциклопедию древностей афанасьевской культуры в долине Енисея.

Настоящая работа посвящена публикации эталонных памятников афанасьевской культуры, исследованных на Среднем Енисее. Дается краткое в смысле изложения, но максимально полное описание всех раскопанных могил, помещены чертежи, рисунки большей части глиняных сосудов и другого инвентаря, фотографии надмогильных сооружений. Далее следует типологический анализ памятников для решения вопросов их хронологии и культурно-исторической принадлежности и, наконец, в сжатой форме очерк хозяйства, быта, социального строя, искусства и верований древнего населения Среднего Енисея в афанасьевское время.

Первые открытия. Первую могилу афанасьевской культуры раскопал В. В. Радлов на Алтае у с. Онгудай еще в 1865 г., а сорока годами позже, в 1903 г., А. В. Адрианов вскрыл 5 таких могил на Енисее, в Сарговом улусе у северного подножия горы Оглахты (ОАК, 1903, с. 128—131). Эти памятники долгое время оставались не определенными. А. В. Адрианов в своих отчетах о раскопках отмечал их отличие от известных ему могил эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Важнейшим же событием в изучении афанасьевской культуры было открытие С. А. Теплоуховым могильника под Афанасьевой Горой на Енисее. В первый год своих систематических целенаправленных раскопок в 1920 г. он исследовал здесь 4 могилы, настолько характерных и своеобразных, что они сразу же были выделены им как памятники особой культуры, наиболее ранней из всех тогда известных на Енисее. Вскоре он назвал эту культуру афанасьевской, сопоставил ее с ямной культурой степного Причерноморья, дал ее археологическую характеристику и определил ее как первый этап эпохи металла в Саяно-Алтае (Теплоухов, 1922, с. 27; 1924, с. 10; 1927, с. 76). Теплоухов раскопал в могильнике за три года работ в общей сложности 18 могил. Памятник этот стал наиболее характерным и эталонным для афанасьевской культуры.

Раскопки 20—30-х гг. После С. А. Теплоухова афанасьевские могильники были открыты и исследованы в нескольких пунктах по берегам Енисея. С. В. Киселев в первые два года (1928 и 1929) своих систематических исследований на Енисее раскопал 23 афанасьевские ограды и затем еще 5 оград в 1932 г. Кроме него 6 оград раскопала В. П. Левашова в 1930 г., и один курган — Л. А. Евтюхова в 1940 г. (Киселев, 1929; 1937, с. 71—94; Левашова, 1962, с. 62—73). Так был получен довольно значительный новый материал по неолиту Енисея. Это позволило приступить к первым историческим обобщениям на накопленном материале.

Таковыми стали разделы, которые М. П. Грязнов опубликовал в первом томе «Истории СССР» («Макет»). Он дал общий обзор развития тех-

ники, хозяйства и социального строя в Сибири и Казахстане в эпоху бронзы, где афанасьевскую культуру он представил как энеолитическую, первый этап эпохи бронзы, для которого характерны начало скотоводства и земледелия при значительной еще роли охоты в хозяйстве, матриархально-родовой строй, сходный в общем по всему Енисею (Грязнов, 1939, с. 144—146).

Еще более обстоятельному и полному обзору памятников афанасьевской культуры и ее развернутой характеристике был посвящен монографический труд С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» (Киселев, 1949, 1951). Наиболее подробно он рассмотрел вопросы социальных отношений и этнокультурных связей с древними племенами Евразии. И хотя Киселев имел дело лишь с 50 афанасьевскими погребениями, к тому же сильно разграбленными, многие годы его книга была основным пособием по изучению археологии и древней истории Сибири, в частности, афанасьевской культуры. Книга не утратила своего значения и сейчас.

Раскопки послевоенных лет. В первые 15 послевоенных лет афанасьевские памятники исследовали в относительно небольшом количестве и только на Енисее. В 1951—1954 гг. А. Н. Липский раскопал 10 оград в могильнике Бельгьры и 8 оград в четырех других пунктах, Л. Р. Кызласов в 1958 г. — 2 ограды в двух пунктах, и в 1959 г. В. М. Зими́на (Старуценко) — 14 оград в могильнике Моисеиха. До этого считалось, что в афанасьевское время люди селились только вдоль основной водной артерии — по берегам Енисея. Могильники же, исследованные первыми двумя авторами, находились вдали от Енисея, в сухих степях. Стало ясно, что афанасьевские племена заселяли все степи Минусинской котловины (Кызласов, 1962, с. 121).

Новостроечные экспедиции на Енисее. Наиболее значительные раскопки могильников афанасьевской культуры произведены в порядке охраны памятников на новостройках. Под руководством автора в 1955—1976 гг. Красноярская экспедиция ЛОИА АН СССР, состоявшая из нескольких отрядов, вела работы по обоим берегам Енисея в ложе водохранилища ныне действующей Красноярской ГЭС.

Уже в 1955 г. в могильнике Подсуханиха была раскопана одна афанасьевская могила, а в 1960 г. — еще 6 (Иванова, 1968а). В 1961—1963 гг. М. Н. Комарова и М. П. Грязнов полностью исследовали могильник Карасук III, а в 1962 г. Г. А. Максименков — могильник на р. Черновой (см.: Вадецкая, 1964). В 1963—1964 гг. автор полностью доследовал могильник под Афанасьевой Горой, результаты раскопок которого вместе с материалами могильника Карасук III составляют основную фактологическую базу данной публикации. А в 1969 и 1972 гг. докопан могильник Красный Яр (Вадецкая, 1973, 1981), а позднее ею же — еще один курган у с. Восточного (Вадецкая, 1980). В 1965 г. в Сарговом улусе М. Н. Пшеницына раскопала большую афанасьевскую могилу, к сожалению, ограбленную еще в древности, а М. П. Грязнов — два кургана в могильнике близ с. Сыда, исследование которого было начато С. В. Киселевым в 1929 г. (Грязнов, Комарова, 1966). В 1967 г. две ограды были раскопаны в пункте Барсучиха IV в 12 км к северу от с. Батени (Грязнов, 1968). А в 1968 г. наряду с афанасьевскими оградями (Тепсей VII и VIII) впервые была обнаружена прибрежная стоянка Тепсей X (Грязнов, Комарова, 1969). Появились и обобщающие работы, посвященные афанасьевской культуре по материалам Красноярской экспедиции (Грязнов, 1965; Вадецкая, Грязнов, 1968; Иванова, 1970).

Южнее района исследований Красноярской экспедиции работали археологи Саяно-Тувинской и Бейской экспедиций ЛОИА АН СССР в зоне строительства Саяно-Шушенской ГЭС и СААЗа. Они также внесли свою посильную лепту в изучение афанасьевской культуры на Енисее: исследована

стоянка с культурным слоем афанасьевской культуры в начале Саянского каньона (Семенов, 1979, 1980) и могильник Летник VI у выхода Енисея из Саянских гор (Пшеницына, Поляков, Подольский, Савинов, Кузьмин, 1979; Пшеницына, Поляков, 1980).

Красноярская и другие экспедиции на Енисее исследовали более 200 афанасьевских могил.* Это в 4 раза больше того, чем располагал С. В. Киселев при написании своей монографии. Но главное не в этом. В отличие от прежних раскопок, новостроечные экспедиции вели исследования на современном, более совершенном методическом уровне. Исследовали полностью весь памятник, детально изучали остатки его конструктивных элементов, восстанавливали первоначальный вид могилы и ее ограды, тщательно учитывали костные останки человека и животных. Полученный Красноярской экспедицией материал составляет сейчас основной фонд археологических источников по афанасьевской культуре в Минусинских степях, хотя опубликована пока самая незначительная его часть. Этой публикацией автор и хотел посылно восполнить тот пробел, который еще существует в фактологической базе афанасьевской культуры на Среднем Енисее, и предложить возможные реконструкции хозяйства, образа жизни, духовных верований и обрядов древнего населения этой территории.

Основу публикации составляют материалы двух эталонных памятников афанасьевской культуры — Афанасьева Гора и Карасук III, раскопанных полностью. После работ С. А. Теплоухова в 1920 и 1923 гг. это первый случай комплексного исследования двух могильников эпохи энеолита в Минусинской котловине. Благодаря совершенству методики удалось пересмотреть ряд положений о конструкции древних могил и в целом реконструировать обряд погребения афанасьевцев. Анализ антропологических материалов с применением корреляционных методов позволил воссоздать палеодемографическую ситуацию энеолитического периода и выдвинуть предположение о возможной системе социальных и семейных отношений древних обитателей этого региона.

В многолетних работах Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР по изучению памятников афанасьевской культуры принимал участие большой коллектив археологов Ленинграда, Москвы, Ташкента и Самарканда. Упомянем лишь тех, кто участвовал в раскопках могильников Афанасьева Гора и Карасук III: археологов А. А. Аскарова, А. А. Гаврилову, Л. Л. Баркову, Т. И. Дикову (Т. И. Иванову), М. П. Завитухину, Н. Н. Горбунову, А. С. Загороднего, Л. А. Иванову, А. Н. Мелентьева, М. Н. Пшеницыну, С. Рахимова, Я. А. Шера, А. Я. Щетенко. Особо следует также отметить работы антрополога Г. Ф. Дебца и палеозоолога Н. М. Ермоловой, отдавших много своих сил изучению материалов из могильников Афанасьева Гора и Карасук III. Внимательно и самоотверженно трудились рабочие: студенты Ленинградского и Рижского государственных университетов, а также школьники из Абакана и окрестных сел. Всю камеральную обработку коллекций экспедиции и передачу их в Государственный Эрмитаж производила М. Н. Пшеницына. Чертежные работы и рисунки сосудов и вещей были выполнены художниками Л. Н. Барановым, Г. А. Кузнецовой и Т. И. Лазаревой, фотоработы — самим автором и О. М. Грязновым, а также А. М. Клером. Существенную помощь в отборе иллюстративного ма-

* К 1986 г., как показывают подсчеты Э. Б. Вадецкой, «...в Минусинской котловине раскопки проведены в 30 пунктах: на 2-х стоянках и в 28 могильниках. Раскопано 183 кургана (ограды), содержащие 309 могил. 11 могильников раскопаны полностью или почти полностью» (Вадецкая, 1986, с. 16).

териала и компоновке таблиц к книге оказала ученица М. П. Грязнова — О. Л. Пламеневская.

Особая роль в исследованиях афанасьевских памятников Красноярской экспедиции принадлежит верной спутнице М. П. Грязнова, его жене к. и. н. М. Н. Комаровой — постоянному помощнику и советчику, руководителю раскопок могильника Карасук III и его соавтору по написанию главы II данной монографии.

На разных этапах Сектор Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР обсуждал работы Красноярской экспедиции, а 28 февраля 1974 г. на заседании Ученого совета был заслушан доклад автора «Афанасьевская культура (итоги исследования)». В обсуждении доклада приняли участие А. М. Беленицкий, В. С. Бочкарев, А. Н. Мелентьев, А. Н. Рогачев, С. С. Черников и В. П. Шилов. Содержательные замечания и советы коллег в немалой степени способствовали усиленному улучшению монографии М. П. Грязнова при ее подготовке автором к печати.

Однако при редактировании книги для настоящего издания выявилась необходимость дописать ее главу II «Памятники афанасьевской культуры на речке Карасук» и заключение, а также отобрать и закомпоновать в таблицы иллюстративный материал ко всем главам, кроме главы IV, оформить литературу. Это было сделано М. Н. Пшеницыной. Следует здесь же отметить, что редакторы книги старались по возможности сохранить особенности стиля, присущего ее автору М. П. Грязнову.

Редакция сочла возможным опубликовать в качестве приложения к книге М. П. Грязнова небольшую работу доктора исторических наук И. Н. Хлопина (1930—1994). Это одна из его последних статей (1994 г.). В ней И. Н. Хлопин излагает оригинальную точку зрения о происхождении и этнической принадлежности афанасьевской культуры. Вопреки распространенному мнению о восточноевропейских («ямных») истоках этой культуры, он связывает ее со среднеазиатской средой и индоиранским этносом. Конечно, археологических оснований для такого вывода сейчас очень немного. Все же гипотеза И. Н. Хлопина представляет определенный интерес и должна занять свое место в историографии афанасьевской культуры.

В статье И. Н. Хлопина также содержатся важные сведения о новых материалах афанасьевской культуры, которые по понятным причинам не были доступны М. П. Грязнову. В ней читатель найдет и другие ценные данные по этой тематике. Все это, взятое вместе, дает нам основание рассматривать работу И. Н. Хлопина как полезное добавление к капитальному труду М. П. Грязнова.

ГЛАВА I

АФАНАСЬЕВА ГОРА И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ МОГИЛЬНИКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Открытый в 1920 г. С. А. Теплоуховым могильник Афанасьева Гора сначала был единственным памятником афанасьевской культуры, известным в литературе, а затем долгое время был одним из важнейших памятников, как наиболее полно раскопанный и хорошо опубликованный. После исследования Красноярской экспедицией нескольких других могильников афанасьевской культуры, в первую очередь полностью раскопанного могильника Карасук III, явилась потребность доследовать и Афанасьеву Гору, чтобы располагать еще одним могильником, полностью исследованным, и чтобы исправить некоторые ошибочные представления об этом могильнике, явившиеся результатом несовершенства раскопок его в 20-х гг. Дополнительные раскопки на ранее исследованных могильниках экспедиция произвела и еще в нескольких случаях (Сыда I, Саргов улус, Красный Яр, Малые Копены). Эти могильники раскапывали приемами, менее совершенными, чем современные, и естественно, что во всех случаях мы получили возможность дополнить, а частью и исправить наблюдения наших предшественников.

Кроме могильника Афанасьева Гора, в настоящей главе описывается еще 2 могильника — Саргов улус и Сыда I.

Афанасьева Гора

На узкой полосе первой надпойменной террасы под Афанасьевой Горой близ бывш. с. Батени на протяжении 380 м отмечено около 40 кругов из едва видимых на поверхности камней. Диаметр кругов — 2—7 м. Они представляют собой, как показали раскопки, остатки развалившихся каменных надмогильных сооружений и круглых оград вокруг них. Раскопана 41 могила, из них 35 принадлежат афанасьевской культуре, 5 — подгорновскому этапу тагарской культуры (могилы 19—22), одна — I тыс. н. э. (могила 23); 18 афанасьевских могил раскопал С. А. Теплоухов в 1920, 1921 и 1923 гг., 17 могил — М. П. Грязнов в 1964 г. Вещи — в Музее истории материальной культуры Томского университета (из могил 1—12) и Эрмитаже (из остальных могил).

Литература: Теплоухов, 1927; Киселев, 1951, с. 24—28.

В 1920 г. С. А. Теплоухов вскрыл здесь первые четыре могилы и тогда же определил их как самые древние из всех известных ему на Енисее. В 1921 г. он раскопал еще 8 могил и, не зная еще никаких к ним аналогий, установил по ним наличие на Енисее особой культуры, не присвоив ей пока названия (Теплоухов, 1922). После раскопок 1923 г., располагая материалом уже из 18 могил Афанасьевского могильника, он назвал эту культуру афанасьевской (Теплоухов, 1924). С. А. Теплоухов насчитал в могильнике около 25 видимых на поверхности могил. Когда мы приступили в 1963 г. к исследованию могильника, вдоль него пролегал уже не тележная дорожка, а накатанная автомобильная проселочная дорога, и рядом с могильником находился колхозный телятник (рис. 1—2). Благодаря всему этому на более широкой и глубокой полосе и в большей мере обнажились камни могильных оград, а вытоптанная скотом поверхность могильника не успела зарости травой, и мы насчитали уже около 40 могил (рис. 3).

В 1963 г. нами был вскрыт небольшой участок могильника площадью 12×15 м у подножия каменной россыпи, где по внешнему виду предполагалось наличие одной могилы. Здесь оказалось 4 могилы. По окончании раскопок этих могил мы продолжили в 1964 г. наш раскоп вдоль подножия горы общим протяжением (с небольшим перерывом) в 260 м, шириной от 7 до 15 м (рис. 3). В раскоп были включены и две могилы, ранее вскрытые С. А. Теплоуховым (могилы 7 и 9). Это было вызвано, с одной стороны, тем, что до того, как нами были вскрыты значительные площади, трудно было отождествить могилы, отмеченные на плане С. А. Теплоухова, с могилами, наблюдаемыми в натуре, с другой — желанием проверить, одинаково ли устройство надмогильных сооружений, раскопанных С. А. Теплоуховым и нами.

Дальнейшие раскопки могильника велись лишь в тех местах, где по видневшимся на поверхности камням можно было предполагать наличие могил. При этом в одном случае могилы не оказалось (на плане — раскопана), в другом — могила оказалась раскопанной С. А. Теплоуховым (могила 12).

Раскопки могильника можно считать законченными, хотя остались неисследованными две могилы в его западной части (около могилы 41, отмеченные на плане пунктиром). Одна из них, расположенная на краю террасы, видимо, уже разрушена, другая не вполне надежна. В центральной части могильника, у развилки дорог, рядом с раскопанной С. А. Теплоуховым могилой, пунктиром отмечены две могилы. Они перенесены на наш план с плана С. А. Теплоухова. Теперь они не существуют — уничтожены дорогой, так же как и часть раскопанной могилы, к которой они примыкали. Возможно, что в западной половине на участке между могилами 9 и 41 есть еще могилы, полностью скрытые под землей. Здесь продолжают отлагаться наносы на поверхности земли. Этот участок террасы представляет собой так называемый конус выноса. Из узкого небольшого ложка сюда выносятся не только песок и щебень, но и разного размера камни, которые в беспорядке распределены в толще конуса. Поэтому отыскание здесь могил требует не только больших земляных работ, но и представляет много трудностей.

Не исключено, что восточная часть могильника размыта водой. Могилы расположены полосой в 2—3 ряда, и при рассмотрении плана могильника создается впечатление, что эти полосы в восточной части срезаны краем террасы. Однако на месте мы не могли определенно решить, была ли терраса в период функционирования могильника такой же, как она сейчас, или была значительно шире.

На опубликованном С. А. Теплоуховым плане номера раскопанных им могил не указаны. Пользуясь пометками в своих дневниках 1921 и 1923 гг.,

я смог отметить на плане номера только 13 раскопанных С. А. Теплоуховым могил. Местоположение пяти могил (№ 10, 11, 16, 17, 18) остается невыясненным, а при составлении нашего плана мы смогли найти из числа этих могил только четыре. Возможно, что одна из этих могил теперь не видна на поверхности.

Будучи участником всех раскопок С. А. Теплоухова на Афанасьевском могильнике, я в своих личных дневниках делал записи и зарисовки наиболее заинтересовавших меня могил. По этим записям и зарисовкам и по немногим сохранившимся фотографиям оказалось возможным внести некоторые дополнения, уточнения и исправления в скудные сведения, данные С. А. Теплоуховым о раскопанных им афанасьевских могилах. Удалось представить в настоящей публикации и чертежи некоторых могил, пускай не вполне точные, но правильно и наглядно передающие основные особенности погребального обряда.

Первые 18 могил Афанасьевского могильника были раскопаны более простым способом — отыскивали посередине видимого круга каменной могильную яму, вынимали ее заполнение и затем расчищали останки погребенного на дне могилы. Каменное надмогильное сооружение не расчищали, и чертежей его не делали. При раскопках 1963—1964 гг. мы полностью исследовали надмогильные сооружения. После удаления почвенного слоя и зачистки залежавших в нем камней афанасьевские надмогильные сооружения имели вид круга, заполненного плотно лежащими в один, а иногда в два ряда камнями. Эти сооружения были, очевидно, круглыми. По краям развалов камни лежат свободно, и нет возможности определить диаметр первоначальных сооружений. При описании этих развалов определяется диаметр той площади, которая занята развалившимися камнями. На прилагаемых планах остатков каменных сооружений косой штриховкой показаны те части камней, которые были видны на поверхности.

Могила 1. Круг диаметром 2,5 м. На глубине 1 м в беспорядке кости ребенка.

Могила 2. Примыкает с В к первой. Диаметр 5 м. Круглая яма глубиной 150 см. Ограблена. На дне скелет женщины. В анатомическом порядке кости левой руки, таза и обеих ног, остальных костей нет (рис. 4, 1). Судя по сохранившимся костям, погребенная была положена на спину, головой на ЮЗ, с поднятыми вверх и затем упавшими направо коленями. Справа около ступней ног находился яйцевидный горшок с слочным орнаментом (рис. 5, 6).

Могила 3. Ограблена. На глубине 1 м скелет мужчины на спине, головой на СЗЗ, с согнутыми в коленях ногами, упавшими на левую сторону (рис. 4, 3). Череп, правое бедро и все кости позвоночника, грудной клетки и левой руки смещены и разбросаны в беспорядке. Слева от скелета — черепки двух сосудов: яйцевидный горшок с заштрихованной поверхностью и глиняная ваза-курильница (рис. 5, 8, 9). Здесь же найдено 70 астрагалов барана (может быть, косули?).

Могила 4. Овальная яма 170 × 150 см, глубиной 150 см. Ограблена. На дне скелет мужчины на спине, головой на ЮЗ, с сильно согнутыми в коленях ногами, упавшими вправо (рис. 4, 2). В анатомическом порядке на своем первоначальном месте только нижняя половина скелета — кости рук ниже локтя, поясничные позвонки, кости таза и обеих ног. Все остальные кости смещены и разбросаны в беспорядке. Слева, на уровне колен, каменный пест (рис. 6, 22). Около черепа жаберная кость щуки (?).

Могила 5. Диаметр круга 2,5 м. В большой овальной яме, на разных уровнях, погребено два человека. Здесь было устроено как бы две могилы, одна над другой (рис. 4, 4).

Могила нижняя. Прямоугольная яма с наклонными стенками, размерами 90 × 40 см (внизу), глубиной 170 см. На дне ее скелет взрослого человека, головой на ЮЗ, на левом боку или, скорее, животом вниз, в сильно скорченном положении, так что колени прижаты к груди. Не был ли умерший помещен в могилу в положении сидя на корточках и не повалился ли он затем вперед, приняв положение, среднее между ничком и на боку? Все кости лежат в анатомическом порядке, только череп и нижняя челюсть смещены. Около черепа резец сурка (скелет 1).

Могила верхняя. Овальная яма длиной 240 см, глубиной 110 см, юго-западной частью своей расположенная над предыдущей могилой. На дне ее, в северо-восточной части, кости согнутых в коленях ног, несколько смещенные со своего первоначального места. Остальная часть скелета находится почти в полном порядке на 40 см глубже. Погребенный был положен на спину с согнутыми ногами, головой на ЮЗ (скелет 2). Верхняя часть его скелета, расположенная над нижним погребением, опустилась со временем вниз вместе с перекрытием нижнего погребения. Надо полагать, что нижняя могила в свое время была покрыта деревянным настилом, а верхняя была устроена, когда покрытие нижней могилы было еще целым.

Могила 6. Диаметр круга 5,5 м. Квадратная яма 2,7 × 2,7 м, глубина — 1,4 м, ориентированная углами по странам света. Ограблена или потревожена при повторных погребениях. На дне 5 скелетов (рис. 4, 5). В центре могилы разрозненные кости скелета женщины (на плане А). Кости смещены и многих недостает. Судя по тому, что кости таза и одной голени лежат в северо-восточной части, а нижняя челюсть, 2 плечевых, лучевая, две локтевых и ключица в юго-западной, можно предполагать первоначальное положение погребенной головой на ЮЗ. Около плечевой кости скелета костяные игольник с иглой и шило (Теплоухов, 1927, табл. 1, 6—8), а в ногах баночный горшок, сплошь покрытый гребенчатым орнаментом с рядом жемчужин по краю (рис. 5, 7) (Теплоухов, 1927, рис. 7). Это, вероятно, впускное погребение, судя по вещам, окуневской культуры. Подобного типа игольники и горшки известны только в могильниках окуневской культуры и во впускных окуневских могилах (Максименков, 1965; Иванова, 1970). Справа от скелета женщины косточки младенца (В), вероятно, погребенного вместе с ней. В юго-восточной половине могилы три мужских скелета. Два из них на спине, головой на ЮЗ, с сильно согнутыми в коленях и в тазобедренном сочленении ногами (С и Д). Колени, вероятно, были подняты вверх, а затем свалились у левого скелета направо, у правого — налево. Оба костяка сохранились в анатомическом порядке. Несколько смещены только черепа и нижние челюсти. В южном углу третий скелет (Е), также на спине, головой на ЮЗ, с поднятыми вверх коленями, свалившимися затем в разном положении. Череп, верхняя часть грудной клетки и правая плечевая кость отсутствуют, предплечье левой руки отброшено направо. Вещей при скелетах нет. В северо-западной половине могилы 5 яйцевидных типично афанасьевских горшков (рис. 5, 4).^{*} На плане (рис. 4, 5) указано местонахождение четырех из них (№ 6, 7, 9, 10). Среди горшков находились 4 терки, роговой наконечник (рис. 6, 35), лежавший рядом с горшком № 7, и медные оковки какого-то деревянного предмета — обоймица, два обломка пластинки и две скобочки (рис. 6, 8, 21). Все эти вещи обычных афанасьевских типов принадлежат, очевидно, основному коллективному погребению в могиле.

Могила 7. Прямоугольная яма 150 × 80 см, глубиной 130 см. На дне скелет женщины на спине, головой на ЮЗ, с согнутыми в коленях ногами,

^{*} Это горшок № 10. Описание горшков № 5—7, 9 см.: Теплоухов, 1927, с. 72.

упавшими вправо. Около правой руки плохо сохранившийся скелет младенца. Слева, около голеней, обломки горшка.

Могила 8. Овальная яма 150 × 120 см, глубиной 130 см. На дне скелет человека на спине, головой на ЮЗ, с поднятыми вверх коленями, склонившимися налево, причем правое колено свалилось почти до самого дна, а левое, прислонившееся к стенке ямы, возвышалось над ним почти на 30 см. Справа от скелета маленький горшочек (рис. 5, 1). «Против локтя, у грудной клетки», — кремневый наконечник стрелы (рис. 6, 11).

Могила 9. Диаметр круга 7 м. Прямоугольная яма 240 × 170 см, глубиной 170 см.

Могила верхняя. В заполнении ямы, на глубине 35—70 см, в беспорядке кости взрослого человека и каменная колотушка (рис. 6, 23).

Могила нижняя. На дне ямы в полном порядке скелет мужчины на спине, головой на ЮЗ, с согнутыми в коленях ногами, упавшими на левую сторону (рис. 4, 6). Слева от скелета, у стенки могилы, два горшка — яйцевидный и с округло-выпуклым дном (рис. 5, 3, 5). В ногах, в северном углу могилы, большая корчага с острым дном (рис. 5, 10) и около нее ребра барана и мелкие кости лошади.

Могила 10. В могиле сохранился только диафиз длинной кости ребенка.

Могила 11. Прямоугольная яма 200 × 120 см, глубиной 150 см, ориентированная по длине с ЮЗ на СВ.

Могила верхняя. В заполнении, на глубине 70 см и несколько ниже, разрозненные кости взрослого человека и среди них костяная игла.

Могила нижняя. На дне ямы два скелета, мужской и женский, на спине, головой на ЮЗ, с согнутыми в коленях ногами, повалившимися по направлению от стен к середине, благодаря чему возникает впечатление, что они положены на бок лицом друг к другу. В ногах скелетов, между их берцовыми костями, кости младенца. Около ступней ног два горшка — один яйцевидный, другой с округленным дном (рис. 4, 7).

Могила 12. Диаметр круга 7 м. Яма диаметром 150 см, глубиной 130 см.

Могила верхняя. В заполнении ямы, на глубине 40—70 см, в беспорядке кости двух взрослых человек, частично сохранившиеся в анатомическом порядке. Вокруг шеи, запястья и между голенями несколько десятков подвесок — раковин моллюска *Corbicula luminalis* с отверстиями для подвешивания.

Могила нижняя. На дне ямы скелет взрослого на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. Около него, слева, кости барана и несколько угольков.

Могила 13. Диаметр круга 2 м. Овальная яма 150 × 100 см, глубиной 70 см. Ограблена. На дне кости скелета женщины в беспорядке, над ними скелет ребенка. Среди костей человека встречены кости лошади и быка.

Могила 14. На глубине 20 см скелет отрока в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Колени его подобраны к груди, кисти рук перед лицом. Около него черепки двух горшков, остродонного и большого реповидного (см.: Теплоухов, 1927, рис. 9), а также кости быка и угли.

Могила 15. Примыкает к предыдущей. Овальная яма, 150 см, глубиной 120 см. Ограблена. В заполнении ямы на разной глубине в беспорядке кости мужского скелета, трех женских и трех детских. Среди них обломки яйцевидного остродонного горшка (см.: Теплоухов, 1927, рис. 10), много углей и отдельные кости животных — косули, лисицы, бурундука и суслика. В нижней челюсти мужского скелета, на месте выпавших обоих первых рез-

цов, оказались ложно-коренные зубы, крепко вставленные в пустые альвеолы.

Могила 16. Диаметр круга 2 м. В центре, на глубине 20 см, скелет младенца в сидячем положении и при нем яйцевидный горшок (рис. 5, 2). Здесь же найдены кости дикого быка.

Могила 17. В центре, в почвенном слое, на глубине 20 см кости скелета отрока в беспорядке.

Могила 18. Округло-четыреугольная яма 350 × 170 см, глубиной 140 см, ориентированная по линии ЮЗ—СВ. Ограблена. Под камнями, на глубине 70 см, остатки настила из жердей, посередине провалившихся, сильно разрушенных, обугленных. На дне кости взрослого человека в беспорядке и обугленные кости быка и овцы.

Могила 24. На поверхности виднелись две гряды камней по направлению ЮВ—СЗ. Развал в форме круга, диаметром в 6,5 м (рис. 7). В центре его наблюдалось углубление подквадратной формы. Под ним оказалась прямоугольная яма, близкая по форме к квадрату, размерами 230 × 210 см, глубиной 120 см, до дна заполненная камнями. На дне четыре скелета, расположенные в ряд с СВ на ЮЗ, ориентированные по линии СЗ—ЮВ, головой в противоположные стороны (рис. 8, 1; 9, 10).

Скелет 1, северо-восточный. Женщина 40—60 лет, на спине, головой на СЗ, с согнутыми коленями, поднятыми вверх. Левая нога сохранила положение, близкое к первоначальному. Колено возвышалось на 35 см над дном могилы. Правая нога упала налево. Колено ее находилось под коленом левой ноги. Слева в ногах, в углу могилы, кусок охры, размерами 10 см. Около позвоночника и у стенки ямы два черепка.

Скелет 2. Женщина 40—60 лет, на спине, головой на СЗ. Руки в локтях раздвинуты, колени сомкнуты, придавая ногам Х-образную форму. Первоначально колени, видимо, были подняты вверх. Слева в ногах горшок с налезным валиком посередине (рис. 10, 10). Справа, поверх плечевой кости, примыкая к ребрам, другой горшок, шаровидный с оригинальным орнаментом из глубоко врзанных линий и глубоких же вдавлений между ними (рис. 11, 8). Справа же в ногах, налегая на кости стопы, — обломки третьего горшка, яйцевидного, покрытого оттисками шагающей гребенки (рис. 10, 5).

Скелет 3. Женщина 24—40 лет, на спине, головой на ЮВ, руки кистями на тазе, локти раздвинуты в стороны, ноги согнуты в коленях, повернуты налево. Слева у черепа, около сосцевидного отростка, маленькое золотое проволочное колечко-серьга (рис. 6, 2). Слева же в головах — горшок, шаровидный, но как бы с приплюснутым дном, сплошь покрытый оттисками длинной мелкозубчатой шагающей гребенки (рис. 11, 4).

Скелет 4. Женщина старческого возраста, на спине, головой на ЮВ, руки кистями на тазе. Ноги сильно согнуты в коленях и повернуты направо — упали поверх костей ног скелета 3. Слева в ногах, близко к тазу, шаровидный горшок с орнаментом из рядов шагающей гребенки, отделенных друг от друга четырьмя горизонтальными линиями (рис. 11, 9). Среди костей грудной клетки комки ярко-красной охры.

Могила 24а. К северо-западу от развала камней могилы 24 находился, примыкая к нему вплотную, другой развал, меньшего размера (3 × 6 м) и с меньшим количеством камней (рис. 7). В середине его, на глубине 30—35 см, лежал маленький горшочек, яйцевидный, с небольшим плоским дном (рис. 11, 1). Это, вероятно, детская могилка, кости ребенка в которой полностью истлели.

Могила 25. На поверхности виднелась груда камней по направлению З—В. Развал камней ограды неправильно овальной формы, размерами 5 ×

3 м, вытянут с З на В (рис. 7). Посередине над могилой небольшой провал. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 220 × 100 см, глубиной 160 см, ориентирована с З на В. На дне скелет мужчины 20—25 лет, на спине, головой на З, руки вдоль тела, ноги слегка согнуты в коленях, повернуты направо (рис. 8, 2). Справа у колена яйцевидный горшок с орнаментом (рис. 11, 7). В заполнении ямы, сантиметров на 30 выше дна, две белокаменные бусинки, одна цилиндрическая, другая уплощенно-биконическая (рис. 6, 1, 3). У правого локтя кусок темно-красной охры.

Могила 26. На поверхности виднелась группа камней, образующих небольшое кольцо. По зачистке развал предстал в виде круга или широкого овала, размером 4 × 5 м. Посередине небольшая западина (рис. 7). Могильная яма подпрямоугольной формы, с закругленными углами, размерами 200 × 130 см, глубиной 130 см, ориентирована с СЗ на ЮВ. На значительную глубину заполнена свалившимися в нее камнями. На дне два скелета, оба головой на СЗ (рис. 8, 3; 9, 7, 12).

Скелет 1, юго-западный. Мужчина (?) юношеского возраста (15 лет), на левом боку, руки вдоль тела, ноги согнуты в коленях, повернуты налево (возможно, первоначально лежал на спине с поднятыми вверх коленями). Справа, в ногах, между тазом и пятками — горшок параболической формы, украшенный рядом жемчужин по венчику (рис. 11, 5). Под ним комок охры. Слева на ребрах маленький бесформенный кусочек окислившейся меди.

Скелет 2. Женщина 40—60 лет, на спине, руки вдоль тела, ноги слегка согнуты, повернуты налево. Колено левой ноги слегка приподнято. В ногах горшок яйцевидной формы (рис. 11, 2). На грудной клетке бесформенный кусочек меди и два костяных инструмента — пластинки с округлым заострением на конце (рис. 6, 30). Кости левого предплечья у запястья окружены белыми аргиллитовыми пуговицами и железными обоймицами — остатки «браслета» из кожи или другого мягкого материала, на который были нашиты белые пуговицы-бляшки и который был окантован с двух сторон ремешками, покрытыми согнутыми из тонких железных пластинок обоймицами (рис. 6, 17; 9, 7).

Могила 27. На поверхности виднелась небольшая полоса камней, но могила оказалась на 1,5 м южнее этой полосы, так как в эту полосу входили крайние камни развала сооружения и несколько камней, лежавших за его пределами. Развал неправильно круглый, диаметром около 6 м (рис. 9, 1; 12). Могильная яма подпрямоугольная, близкая к овалу, 200 × 170 см, глубиной 150 см, до дна заполненная провалившимися в нее камнями. Ориентирована с З на В. На дне два скелета, оба головой на З (рис. 8, 4; 9, 3).

Скелет 1, южный. Подросток 13—14 лет, на спине, руки вдоль тела, ноги согнуты в коленях и повернуты направо. В голове два горшка: шаровидный с елочным гребенчатым орнаментом и яйцевидный с гребенчатым и кружковым орнаментом (рис. 13, 2, 3). В ногах еще два горшка: обломки шаровидного с елочным орнаментом и косыми оттисками мелкозубчатой гребенки и яйцевидный с линейным орнаментом и двойным валиком под венчиком (рис. 10, 7). Последний, а может быть, и оба эти горшка относятся, возможно, ко второму скелету.

Скелет 2. Мужчина старше 60 лет, на спине, руки вдоль тела, ноги согнуты в коленях и повернуты налево. Слева, между грудной клеткой и плечевой костью, два кремневых наконечника стрел — большой треугольный с глубокой выемкой в основании, малый — черешковый. У последнего отломано острие и часть черешка (рис. 6, 9, 10).

Могила 28. На поверхности виднелась группа камней. По расчистке развал камней занимал неправильно круглую площадь, диаметром 3,5 м

(рис. 14). Посередине небольшое углубление. Под ним могила, подпрямоугольная, с закругленными углами, ориентированная с ЮЮЗ на ССВ. Размеры ее — 150 × 105 см, глубина — 70 см. На дне скелет женщины 20—25 лет, на спине, головой на ЮЗ, руки скрещены на груди, ноги сильно согнуты, повернуты налево (рис. 8, 5). Слева у плеча горшок с елочным орнаментом, выполненным шагающей гребенкой (рис. 13, 6). Слева же, у стенок могилы, кусочки темно-красной охры.

Между могилами 28 и 30 была вскрыта раскопанная С. А. Теплоуховым могила 7. На поверхности следы его раскопок не были видны. Виднелись по кольцу немногие камни. После зачистки современный развал занял площадь неправильного круга диаметром в 7 м. По сравнению с нераскопанными могилами здесь камней было меньше, и они более свободно разбросаны по площади большего размера.

Могила 29, самая западная в могильнике. На поверхности виднелись два камня, один из них большой плоский. По расчистке оказалось, что большой камень находился в центре небольшого развала камней, занимавшего площадь 3,5 × 1,5 м (рис. 14). Под камнями в почвенном слое разрозненные кости человека в обломках, не менее чем от двух погребенных — юноши (эпифизы двух бедер и большой берцовой и таранная) и старческого возраста (позвонки, обломки лопаток). Ниже лежал нетронутый грунт.

Могила 29а. Рядом с предыдущей, в полуметре к С от нее небольшой камень в почвенном слое на глубине 35 см, а рядом с ним, головою частично на нсм, скелет младенца одного года, на спине в вытянутом положении, головой на ЮВ. Вещей нет.

Могила 30. На поверхности виднелись камни на площади 7 × 4 м, вытянутой с ЮЮЗ на ССВ. В процессе расчистки выявлен развал камней в северной части этой площади, неправильно округлый, диаметром около 5 м (рис. 14; 9, 8). Посередине углубление. Среди камней верхней части углубления обнаружено несколько черепков от горшков каменоложского этапа карасукской культуры. На этой могиле мы сделали попытку определить форму и размеры надмогильного сооружения путем более тщательной последовательной разборки камней развала. А. Н. Мелентьеву, производившему раскопки этой могилы, удалось отметить ряд более крупных плотно прилегающих друг к другу камней, расположенных по кольцу, диаметром в 5 м. Это кольцо было принято за нижний ряд камней ограды. Другое такое же кольцо, меньшее (диаметром 3 м), овальной формы как будто наблюдалось над могилой. Уложив остальные камни на эти два кольца, мы получили ограду вокруг могилы и овальное строение над самой могилой. Однако в правильности такой реконструкции мы не уверены (рис. 9, 4).

Под развалом камней, в середине его, прямоугольная яма, размерами 180 × 95 см, глубиной 140 см, почти до дна заполненная камнями. Верхняя часть стенок ямы разрушена. На дне скелет женщины 40—60 лет, на спине, головой на ЮВ, правая рука вдоль тела, левая кисть на тазе, ноги согнуты, коленями направо (рис. 8, 6; 9, 9). У правого колена шаровидный горшок с прочерченным орнаментом (рис. 13, 5).

Могила 31. На поверхности, разезженной автомашинами, виднелись камни, расположенные по кольцу. Раскопками раскрыт развал камней по кругу, диаметром в 5—6 м, с углублением посередине (рис. 15, 1). Под ним прямоугольная яма, с закругленными углами, размерами 170 × 130 см, глубиной 90 см, заполненная завалившимися в нее до дна камнями. На дне скелет мужчины 25—40 лет, на спине, головой на ЮЗ, с сильно согнутыми ногами, повернутыми (упавшими) направо. Левая рука кистью на тазе, правая кистью под бедренными костями (рис. 8, 7; 9, 11). Справа в головах 4 медных скобки: две из четырехгранной толстой проволоки, две распы-

ценные посередине в местах с загибом на одной (верхней) стороне (рис. 6, 12, 14—16). Скобки стояли вертикально в одном пучке. Вероятно, это крепление деревянного сосуда, давшего две трещины. Судя по полукруглому вырезу на самой большой скобке, сосуд был цилиндрический с носиком, сделанным из сучка на стволе (рис. 6, 20). Такие сосуды и сейчас широко распространены в Саяно-Алтае. В гунно-сарматское время они известны в Туве (Вайнштейн, 1970, рис. 83, 3 и 87, 3). Рядом со скобками сохранились небольшие кусочки бересты. Возможно, здесь были два сосуда — деревянный и берестяной, или деревянный был обтянут берестой.

В конце большого основного раскопа к западу от могилы 31, примыкая к ней, виднелась на поверхности прерывающаяся полоса камней. По расчистке это оказалась южная часть широкого кольца развала камней вокруг раскопанной С. А. Теплоуховым могилы 9 (рис. 15, 1). Это кольцо представляет собой отвалы раскопа Теплоухова. Раскопанная им могила имела диаметр 7 м. Теперь, после его раскопок, образовалось кольцо камней диаметром в 11—12 м. В двух местах этого кольца наблюдались небольшие кольцевые развалы камней, обозначенные нами как могилы 32 и 34.

Могила 32. Небольшое кольцо камней, диаметром 2,5 м, частично поврежденное раскопкой Теплоухова. В почвенном слое, на глубине 30—35 см, маленький горшочек, яйцевидный, с парой налепных ушек у венчика (рис. 10, 2). Других остатков погребения не обнаружено. Ниже нетронутый грунт.

Могила 34. Подобное же небольшое кольцо, диаметром 3—3,5 м. Юго-западная часть его нарушена. В почвенном слое на глубине 30—35 см маленький яйцевидный горшочек без орнамента (рис. 13, 1).

Других остатков погребения не сохранилось.

Обе эти находки представляют собой, вероятно, остатки детских могил. В могильнике Карасук III в 1961 г. нами была найдена серия могилкок младенцев. Кости младенцев в них сохранились плохо, в некоторых не осталось и следа костей. В этих могилах были такие же миниатюрные горшочки.

Могила 33, на краю террасы, крайняя восточная. На поверхности был виден ряд камней на протяжении 9 м. Это оказался южный край развала камней двух могил (могилы 33 и 38), расположенных рядом на расстоянии 40 см одна от другой. Развалы камней квадратной формы едва превышают размеры могил и смыкаются один с другим (рис. 16). Обе могилы разграблены, и часть камней отброшена в сторону — к северу и востоку от могилы. Возможно, что эти могилы не имели оград, камни же были положены лишь на несохранившееся покрытие могил. Яма могилы 33 квадратная, 260 × 250 см, глубиной 80 см, ориентирована с ЮЗ на СВ. В самом начале раскопки, когда лопатой убрали землю с камней, вместе с землей оказалась выброшенной роговая подвеска — оправа кисти ремня с орнаментом, характерным для кыргызского времени (VIII—X вв.). Среди камней над могилой раздавленный горшочек, круглодонный, двуушковый (рис. 10, 9). В другом месте, в промежутке между могилами, яйцевидный горшок с орнаментом (рис. 11, 3). В заполнении могилы большое количество углей и обожженная земля. На дне в восточной половине могилы остатки двух скелетов (рис. 8, 8).

Скелет 1, юго-восточный. Женщина (?) старческого возраста. На месте в первоначальном положении сохранились только кости ног. Судя по их положению, погребенная была положена на левый бок, головой на ЮЗ, с сильно согнутыми ногами — правая нога коленом прижата к груди, левая бедром приближена к животу (см. на плане могилы реконструкцию положения костяков). Возможно, этому скелету принадлежат кости правой руки, лежащие нерасчлененными в анатомическом порядке в южном углу могилы,

и кости предплечья, также нерасчлененные, лежащие против середины юго-западной стенки могилы.

Скелет 2. Женщина старческого возраста. На месте сохранились только кости нижней части скелета, начиная от первого поясничного позвонка. Судя по их положению, погребенная лежала на правом боку, головой на ЮЗ, с сильно согнутыми ногами (пятки поджаты к тазу), с кистями рук перед лицом.

Могила ограблена или осквернена, вероятно, еще современниками, когда кости держались еще на связках. На это указывают нерасчлененные кости рук, переброшенные в другое место могилы и нераспавшиеся.

Могила 35. Обнаружена по камням, видневшимся на поверхности разрезженной автомашинами дороги. Развал камней неправильной формы, занимающий площадь размерами около 5×4 м. В середине прямоугольная с закругленными углами яма, размерами 160×90 см, глубиной 80 см, ориентированная с СЗЗ на ЮВВ, заполненная почти до дна свалившимися в нее камнями (рис. 15, 3). На дне скелет женщины 40—60 лет на спине, головой на СЗ, левая рука вдоль тела, правая кистью на тазе, ноги согнуты в коленях и повернуты налево (рис. 8, 12). Справа около шейных позвонков два просверленных рыбьих позвонка (рис. 6, 33). Недалеко от них аргиллитовая подвеска (рис. 6, 19). Между головкой правой плечевой кости и стенкой могилы небольшой комок охры. Рядом с ним, ближе к западному концу могилы, найдена маленькая плотная железистая конкреция причудливой формы. Ее поверхность заполирована от длительного употребления. Между тазом и левым предплечьем лежал уголек.

Могила 36. Развал камней круглый, диаметром 2,5 м. Посередине земля и мелкие камни (рис. 16). Под почвенным слоем нетронутый грунт. Признаков погребения не обнаружено. Возможно, что в этой хорошо сохранившейся оградке была могилка младенца, полностью уничтоженная временем.

Могила 37. Развал камней неправильно овальной формы, размерами 8×6 м. В западной части его могильная яма, прямоугольная с закругленными углами, размерами 200×195 см, глубиной 120 см, заполненная до дна свалившимися в нее камнями. Ориентирована с ЮЗ на СВ (рис. 15, 2). На дне скелет мужчины 40—60 лет, на спине, головой на ЮЗ, руки вдоль тела, ноги согнуты в коленях и повернуты налево (рис. 8, 9; 9, 6). У правого локтя раздавленный яйцевидный сосуд без орнамента. Рядом с ним, около кисти руки, 8 ребер барана. Около горлышка сосуда 3 медных скобочки, вероятно, как и в могиле 26, от растрескавшегося деревянного сосуда (рис. 6, 5—7). В ногах, справа, раздавленный шаровидный горшок, покрытый оттисками шагающей гребенки. Справа в головах, в южном углу могилы, большой каменный пест из речной гальки (рис. 6, 27). Около головки правой плечевой кости белая аргиллитовая пуговица, такая же, как и на «браслете» в могиле 26 (рис. 6, 18). Около темени комочки охры.

Могила 38. О каменном развале над ней см. в описании могилы 33. Под камнями и среди них куски обугленного дерева, возможно, от покрытия могилы. Могильная яма квадратная, размерами 240×220 см, глубиной 70 см, ориентирована с ЮЮЗ на ССВ. На дне ее два скелета и отдельные кости третьего (рис. 8, 10).

Скелет 1, восточный. Мужчина (?) 40—60 лет. Кости его все смещены, но лежат, по-видимому, на той площади, которая была ему отведена в могиле. Судя по положению соседнего скелета и обоих погребенных в соседней могиле (могила 33), он лежал, по-видимому, в направлении с ЮЮЗ на ССВ, головой на ЮЮЗ. В таком случае горшок, шаровидный, сплошь ор-

наментированный горизонтальными линиями (рис. 13, 4), стоял у него в ногах.

Скелет 2. Мужчина 20—25 лет на левом боку, головой на ЮЗ, руки кистями к лицу, ноги согнуты в коленях. Череп и часть костей грудной клетки несколько смещены.

Скелет 3. Отдельные кости взрослого человека (обломок плечевой, лучевая и локтевая) найдены в нижней части заполнения могилы.

Могила 39. В колее автомобильной дороги виднелся ряд камней. Раскрытие их показало наличие развала из трех групп небольшого числа беспорядочно лежащих камней на площади 6 × 4 м. Под одной из них, лишь частично совпадая с ней, находилась овальная яма, размерами 95 × 75 см, глубиной 70 см, а в ней каменный пест из длинного угловатого валуна с оббитыми ребрами в верхней половине для удобства держания в руке (рис. 6, 28).

Могила 41; в западном конце могильника. На поверхности виднелись 3 камня и характерное едва заметное углубление между ними. Развал круглый, диаметром приблизительно в 6—7 м, с углублением посередине (рис. 16; 9, 2). Под ним подквадратная яма, ориентированная с ЮЗ на СВ, с прямыми углами в юго-западной стороне и сильно закругленными в северо-восточной. Размеры ее 250 × 220 см, глубина 140 см. Заполнена до самого дна свалившимися в нее камнями, среди которых было много и крупных, весом до 100 кг. На дне 8 скелетов (рис. 8, 11; 9, 5). Пять из них расположены в ряд, головами к юго-западной стенке (скелеты 1—5), три — в разных положениях в оставшемся свободном пространстве около северо-восточной стенки ямы (скелеты 6—8).

Скелет 1, в южном углу. Женщина 40—60 лет, как бы на левом боку, руки кистями у подбородка, ноги слегка согнуты, голени перекрывают стопу скелета 6, а бедра перекрыты коленом соседнего скелета. Возможно, что первоначально он лежал на спине, правым бедром примыкая к стенке ямы, с поднятыми вверх коленями, а затем повалился неполностью на левый бок, перекрыв ногами стопу скелета 6. Ноги же скелета 2 повалились на его бедра позже. В ногах яйцевидный горшок с налезным валиком и елочным орнаментом (рис. 11, 10). У правого плеча обломок медного шила (рис. 6, 31).

Скелет 2. Женщина (?) 25—30 лет, на спине, руки кистями на животе, ноги согнуты и повернуты (упали) направо, правым коленом на бедра скелета 1.

Скелет 3. Женщина (?) юношеского возраста (16 лет), на правом боку, правая рука кистью у подбородка, левая неестественно согнута и направлена локтем в сторону, кистью к животу. Ноги сильно согнуты, пятки соприкасаются с тазовыми костями. Первоначальное положение, вероятно, на спине, с высоко поднятыми коленями. Ноги затем повалились налево, перекрыв коленями грудную клетку соседнего скелета, туловище, голова и руки тоже повернулись налево.

Скелет 4. Пол не определен. Юношеского возраста (14—16 лет). Сохранились лишь череп, кости левой руки, несколько ребер и кости ног. Судя по их положению, погребенный лежал на спине, со слабо согнутыми ногами, левая рука закинута за голову.

Скелет 5. Женщина 40—60 лет, на спине, руки вдоль тела, левая несколько откинута в сторону, ноги слабо согнуты и повернуты налево.

Скелет 6, в восточном углу могилы. Женщина 40—60 лет, головой на СВ, на левом боку, ноги согнуты в разной степени, руки согнуты так, что предплечье их лежит рядом с соответствующим бедром, а кисть у колена.

Упомянутый уже горшок у скелета 1 налегает боком на голень левой ноги, но все же вероятнее, что этот горшок относится к первому скелету.

Скелет 7, головой в центре могилы, ногами у ее северо-восточной стенки. Женщина 19 лет, на спине, левая рука вдоль тела, правая предплечьем и кистью поперек живота, ноги согнуты и повернуты налево. В ногах, между пятками и тазовыми костями обнаружен шаровидный горшок с елочным орнаментом, выполненным шагающей гребенкой (рис. 11, б).

Скелет 8. Подросток 7 лет. Сохранился только череп в северном углу могилы и несколько ребер. Лежал, по-видимому, головой на С или на СВ.

* * *

Проведенные раскопки на могильнике под Афанасьевой Горой в 1963—1964 гг. значительно дополнили наши представления об этом классическом памятнике афанасьевской культуры. Прежде всего удалось выяснить, что надмогильные сооружения здесь, в принципе, не отличаются от сооружений на других могильниках. Свообразен только их современный вид. До раскопок всего сооружения (а С. А. Теплоухов памятники полностью не вскрывал) действительно можно подумать, что это круглые площадки, выложенные камнями, а не круглые ограды, как это характерно для других памятников афанасьевской культуры. На фотографиях и чертежах расчищенных могильных сооружений можно ясно увидеть, что это не кладка по кругу, а развал какого-то круглого сооружения, вероятнее всего, круглой ограды. Круглые ограды хорошо сохраняются, когда они сооружены из вертикально поставленных плит или сложных из плитняка. Здесь же материалом для сооружения служил не плитчатый песчаник, а камни аморфной изверженной породы, взятые из осыпи над могильником. Ограды и другие сооружения из таких разной неправильной формы камней непрочны, легко разваливаются, и в развале невозможно отличить, какие из них лежат на своем первоначальном месте, а какие свалились.

Могильные ямы обычно заполнены камнем с землей. Камни в верхней части ямы заполняют всю площадь могилы, а ко дну площадь, занятая камнями, сокращается. Каменное заполнение в разрезе имеет форму воронки или опрокинутого конуса. По положению отдельных камней можно видеть, что эта масса камней не была сброшена в пустую яму поверх трупов (тогда бы она заполнила ее равномерно), а провалилась туда в процессе разрушения могилы. Следовательно, могила после погребения в ней умерших была закрыта сверху, вероятно, деревом, а поверх этого заложена земля и камнем, которые затем завалились вниз, образовав наверху небольшую западинку.

Все раскопанные нами могилы, кроме трех (могилы 29, 33 и 38), а в раскопках С. А. Теплоухова 9 могил, оказались неграбленными. В них все сохранилось ненарушенным. Это позволяет теперь хорошо представить погребальный обряд афанасьевцев, более детально и точно, чем это удавалось в других могильниках, всегда в значительной мере поврежденных. Теперь по-новому освещается вопрос о парных и коллективных могилах афанасьевской эпохи. Парных погребений в афанасьевском могильнике, как и в других его времени, по-видимому, нет. В могилах погребали часто одного человека, часто двух и нередко по несколько человек. Так, из тридцати могил Афанасьевского могильника с погребениями взрослых в девятнадцати могилах погребено по одному человеку, в семи — по два человека, в четырех — по три-семь человек. Это значит, что 19 человек (37%) погребено в индивидуальных могилах, 14 человек (27%) — по два в одной могиле и 18 человек (35%) — по 3—7 человек в одной могиле. При этом в тех слу-

чаях, когда в могиле погребено два человека, то это могут быть мужчина с женщиной, или двое мужчин, или две женщины. Так, в Афанасьевском могильнике в двух могилах были парные захоронения мужчины и женщины (могилы 11 и 26), в одной — двое мужчин (могила 38), в одной же — две женщины (могила 33) и в трех — по двое взрослых, пол которых не определен. Поэтому нет никаких оснований говорить здесь об обычае погребать с мужчиной его жену, так как погребения мужчины с женщиной не более часты, чем погребения двух мужчин или двух женщин.

Нет также теперь оснований считать коллективные могилы афанасьевской культуры как усыпальницы каких-либо особых лиц с несколькими сопровождающими их подчиненными или членами семьи или общества. Хорошо сохранившиеся и детально исследованные коллективные могилы в Афанасьевском могильнике (а также и в могильнике Карасук III) совершенно отчетливо показывают, что в этих могилах нет лиц, выделяющихся своим богатством или общественным положением. Это, по-видимому, захоронения типа братских могил, куда погребали одновременно несколько умерших человек. Интересно отметить, что в двух коллективных могилах погребены только женщины: в могиле 24 — четыре женщины, в могиле 41 — семь женщин и один подросток (может быть, девочка?).

В двух могилах найдены медные скобочки, по-видимому, от потрескавшихся деревянных сосудов. Возможно, что в тех случаях, когда при погребенном не поставлены горшки, пища была положена в деревянные или берестяные сосуды.

Встречены маленькие горшочки в нижней части почвенного слоя (рис. 10, б). Они находились под небольшими каменными сооружениями. Это позволяет говорить, по аналогии с находками в могильнике Карасук III, о наличии детских могилок. Их, вероятно, было здесь больше, но в тех случаях, когда пища младенцу положена не в глиняном горшочке, а в деревянной бадейке или берестяном теске, от могилки может ничего не сохраниться. Такова, например, могила 36.

Саргов

У северного подножия г. Оглахты, около бывшего улуса Саргова (1902—1903 гг.), а затем Центральной фермы (1965 г.), расположено большое курганное поле — несколько могильников разных этапов тагарской культуры. Около вершины овражка, идущего вдоль подножия горы к Енисею, А. В. Адрианов раскопал в 1903 г. 5 могил афанасьевской культуры, расположенных среди тагарских курганов. Некоторые из них я видел в 1965—1966 гг. Это обычные, так называемые афанасьевские кольца диаметром до 10 м.

В 1965 г. на расстоянии около 100 м к востоку от них, по северному склону ложка, нами была раскопана еще одна могила (могила 3), обнаруженная при раскопках двух могил сарагашенского этапа тагарской культуры. Раскопки вела М. Н. Пшеницына.

Вещи из раскопок А. В. Адрианова — в Минусинском музее; из раскопок М. Н. Пшеницыной — в Эрмитаже.

Литература: ОАК, 1903, с. 128—131; Грязнов, Комарова, 1966, с. 15.

Ограды, раскопанные А. В. Адриановым, описаны суммарно и очень кратко. Привожу полный текст: «...Совершенно плоские, без всякой насыпи курганы, отмеченные каймой из плашмя уложенных плиток и камней в

форме кольца. Здесь были беспорядочные погребения по одному костяку, без правильного устройства могил. Предметов в них не найдено, кроме небольшого горшочка, конической формы, сплошь покрытого орнаментом от краев до дна».

Могила 3 (рис. 17, 6, 7). Надмогильные сооружения не сохранились. Сверху частично перекрыта неграбленной коллективной могилой сарагашенского этапа. Квадратная яма размерами 3,2 × 3,6 м, глубиной 50 см от современной поверхности. Недалеко от дна остатки обвалившегося вниз бревенчатого наката — 4 листовенничных бревна диаметром по 40 см, уложенные в направлении З-В. Западная часть могилы и ее покрытие нарушены грабителями. На дне кости четырех скелетов. 1 — юноша (?) 18 лет, на спине, головой на Ю, с поднятыми вверх коленями (ноги впоследствии упали направо), 2 — подросток 13 лет. На месте сохранились длинные кости ног. Судя по их положению, погребенный лежал головой на З. Остальные кости скелета смещены. 3 — мужчина 25—30 лет, слева от предыдущего. На месте сохранились кости голеней. Судя по их положению, погребенный лежал головой на З. Остальные кости в полном беспорядке в заполнении и на дне могилы. 4 — женщина 40—60 лет. На месте сохранились только кости одной стопы. Скелеты занимали южную половину могилы. В северной ее половине находились 3 раздавленных горшка: два — яйцевидных, один — сферический (рис. 10, 11; 18, 1—2). В заполнении найден рог козули, употребившийся в качестве какого-то орудия (рис. 6, 29).

Наблюдения показали, что могила была ограблена после того, как покрытие ее давно рухнуло на дно и настолько сгнило, что бревна не надо было перерубать, они легко резались и ломались лопатой или другим землякопным орудием. Верхняя же могила сарагашенского этапа сооружена была еще позже, когда следы ограбления афанасьевской могилы уже изгладились и сколько-нибудь значительных признаков ее на поверхности не было. Это еще одно свидетельство того, что могилы эпохи бронзы на Енисее расхищались в древности.

Сыда I

Могильник был расположен на первой надпойменной террасе правого берега р. Сыды, в 300—350 м от ее края, в 1 км к СЗ от бывш. с. Сыда. В 1929 г. С. В. Киселев раскопал здесь 7 курганов (курганы 1—7). В могильнике он насчитал 12 курганов, под которыми можно предполагать афанасьевские могилы. В 1965 г. лето было исключительно сухим, травяной покров минимален и на поверхности степи хорошо видны все детали рельефа. В этих условиях мы увидели несколько большее число курганов, но точное число их определить не решились, так как ограды видны не на всех курганах, а насыпи иногда настолько незначительны, что трудно отличимы от естественных неровностей земли. Нами раскопано здесь два кургана (курганы 8 и 9). Основная задача раскопок состояла в том, чтобы проверить, действительно ли курганы Сыды отличаются по конструкции надмогильных сооружений от курганов других могильников, или представление об особом устройстве их объясняется лишь тем, что во время предыдущих исследований курганы полностью не раскапывали и ограды их не расчищали.

Вещи из раскопок С. В. Киселева — в ГИМе, из наших раскопок — в Эрмитаже.

Курган 1 (11).* В центре овальная яма 2,45 × 1,15 м, глубиной 65 см.** Кости человека в беспорядке, начиная с глубины 25 см. Среди них черепки одного сосуда. В западной части кургана, около ограды, на глубине 15 см от поверхности, черепки другого сосуда, яйцевидного с елочным орнаментом.

Курган 2 (12). В центре прямоугольная яма 3,5 × 1,8 м, глубиной 95 см, с закругленными углами, ориентированная по длине с З на В. На уровне горизонта покрыта накатом из основных бревен, длиной по 2,5 м, диаметром до 30 см, положенных попереk могилы. Центральная часть наката не сохранилась. На дне могилы кости человека в беспорядке. Судя по сохранившимся на месте костям правой руки, погребенный лежал у восточной стены, головой на Ю. Здесь же найдены куски рога и грудина марала и черепки трех горшков — яйцевидный с елочным орнаментом (фрагменты) и два горшковидных плоскодонных, один с елочным орнаментом, другой с вертикальными зигзагообразными полосами (рис. 19, 2). У середины западной стенки черепки четвертого горшка, яйцевидного с елочным орнаментом (рис. 19, 10).

В центре насыпи, на глубине 20 см от поверхности, плохо сохранившиеся кости человека и черепки гладкостенного горшка, не относящиеся к афанасьевской культуре.

Курган 3 (13). В центре прямоугольная яма 2 × 1,3 м, глубиной 40 см, ориентированная по длине с ЮЗЗ на СВВ. На дне, около юго-западной стенки, в беспорядке кости человека. Недостаёт черепа, таза и многих других костей.

Курган 4 (14). Ограда из вертикально поставленных плит. В ней две могилы.

Могила 1. В центре, несколько ближе к С, прямоугольная яма 2,4 × 1,7 м, глубиной 55 см, ориентированная по линии ЮЗЗ—СВВ. Сверху, вдоль ямы, сосновое бревно длиной 3 м, диаметром 25 см. На дне ямы в беспорядке плохо сохранившиеся кости человека и среди них отдельные обломки круглодонного сферического горшка с орнаментом из горизонтальных линий, чередующихся с отгисками гребенки (рис. 19, 4), и яйцевидного горшка с елочным орнаментом. Часть обломков второго горшка и обломки горшка, также яйцевидного, с орнаментом из рядов овальных ямок, находились в центре ямы на 40 см выше.

Могила 2, рядом с первой, на 1 м южнее ее. Прямоугольная яма 2,4 × 2 м, глубиной 70 см, ориентированная с ЮЗЗ на СВВ. На дне ямы 8 скелетов. Пять из них лежали в ряд, головой на ЮЗЗ, все на левом боку с согнутыми в коленях ногами, занимая большую западную часть могилы. Первый с юга скелет мужской (?) со слабо согнутыми ногами; второй — мужской с несколько более согнутыми ногами; третий — женский (?) с сильно согнутыми в коленях ногами (бедренные кости несколько выдвинуты коленями вперед, а ступни прижаты к тазу); четвертый — женский (?) с коленями, согнутыми под прямым углом; пятый, последний в ряду, судя по сохранившимся костям правой ноги и нескольким ребрам, лежал вдоль северной стенки в том же направлении, как и предыдущие. В северо-западном углу могилы, около несохранившегося черепа этого скелета, находился сферический горшок с поверхностью, заглаженной зубчатым штампом (рис. 19, 7). В оставшемся свободном пространстве вдоль восточной стенки

* С. В. Киселев в дневнике и в ДИЮС обозначил раскопанные им курганы 11—17, а в публикации 1937 г. — номерами 1—7. Для удобства дальнейшего обращения с материалами сыддинского могильника в настоящей публикации этим курганам присвоены номера 1—7, а нашим двум курганам — номера 8—9. В скобках указывается номер кургана по дневникам и ДИЮС.

** Глубина могил и находок указывается от горизонта.

могилы лежали три скелета. Шестой — скелет молодой женщины в северо-восточном углу могилы, на правом боку, с согнутыми ногами, головой на ССЗ. Между черепом и северной стенкой два горшка — один плоскодонный с поверхностью, заглаженной зубчатым штампом, другой яйцевидный с елочным орнаментом (рис. 19, 8). Третий миниатюрный горшочек с елочным орнаментом лежал около нижней челюсти (рис. 19, 1). Перед лицом находились костяной наконечник стрелы (рис. 6, 26) и медная оковка деревянного предмета с остатками древесины в ней (рис. 6, 4, 25). Восьмой скелет младенца лежал перед лицом предыдущего, по-видимому, в скорченном положении (очень плохой сохранности). Седьмой — мужской (?) на правом боку, с сильно согнутыми в коленях ногами, головой на СВВ, вдоль южной стенки могилы. Кости ног его лежали поверх костей скелета 1. Перед лицом его обломки двух яйцевидных горшков с елочным орнаментом (рис. 19, 9).

Курган 5 (15). В ограде три могилы: 1 — в центре, 2 — к СЗ от нее, 3 — к ЮВ.

Могила 1. Прямоугольная яма 1,55 × 1,45 м, глубиной 60 см, ориентированная по длине с З на В. Сверху покрыта тремя массивными песчаниковыми плитами, в средней части которых пробито отверстие диаметром до 90 см. На дне в беспорядке гряда костей человека.

Могила 2. Прямоугольная яма 1,5 × 0,8 м, глубиной 60 см, ориентированная по длине с СЗЗ на ЮВВ. Сверху покрыта двумя песчаниковыми плитами. На дне скелет молодого человека на спине, головой на З, с поднятыми вверх коленями. У левого виска медная проволоочная спиралька (рис. 6, 13). В ногах два целых горшка — яйцевидный с елочным орнаментом и горшковидный с выпуклым дном (рис. 19, 3).

Могила 3. Прямоугольная яма 1,30 × 0,65 м, глубиной 45 см, ориентированная по длине с ССВ на ЮЮЗ. Сверху покрыта песчаниковой плитой. На дне скелет ребенка 5—6 лет, на левом боку, головой на ССВ. Левая рука вдоль тела, правая — кистью на тазу. В ногах два горшка — яйцевидный с елочным орнаментом и сферический с заглаженной зубчатой поверхностью.

Курган 6 (16). В ограде две могилы: 1 — в центре, 2 — в полуметре к Ю от первой. В западной стороне у самой ограды на глубине 5 см астрагал овицы и маленькая каменная терка с сильно стертým основанием. В восточной стороне, также около ограды, на той же глубине крупная галька со следами употребления ее в качестве колотушки.

Могила 1. Прямоугольная яма 2,6 × 2,2 м, глубиной 50 см, ориентированная с ССЗ на ЮЮВ. В заполнении ее много обломков песчаниковых плит, вероятно, от разбитого грабителями покрытия могилы. На дне кости двух скелетов. От первого сохранились только обломки черепа, лопатка и ребро, лежавшие ближе к северной стенке могилы. Второй скелет частично потревожен. Судя по сохранившимся на первоначальном месте костям, он лежал вдоль западной стенки, на правом боку, с согнутыми в коленях ногами. Правая рука лежит вдоль тела, левая — кистью на левом колене. В ногах обломки яйцевидного горшка, украшенного рядами угловых оттисков пластинок. Посередине ямы найдены два обломка рожа, сделанного из рога марала (рис. 6, 34). Около западной стенки обломки сферического горшка, украшенного оттиснутыми гребенкой ромбами.

Могила 2. Прямоугольная яма 1,65 × 1,2 м, глубиной 50 см, ориентированная по длине с ЮЗЗ на СВВ. Остатков погребения не сохранилось.

Курган 7 (17). В центре прямоугольная яма 2,8 × 2,5 м, глубиной 55 см, ориентированная с ЮЗЗ на СВВ. На дне в беспорядке кости двух скелетов человека. Черепов и многих других костей недостает. Среди костей трубчатый футляр, сделанный из берцовой кости барана (рис. 6, 24), и обломки

трех горшков: 1 — большой сферический с заглаженной зубчатой поверхностью; 2 — яйцевидный с елочным орнаментом; 3 — горшковидный с выпуклым дном с елочным орнаментом в верхней части. В северо-восточном углу целый яйцевидный горшок с елочным орнаментом (рис. 19, б), глиняная вазочка-курильница (рис. 19, в) и кремневый отщеп.

Курган 8. Возвышение неправильной овальной формы диаметром около 10 м, высотой 40 см. На поверхности его по кругу в некоторых местах виднелись плиты. После снятия насыпи обнаружилась ограда овальной формы размерами с С на Ю — 9 м, с В на З — 3—3,7 м (рис. 17, л). Большая часть ограды с северной стороны сложена из плитняка, часть ограды с южной стороны сооружена из вертикально поставленных больших плит. Можно предполагать, что южная часть первоначально круглой ограды, сложенная из плитняка, была разобрана, и к концам оставшейся ограды пристроена ограда из вертикально поставленных плит, что и создало удлиненную грушевидную в плане форму ограды. Стенки ограды сохранились на высоту 5—6 слоев (40—35 см), ширина — 70 см. Вертикально поставленные плиты достигали в толщину 12 см и ширину 100—120 см, высотой до 35 см. Часть плит наклонилась наружу, часть — внутрь. Ограда сооружена на уровне древней поверхности. В насыпи кургана на различной глубине найдены кости животных и фрагменты орнаментированного горшка афанасьевской культуры. Внутри ограды две грунтовые могилы.

Могила 1 (северная) (рис. 17, 2). Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами. Размеры 200 × 110 см, глубина — 145 см от поверхности кургана. Ориентировка В—З. Покрытие из жердей, положенных вдоль могилы (прослеживались остатки дерева в направлении вдоль могилы). Могила разграблена. В заполнении на глубине 40 см был найден кремневый скребок. На дне могилы находились кости скелета женщины 30—35 лет. В анатомическом порядке лежали кости ног ниже колена в северном углу могилы. Судя по положению мелких костей стопы, ноги были подняты вверх коленями и впоследствии упали вправо, а погребенная была положена на спину, головой на З. Остальные кости скелета в беспорядке. Череп — в северо-западном углу. Куча костей — два бедра, тазовые, крестец и другие — лежали в юго-восточном углу. Многих костей нет. В северо-восточном углу горшок яйцевидной формы (рис. 18, б).

Могила 2 (южная) (рис. 17, 3). Прямоугольная яма. Размеры 250 × 215 см, глубина от поверхности кургана — 140 см. Ориентировка В—З. Покрытие из жердей (остатки перегнившего дерева). Могила разграблена. Заполнение из земли более темного цвета по сравнению с грунтом стенок. В заполнении около северо-восточного угла, перпендикулярно к восточной стенке, находились две плиты в вертикальном положении. На дне кости скелета мужчины 35—40 лет. У южной стенки могилы сохранили анатомический порядок полностью позвоночник с левыми ребрами, крестец, левая тазовая кость и кости левой ноги, согнутой в колене, без стопы. Под ними находились также в сочленении все кости правой ноги. Это, видимо, две части полуразложившегося трупа, переброшенные при разграблении (?) могилы. Остальные кости в беспорядке находились в разных местах могилы. Почти в центре, на дне могилы, два раздавленных горшка (рис. 10, 4, 8), а в заполнении могилы — кремневый скребок.

Курган 9. Диаметр — 12 м, высота — 50 см, на поверхности его по кругу местами заметны торчащие плиты. После снятия земли кургана обнаружилась круглая ограда диаметром в 9,5 м из вертикально поставленных плит (рис. 17, 8). Многих плит недостает, особенно в юго-восточном секторе. Большинство плит отклонено наружу. Некоторые плиты сломаны и лежали с наружной стороны ограды. Некоторые сохранившиеся плиты огра-

ды были более 40 см высотой. Несомненно, верха плит обломаны, и по упавшим обломкам можно судить, что плиты ограды были до 1 м высотой. В насыпи у восточного сектора ограды найдены черепки курильницы (рис. 10, 1, 3), а у северного сектора — обломок горшка. Ограда сооружена на поверхности древней почвы. Внутри ограды две могилы.

Могилы 1 (центральная) (рис. 17, 5). Квадратная яма размерами 245 × 220 см, глубина от поверхности кургана — 160 см. Покрытие состояло из поперечно положенных жердей (прослежено по остаткам гнилого дерева). Ориентирована В—З. Могила разграблена. Разрозненные кости женщины 45 лет находились на дне и в разных местах могилы. В 40 см от восточной стенки лежали три сосуда: большая корчага, яйцевидный сосуд средних размеров и небольшой плоскодонный (рис. 18, 3—5). Рядом с корчагой накопчик из рога марала с тремя отверстиями на широком конце и круговой зарубкой на узком (рис. 6, 32) и медная оковка с сохранившимся в ней медным гвоздиком.

Могила 2 (рис. 17, 4). Прямоугольная яма размерами 130 × 90 см, глубина — 96 см. Северо-западная и северо-восточная стенки обложены тонкими плитами песчаника. Ориентировка СВ—ЮЗ. Остатков покрытия не сохранилось. У северо-восточного борта могилы лежала на древней поверхности небольшая плита, возможно, выброшенная грабителями из могилы. На дне в беспорядке кости двух скелетов — ребенка 6 лет и подростка 7 лет. Вещей нет. Принадлежность могилы к афанасьевской культуре вызывает некоторые сомнения.

Раскопки двух курганов в 1965 г., естественно, много нового дать не могли. Найденный вещевой материал, устройство могил и погребальный обряд обычны для курганов афанасьевской культуры. Интересно лишь то, что здесь впервые для афанасьевской культуры наблюдается случай расширения могильной ограды при устройстве новой могилы. Отмеченные С. В. Киселевым кольцевые каменные выкладки на насыпи сыдинских курганов оказались обычными выступающими на поверхности кургана каменными оградами.

ГЛАВА II

ПАМЯТНИКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА РЕЧКЕ КАРАСУК

Нам довелось исследовать два куста, если можно выразиться, памятников афанасьевской культуры — один на речке Карасук, около известного могильника Карасук I, давшего название карасукской культуре, и другой у подножия г. Тепсей (Грязнов, Комарова, 1979, с. 20—27). В первом кусте полностью раскопан могильник Карасук III, в четырнадцати оградах которого находилось 40 могил, содержавших погребения 66 человек разного пола и возраста, одна ограда в могильнике Каменный Лог II и две ограды — в могильнике Барсучиха IV. Могильник Каменный Лог II расположен на правом берегу р. Карасук при выходе ее из низины в горный проход, Карасук III — также на правом берегу речки, в 2 км от предыдущего, а Барсучиха IV — на левом берегу речки, после выхода ее в долину Енисея, в 1,5 км от предыдущего, на краю надпойменной террасы Енисея. Вряд ли эти три могильника указывают на наличие здесь трех одновременных поселков афанасьевской культуры. Если большой могильник Карасук III принадлежал находившемуся здесь поблизости какому-то долговременному поселку, то два других слишком малы, чтобы можно было их считать хоть сколько-нибудь долговременными кладбищами, так как кроме трех раскопанных нами оград, других не наблюдалось.

Карасук III

Могильник находится на правом берегу р. Карасук (близ бывш. с. Батени) около выхода ее из гор в долину Енисея вдоль северной окраины известного Карасукского могильника, именем которого названа карасукская культура. Обнаружен М. Н. Комаровой по наличию в нескольких местах небольших групп едва видимых на поверхности беспорядочно расположенных камней. Только в одном случае можно было усмотреть как бы угол плохо сложенной прямоугольной ограды. Это оказались части каменного покрытия над могилой 1 в ограде 2. В другом случае довольно отчетливо прослеживалось кольцо голой земли почти без травы, в нескольких местах которого на поверхности виднелись камни. Это оказалась круглая ограда (ограда 1). Во всех случаях (кроме ограды 1) круглые ограды могил были полностью скрыты под землей, и на поверхности можно было видеть только немногие камни от покрытия могилы и иногда едва заметное повышение земли.

Могильник занимает площадь размерами около 350 × 70 м (ок. 2,5 га) (рис. 20). В 1961 г. на нем было раскопано 7 оград, и при их раскопках открыты края еще трех оград, не имевших решительно никаких внешних признаков. По видимым на поверхности немногим камням в последующие годы открыто еще 4 ограды. Могильник раскопан полностью, хотя не исключено, что некоторые могилы, не найденные нами, остались еще под землей.

Раскопки велись М. П. Грязновым и М. Н. Комаровой. Ограды 1—7 раскопаны в 1961 г., ограды 8—10 — в 1962 г. и ограды 11—14 — в 1963 г. Вещи — в Эрмитаже.

Литература: Грязнов, 1965; Иванова, 1968б.

Ограда 1. Обнаружена по кольцу слабо поросшей травой земли с видимыми на его поверхности двенадцатью камнями. Диаметр — 11 м (рис. 21, 1; 22, 1, 3). Сложена из плитняка. Сохранилось 2—5 рядов плиток на высоту до 20 см и немного плиток снаружи в развале. В почвенном слое, особенно в юго-западном секторе ограды, обломки костей и мелкие кости животных: зубр (астргал, пяточная, бабка, грудной позвонок и обломки лучевой и берцовой); зубр (?) (обломки бедра и астргала); корова (бабка и обломок большой берцовой); кулан (обломок метакарпальной). Здесь же найдены каменные курант и предмет в виде плоского цилиндра, обработанный точечной техникой, со следами употребления в качестве куранта или ступки (рис. 23, 17, 19).

Могила 1 (рис. 22, 2; 24, 1). Квадратная яма, размерами 280 × 260 см, глубиной 125 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. На северо-западном борту ямы и частично над ней группа камней (плитняка), возможно, с могилой не связанных. На дне 3 скелета: 1 — детский, 11—12 лет, вдоль юго-восточной стенки ямы, в вытянутом положении, лицом и животом вниз, головой на ЮЗ; 2 — мужской, 45—50 лет, рядом с первым, на правом боку, в скорченном положении (грудная клетка свалилась налево, приняв положение на спине), кисть правой руки лежит поверх предплечья первого скелета; 3 — мужской, 17—18 лет, в ногах первых двух, поверх костей стоп первого скелета, на спине с согнутыми в коленях ногами, упавшими коленями налево, головой на ЮВ, от ног ниже колена сохранились только кости правой стопы и малая берцовая в анатомическом порядке и часть костей левой стопы в беспорядке. Все кости окрашены красной охрой. В северном углу ямы два яйцевидных сосуда (рис. 25, 4, 5); чаша-светильник (рис. 25, 2) и два фрагмента других горшков. В западном углу кусочек медной руды (?).

Могила 2 (рис. 24, 1). Рядом с первой, в 60 см к ЮВ от нее. Неправильно-квадратная яма 180 × 180 см, глубиной 115 см. Ограблена. На дне ямы на месте сохранились кости ног двух скелетов — подростка 12—14 лет и взрослого мужчины (?). Остальные кости на 15—20 см выше в беспорядке в юго-восточной половине могилы. Многих костей недостает. Судя по положению костей ног, подросток лежал вдоль юго-восточной стенки ямы, вытянуто, на спине, головой на ЮЗ, а взрослый — рядом с ним на правом боку в скорченном положении. На костях красная охра. В ногах подростка яйцевидный горшок (рис. 25, 6). Среди разбросанных костей два роговых гвоздика (рис. 23, 2) и фрагмент четырехугольного сосуда.

Могила 3 (рис. 24, 1; рис. 22, 4). Неправильно овальная яма 200 × 110 см, глубиной 100 см, ориентирована по линии ЮВ—СЗ. На дне скелет женщины 35—40 лет на правом боку, с согнутыми ногами, головой на ЮВ. Кости окрашены красной охрой. В ногах один остродонный горшок

(рис. 25, 1) и фрагменты шаровидного (рис. 25, 3). На левой лопатке миниатюрный медный ножичек (?). В южном углу медная оковка с остатками дерева.

Ограда 2. Обнаружена по хорошо заметному повышению земли (35 см) и по небольшому числу камней, расположенных по двум сторонам прямого угла, оказавшихся частью покрытия могилы 1. Диаметр — 14,5 м. Сооружена из вертикально поставленных плит, полностью скрыта под землей. Первоначальная высота ее над поверхностью была не менее 40 см, судя по сохранившимся двум обломкам плит, свалившимся внутрь ограды в ее северо-восточном секторе. Высота земляной насыпи над погребенной почвой — до 60 см. В насыпи обломки костей животных: корова (6 зубов от 2 особей и нижняя челюсть), баран (?) (лопатка). В ограде 3 могилы (рис. 26, 1; 22, 5, 7).

Могилы 1 (рис. 27, 1; 22, 6). Подквадратная яма 310 × 290 см, глубиной 155 см (от погребенной почвы — 105 см), ориентированная по линии ЮЗ—СВ. Первоначально была покрыта (вероятно, поверх бревенчатого наката) земляным сооружением в виде плоской усеченной пирамиды размерами 6 × 6 м, высотой несколько более 60 см, по всей поверхности обложенной в два слоя плитами. Средняя часть этого сооружения со временем провалилась внутрь могилы на глубину до 1 м от поверхности. Провалившиеся плиты образовали как бы «воронкообразную выкладку». На дне могилы 5 скелетов: 1 — детский 10—11 лет, вдоль юго-восточной стенки ямы, на спине, со слегка согнутыми в коленях и упавшими направо ногами, головой на ЮЗ; 2 — женский старческого возраста, рядом с первым в таком же положении, слева у черепа около виска серебряная серьга (рис. 23, 6а); 3 — кости мужчины 40—60 лет, сложенные продолговатой кучкой параллельно первым двум скелетам, череп с нижней челюстью отдельно к ЮЗ от остальных костей, кости таза и некоторые группы позвонков в сочленении, у черепа около левого ушного отверстия серебряная серьга (рис. 23, 6б); 4 — кости мужчины 25—40 лет, сложенные такой же кучкой в ногах первых двух скелетов в поперечном направлении, череп с нижней челюстью к ЮВ от остальных костей; 5 — кости ребенка 8—10 лет, положенные такой же кучкой, параллельно предыдущему костяку к СВ от него, вдоль северо-восточной стенки ямы. Очевидно, что последние три скелета погребены в могилу в виде разъединенных, освобожденных от тканей костей. У всех трех скелетов недостает многих мелких костей, у пятого скелета нет также нижней челюсти, обеих повздошных костей и обеих малых берцовых. У скелетов третьего и четвертого отломаны и отсутствуют эпифизы всех трубчатых костей и на тазовых костях и на лопатках более рыхлые края. На тазовых костях, лопатках и ребрах в ряде случаев сохранились следы зубов (клыков) собаки или волка. На черепях никаких повреждений нет, и у одного из них, как уже указано, около ушного отверстия лежала серебряная серьга. Никаких повреждений на костях пятого скелета нет. Надо полагать, что тела трех скелетов находились первоначально где-то в другом месте и после того как от них остались только голые кости, последние были собраны, сложены в какой-то мешок или завернуты в узел и в таком виде положены в могилу. При этом часть костей, преимущественно мелких, утрачена и в могилу не попала. Тела двух скелетов были съедены собаками или волками. Но головы всех трех хранились, вероятно, отдельно — они остались неповрежденными, и у одной из них осталась даже серьга в ухе. Вдоль северо-западной стенки ямы могилы четыре остродонных (рис. 28, 2, 4, 5, 7), два шаровидных (рис. 28, 1, 6) горшка и один реповидный огромного размера: диаметр — 65 см, высота — 55 см (рис. 28, 10). Около крайних с севера горшков 3 костяных острия (рис. 23, 5). Между горшками и костями третьего

скелета 54 мелких костяных гвоздика (рис. 23, 3), в верхней части окрашенных охрой. Около юго-западной стены ямы каменный курант (рис. 23, 14), Другой курант найден сразу же под современной почвой над западным углом могилы, в вертикальном положении (рис. 23, 16). Он, вероятно, выброшен при разграблении из второй или третьей могилы.

Могила 2 (рис. 27, 1). Рядом с первой, на расстоянии 1 м к СВ от нее. Квадратная яма 270 × 260 см, глубиной 150 см (от погребенной почвы 100 см). Надмогильное устройство совершенно такое же, как и у могилы 1, и общее с ней. Сделано ли это покрытие из земли и камня на обеих могилах одновременно или одно пристроено к другому с предварительной разборкой каменных плит на смежном склоне, осталось не установленным. Покрытие также провалилось вниз. Встречены остатки дерева от покрытия. Могила ограблена, судя по положению плит и переброшенных костей, намного позже обвала покрытия. В заполнении ямы в беспорядке кости двух скелетов — мужчины 40—60 лет и ребенка 5—6 лет. Кости ребенка находились преимущественно на дне могилы и кости взрослого — выше до 60 см над дном. Кости голеней и части стопы ребенка лежат в анатомическом порядке. Судя по их положению, ребенок был положен вдоль юго-восточной стены могилы, в 60 см от нее, головой на ЮЗ. Можно полагать, что взрослый лежал рядом посередине могилы. В северо-западной половине могилы остались на месте один остродонный (рис. 28, 8) и два шаровидных горшка (рис. 28, 3, 9). На дне могилы, среди костей взрослого, острие из рога косули (рис. 23, 12).

Могила 3. К СВ от первых двух, вероятно, такого же устройства. Сильно разрушена грабителями. Прямоугольная яма 240 × 160 см, глубиной 160 см (от погребенной почвы 95 см). Покрытие также из земли и камня, но камень не плиточный. Размеры и форма покрытия точно не установлены. Остатков погребений не сохранилось.

Ограда 3 (рис. 26, 2; 22, 10). Обнаружена по едва заметному повышению земли (диаметр — около 11,2 м, высота — 30 см) и по нескольким камням в восточной части, расположенным как бы по кругу. Диаметр — 11 м. Сложена из плитняка. Сохранилось 2—7 рядов плиток на высоту 10—40 см. (Развал камней с наружной стороны не расчищался и на плане не показан.) Высота насыпи над погребенной почвой — до 60 см. В насыпи и в почвенном слое много кремневых отщепов, нуклеусов и мелких орудий неолитического возраста, а также каменный пест (рис. 23, 18) и фрагмент от другого; здесь же — несколько черепков афанасьевского типа и неопределимые обломки костей животных. В ограде — 4 могилы.

Могила 1 (рис. 29, 3), центральная. Прямоугольная яма 270 × 230 см, глубиной 150 см (от погребенной почвы 90 см), ориентирована по линии ЮЗ—СВ. В западном и восточном углах небольшие расширения. Покрытие могилы провалилось вниз и нарушено грабителями. Остатки его на бортах ямы и в восточном углу около дна ямы. Состояло из продольных бревен до 6 м длиной, лежащих на погребенной почве, а местами на слое выкида толщиной до 10 см. Над бревнами слой земли до 20 см толщиной и поверх него — мелкие плиты на площади 6 × 6 м. В северо-восточной части ямы над непо потревоженной грабителями частью могилы, поверх остатков бревенчатого покрытия, значительный слой золы. Кости трех или четырех скелетов на дне могилы и в ее заполнении: мужчина (?) преклонного или старческого возраста, юношеского возраста (14—15 лет, пол (?)) и один или два младенца до 1 года. На месте в ненарушенном порядке сохранились кости ног юноши, кости ног младенца и кости верхней части тела того же или другого младенца. Судя по их положению, вдоль середины юго-восточной стенки могилы был положен младенец, головой на ЮЗ с вытянутыми в

коленях и повернутыми направо ногами. Рядом с ним, в том же положении, но коленями налево — юноша. В ногах последнего лежал другой младенец (возможно, это переброшенная часть первого младенца). Мужчина (?) был положен, вероятно, посередине могилы. В расширении восточного угла могилы два остродонных горшка (рис. 30, 3, 6). В расширении западного угла — обломки двух больших шаровидных сосудов, один из них орнаментирован полосами зигзага из оттисков гладкого штампа. Других вещей нет.

Могила 2 (рис. 31, 1). Рядом с центральной, к ЮВ от нее. Овальная яма 90 × 55 см, глубиной 15 см от погребенной почвы, ориентирована по линии ЮЗЗ—СВВ. Покрыта одной плитой, размерами 105 × 60 см. Скелет ребенка 4—5 лет. Кости смещены (грызунами). Первоначальное положение — головой на СВВ. В западном конце могилы (в ногах?) два небольших яйцевидных остродонных горшка (рис. 30, 1, 2). На костях красная охра.

Могила 3 (рис. 31, 1). К ЮВВ от центральной, почти у самой ограды. Яма неправильно прямоугольной формы, 110 × 80 см, глубина — 60 см, ориентирована по линии ЮЮЗ—ССВ. Скелет ребенка 1—1,5-летнего возраста. Кости смещены (грызунами?), но несомненно положение головой на ЮЮЗ, с согнутыми и повернутыми направо коленями. Справа, в ногах, остродонный яйцевидный горшок (рис. 30, 5). 13 просверленных раковин *Corbicula luminalis* — одна в ногах, другая в горшке, остальные в разных местах заполнения ямы (рис. 23, 7). На костях красная охра.

Могила 4 (рис. 29, 1; 22, 12). К В от центральной, у самой ограды. Овальная яма 115 × 70 см, глубиной 25 см от погребенной почвы, ориентирована по линии 3—В. Покрыта тонкой плитой размерами 125 × 70 см и поверх нее еще несколькими тонкими плитами. Скелет подростка 12—14 лет, на спине, головой на 3, ноги согнуты в коленях и повернуты направо. В ногах у колена остродонный яйцевидный горшок (рис. 30, 4) и одна раковина.

Ограда 4 (рис. 32, 1). Группа могил обнаружена по видневшимся на поверхности 5 камням. Ограды нет, но расположение могил предполагает ее наличие. Не была ли она дерновой или деревянной, и потому от нее не осталось следа? В центре две могилы взрослых (могилы 2 и 3), окруженные семью детскими могилами (могилы 4—10). В стороне, к С от остальных, еще одна могила (могила 1), находившаяся, может быть, в другой ограде, также не сохранившейся. В почвенном слое разрозненные обломки костей животных: фаланга одного кулана (рис. 23, 8), плосневая, плечевая и нижняя челюстная зубра (?); лучевая и тазовая косули (?); зубы сайги.

Могила 1 (рис. 33, 2). Подпрямоугольная яма 130 × 65 см, глубиной 80 см, ориентированная по линии СЗ—ЮВ. Покрытие из мелких плит, лежащих в два-три слоя на площади 3 × 3,5 м. Средняя часть покрытия провалилась в яму. На северо-восточном борту ямы, среди плит покрытия, — рукоятка топора, сделанная из куска рога марала (рис. 23, 10). Остатков костей человека нет. В южном конце могилы остродонный яйцевидный горшок (рис. 34, 4). Судя по размерам, могила детская.

Могила 2 (рис. 33, 11). Подпрямоугольная яма 165 × 105 см, глубиной 95 см, ориентированная по линии ЮЮЗ—ССВ. Покрытие, вероятно, состояло из бревенчатого наката, совершенно не сохранившегося, поверх него — земляное сооружение в виде усеченной пирамиды, размерами около 4,5 × 2,5 м, высотой не менее 30 см, облицованное плитняком. Середина покрытия обвалилась в могилу. Могила ограблена. Земляная часть покрытия разрушена. В могиле в беспорядке немногие кости молодого человека (пол?) 18—20 лет (бедро, 2 лопатки, 2 мал. берцовых, 2 ребра) и кости младенца приблизительно 6-месячного возраста. На костях красная охра. Вещей нет.

Могила 3 (рис. 33, 11). Подпрямоугольная яма 180 × 105 см, глубиной 95 см, ориентированная по линии ЮЮЗ—ССВ. Покрытие такое же, как у могилы 2, размерами 3,5 × 2 м. Возможно, что обе могилы имели общее надмогильное сооружение. Могила ограблена. На дне в беспорядке кости женщины старческого возраста (?). Череп и многие кости отсутствуют. Все кости правой стопы в анатомическом порядке в северо-восточном конце могилы. Судя по их положению в могиле, погребенная лежала головой на ЮЗ с согнутыми ногами. На дне несколько черепков от одного горшка.

Могила 4 (рис. 33, 6). В слое погребенной почвы плохо прослеживаемая ямка 95 × 50 см на глубине 45 см от поверхности земли, ориентированная по линии З—В. Покрыта мелкими плитами в два слоя. Часть черепа и некоторые другие кости новорожденного младенца, частично смещенные грызунами. Судя по положению горшочка и остатков черепа, погребенный лежал головой на З.

Могила 5 (рис. 33, 4). В слое погребенной почвы подпрямоугольная яма 60 × 35 см, глубиной 40 см от поверхности земли, ориентированная по линии ЮЗ—СВ. Покрыта двумя тонкими плитками. Покрытие посередине пробито грабителями. Части черепа и некоторые другие кости новорожденного младенца. В северо-восточном конце могилы остродонный горшочек (рис. 35, 3). Судя по положению черепа и горшочка, погребенный лежал головой на ЮЗ.

Могила 6 (рис. 33, 5). В слое погребенной почвы продолговатая яма 70 × 55 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Покрыта тонкими плитами в два слоя. Неполный скелет младенца не старше года. Кости смещены грызунами. В северо-восточном конце могилы остродонный горшочек (рис. 35, 5). Судя по его положению, погребенный лежал головой на ЮЗ.

Могила 7 (рис. 33, 3). В слое погребенной почвы овальная яма 65 × 40 см, глубиной 50 см от поверхности земли, ориентированная по линии СЗ—ЮВ. Покрыта тонкой прямоугольной плитой размерами 90 × 70 см. Несколько трубчатых костей новорожденного младенца в беспорядке. Посередине плоскодонный горшочек (рис. 35, 1).

Могила 8 (рис. 33, 8). В слое погребенной почвы яма неправильной формы 70 × 60 см, глубиной 50 см от поверхности земли. Покрыта тонкими плитами в два слоя. Неполный скелет младенца не старше года. В северо-восточном краю ямы два горшочка — плоскодонный и плоскодонный с налпными ручками (рис. 35, 2, 4). Судя по положению черепа и горшочков, погребенный лежал головой на ЮЗ.

Могила 9 (рис. 33, 9). В слое погребенной почвы овальная яма 75 × 45 см, глубиной 55 см от поверхности земли, ориентированная по линии СЗЗ—ЮВВ. Покрыта мелкими плитами в два слоя. Кости двух новорожденных младенцев. По размерам костей можно предполагать, что это не близнецы, а значит, дети разных матерей. В восточном конце могилы один остродонный горшочек (рис. 35, 9). Судя по положению остатков черепов, погребенные лежали рядом, головой на СЗЗ.

Могила 10 (рис. 33, 7). В слое погребенной почвы прямоугольная яма 60 × 45 см, глубиной 55 см от поверхности земли, ориентирована по линии СЗЗ—ЮВВ. Покрыта мелкими плитами в два слоя. Части черепов и несколько косточек двух младенцев — один новорожденный, другой не старше года. Вдоль западного края ямы — два остродонных горшочка (рис. 35, 8).

Ограда 5 (рис. 36, 2). Обнаружена по немногим видневшимся на поверхности камням, расположенным по кругу. Диаметр — 7,5 м. Сложена из плитняка. Сохранилось до 5 рядов плиток на высоту до 30 см. В ограде 4 могилы — большая в центре, три малых по периферии у самой стенки ограды.

Могила 1, центральная (рис. 24, 2). Прямоугольная яма с закругленными углами, 225 × 160 см, глубиной 95 см, ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Вдоль стенок южного угла незначительные остатки дерева, вероятно, от бревенчатого покрытия ямы. Могила ограблена. На дне и частично в заполнении черепки от шести сосудов (рис. 34, б), из которых пять — орнаментированных, и разрозненные кости трех скелетов — женщины 20—25 лет, юношеского возраста (15—16 лет) и новорожденного младенца. Кости обеих ног и одной руки ниже локтя юношеского скелета сохранились на месте. Судя по их положению, погребенный лежал вдоль юго-восточной стенки, на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. На дне ямы местами красная охра.

Могила 2 (рис. 24, 2; 22, 8). Прямоугольная яма с закругленными углами 200 × 100 см, глубиной 75 см, ориентированная по линии ЮЗЗ—СВВ. Покрыта тремя большими плитами и несколькими малыми, возможно, свалившимися на них со стены ограды. Вдоль южной стенки вертикальная плита, возможно, свалившаяся от покрытия. Скелет взрослого мужчины на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗЗ. Перед лицом яйцевидный горшочек (рис. 35, 11). На дне следы красной охры.

Могила 3. Ямка глубиной 40 см, покрытая плитой, размерами 55 × 40 см. Детская могилка. Кости не сохранились. На дне яйцевидный остродонный горшочек (рис. 35, 7).

Могила 4. Ямка глубиной 35 см, покрытая плитой, размерами 20 × 60 см. Тоже детская. Кости не сохранились. На дне яйцевидный остродонный горшочек (рис. 35, 10).

Ограда 6 (рис. 36, 1). Обнаружена по нескольким видимым на поверхности камням от покрытия могилы. Диаметр — 10 м. Сложена из плитняка. Сохранилось до 3 рядов плит на высоту до 25 см. Одна могила в центре.

Могила. Прямоугольная яма, 280 × 260 см, глубиной 90 см, ориентирована по линии ЮЮЗ—ССВ. На бортах ямы и посередине около дна в трех местах остатки дерева от продольных бревен покрытия. Поверх них в разных местах каменные плиты размером до 100—140 см. Могила ограблена. В заполнении ее и на дне в беспорядке немногие кости двух скелетов — пожилого мужчины 40—60 лет и новорожденного младенца. Среди них, в верхней части заполнения, — трубчатая кость барана, обрезанная на концах, на поверхности — следы залоченности (рис. 23, 13); череп барана с нижней челюстью и кремневый цилиндрический нуклеус (нуклеус и, возможно, череп барана к погребению не относятся). У дна могилы — каменное шлифованное долотце (тоже к могиле не относящееся). На дне огромный реповидный сосуд в западном углу могилы и разрозненные черепки трех небольших остродонных сосудов (рис. 37, 2, 4, 5).

Ограда 7 (рис. 32, 2). Полностью скрыта под землей, но под выстроенным здесь телятником и рядом с ним земля вытоптана скотом и на поверхности выступили три вертикально врытые плиты, расположенные по кругу. Диаметр 11 м. Сооружена из вертикально поставленных плит. Большая могила с двумя впускными погребениями в центре и 2 детских могилы к ЮВ от нее. В почвенном слое найдены неолитические: 8 призматических нуклеусов, 2 ножевидные пластинки и 2 дисковидных сланцевых скребла.

Могила 1 (рис. 33, 10). Подпрямоугольная яма, 380 × 290 см, глубиной 120 см. Погребение 1 (впускное) в западном углу основной ямы. Скелет мужчины 50—55 лет, на спине, головой на ССЗ. Черепа, костей правой голени, левого предплечья и обеих ступней ног нет. Левая лопатка, плечевая и правая бедренная кости смещены. Кости туловища лежат на глубине 60 см, а кости ног опустились вниз на глубину до 90 см. На поясище роговая пуговица (рис. 23, 4). Погребение 2 (впускное) рядом с предыдущим.

Неправильно-овальная яма, 125 × 75 см, глубиной 90 см, ориентированная по линии ЮЗ—СВ. Скелет женщины 40—45 лет, на правом боку, в скорченном положении, головой на ССЗ. Вещей нет. Возможно, что нарушения предыдущего погребения произведены при устройстве этой могилы. Погребение 3 (основное). На дне и в заполнении на высоту до 30 см в беспорядке разрозненные кости мужчины старческого возраста и черепки от 3 сосудов: курильницы, шаровидного и остродонного (рис. 37, 3, 6, 7). На первоначальном месте сохранились кости левого предплечья и кисти и обеих стоп. Судя по их положению, погребенный лежал на спине, головой на ЮЗ. В южном углу могилы шлифованное долотце, вероятно, неолитическое. Ограблена до того, как были устроены впускные погребения.

Могила 2 (рис. 31, 2), к югу от основной, рядом с ней. Овальная ямка 60 × 45 см, глубиной 60 см, ориентированная по линии ЮЗ—СВ. Покрыта плитками на глубине 20 см от поверхности. Площадь покрытия 120 × 90 см. На дне череп и некоторые кости полугодовалого младенца и горшочек с небольшим поддоном (рис. 37, 1). Судя по их положению, младенец положен головой на ЮЗ, а горшочек поставлен у него в ногах.

Могила 3 (рис. 31, 3), к ЮЗ от основной, у самой стенки ограды. На глубине 80 см каменный ящик размерами 95 × 60 см, высотой 40 см, ориентированный по линии ЮЗ—СВ. Покрыт плитками, положенными на 20 см выше краев ящика, вероятно, над ямой на древней поверхности земли. Размеры покрытия 130 × 120 см. На дне ящика скелет полугодовалого младенца на спине, головой на ЮЗ. Слева у таза плоскодонный банкообразный горшок (рис. 34, 7).

Обе детские могилы и, возможно, оба впускных погребения могилы 1 (погребения 1 и 2) принадлежат не афанасьевской, а окуневской культуре.

Ограда 8 (рис. 32, 3). Круглая, диаметром 6,5 м, из поставленных на ребро тонких плит. Многих из них недостает. За оградой, в почвенном слое, находились обломки таких же тонких плит, из каких сооружена ограда. Это, вероятно, отломившиеся и упавшие надземные части ее плит. Судя по размерам некоторых из них, ограда была высотой около 1 м или выше. На поверхности земли признаков могилы не видно. Она обнаружена при раскопке примыкавшей к ней ограды 4. При зачистке ограды найдены каменный пест и шлифованная плитка из серого песчаника. Внутри ограды три черепка от афанасьевского сосуда.

Могила (рис. 27, 3). В центре — прямоугольная яма размерами 210 × 140 см, глубина 90 см. Вытянута с СВ на ЮЗ. Покрытие не сохранилось. Могила разграблена. В заполнении ее кости скелета молодой женщины 23 лет в беспорядке на разных глубинах. Многих костей недостает. Большая их часть лежала кучкой в северо-восточном конце могилы. Здесь были череп с нижней челюстью, бедренная, плечевые и локтевые кости, лопатка, позвонки, ребра и пр. В заполнении могильной ямы найдены головка правой бедренной кости коровы и левая лопатка овцы.

Ограда 9 (рис. 38, 1). Круглая, диаметром 11 м, сложена из плитняка. Сохранились нижние слои от 1 до 5 рядов плиток. Вокруг всего кольца ограды развал плит от нее. Особенно много их с северной и западной сторон. Этот развал во время раскопок был расчищен лишь частично. После того как хорошо выявилась кладка наружной стороны ограды, расчистка развала стены была прекращена. Для сокращения труда расчищалась только стена ограды, а плиты развала выбрасывались. На плане ограды этот развал не показан. В ее центре две большие могильные ямы. У восточного края ограды в ряд с ними третья маленькая могила. На поверхности никаких признаков могилы не было видно. Скрытая под землей ограда обнару-

жена при раскопках ограды 7. В ограде в разных местах находились обломки костей животных: ребра и зубы лошади; лучевой и большой берцовой овцы; зуб коровы и на краю могилы 2 — обломки плечевой, лучевой, плосневой и нижнечелюстной костей зубра. Часть этих остатков относится, возможно, к неолитическому культурному слою, часть, может быть, более позднего происхождения. К могилам же афанасьевской культуры они, видимо, отношения не имеют.

Могила 1 (рис. 33, 1). Квадратная яма размерами 290 × 290 см, глубиной 100 см. Ориентирована с СВ на ЮЗ. Судя по остаткам дерева на юго-западном краю могилы и частично на дне, она была покрыта накатом из бревен, ориентированным с ЮЗ на СВ. Могила разграблена. В верхней части заполнения ямы найдены 2 каменных скребочка (рис. 23, 2) и кости животных, принадлежащие к неолитическому слою обнаруженного здесь поселения.

На дне, в центре юго-восточной половины могилы, в беспорядке кости скелета женщины зрелого возраста (40—60 лет) и среди них бедро утробного младенца. Черепа и многих костей женщины недостает. В северо-западной половине могилы два глиняных сосуда — большая раздавленная корчага (рис. 39, 9) и остродонный горшок (рис. 39, 4), оставшиеся, по-видимому, неповрежденными на своих местах. В северном углу могилы найдено ретушированное каменное орудие.

Могила 2 (рис. 33, 1). Прямоугольная яма размерами 350 × 250 см, глубиной 140 см, ориентирована с СВ на ЮЗ. Над могилой находился небольшой завал плит. На дне, в юго-восточной половине могилы, — скелет женщины старческого возраста в полном порядке, на спине, головой на ЮЗ. Согнутые в коленях ноги и череп упали на правую сторону. Руки вытянуты вдоль туловища. В южном углу лежали на куске охры четыре зуба сурка, сложенные в виде кольца. В северо-западной половине могилы, слева от скелета, на уровне грудной клетки раздавленная глиняная корчага, а несколько ниже ступней ног, ближе к северному углу могилы, яйцевидный сосуд с уплощенным дном (рис. 39, 8).

Могила 2а. Впускное детское погребение в восточном углу могилы 2. Могила устроена, когда могила 2 была уже заполнена землей. Стенки могильной ямы из-за однородности грунта определить не удалось. Глубина 1 м. Скелет годовалого ребенка — раздавленный череп, бедренные и большие берцовые кости. Судя по положению костей ног, погребенный лежал на левом боку, головой на СЗ, но череп лежал отдельно, ниже ног. Рядом с костями — небольшой остродонный горшок и овальная глиняная курильница с ручками на концах (рис. 39, 1, 5).

Могила 3 (рис. 33, 1). Овальная яма, размерами 65 × 55 см, глубиной 70 см. Сверху покрыта тремя большими плитами. На дне — скелет новорожденного ребенка. Сохранность костей очень плохая. По остаткам можно предполагать, что погребенный лежал головой на ЮЗ. Около черепа миниатюрный кубический глиняный сосудик (рис. 39, 7). Внутри него кусок охры малинового цвета.

Ограда 10. От ограды сохранились ничтожные остатки. Форму и размеры ее не удалось установить. На поверхности не было видно никаких признаков сооружения. Могила обнаружена при раскопке неолитического слоя.

Могила (рис. 27, 2). Грунтовая подпрямоугольная яма размерами 270 × 220 см, глубиной 100 см. Могила ограблена. На дне кости скелета взрослого мужчины в беспорядке. На месте сохранились только кости ног и правого предплечья с кистью руки. Судя по их положению, погребенный лежал на спине с поднятыми вверх, а затем упавшими направо коленями,

головой на ЮЗ. Черепа и многих костей недостает. Среди них найдены черепки от орнаментированного глиняного сосуда афанасьевской культуры (рис. 34, 5) и два зуба кабарги.

Ограда 11 (рис. 38, 2). Обнаружена с помощью бульдозера. Ограда круглая, сложенная из плитняка в 4—5 рядов. Диаметр ее 6,7 м, высота — до 20 см. С северо-восточной стороны к ней пристроен каменный ящик, заложный плитами. Размеры его 60 × 90 см. Одну из сторон ящика образует стенка ограды. Ящик пуст.

Могила (рис. 29, 2). В центре ограды — могильная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами. Размеры ее 1,8 × 1,2 м, глубина 1,2 м от поверхности, ориентировка ямы с СВ на ЮЗ. В заполнении могилы найдены отдельные кости скелета человека (в т. ч. черепная коробка, ребра, позвонки). На ее дне на месте сохранились кости обеих рук, таза, ног, раскинутых ромбом. В западном углу могилы скопление костей: лопатка, ребра и ключица. Судя по положению костей, погребенный мужчина 20—25 лет был положен головой на ЮЗ. Вещей нет.

Ограда 12 (рис. 21, 2; 22, 9). Обнаружена по отдельным камням, выступающим над поверхностью. Ограда круглая, сложенная из плитняка в три ряда. Диаметр ее 8,9 м. С южной стороны ограда несколько выступает за контур круга и имеет вид выпуклой в плане. В ее центре остатки овального надмогильного сооружения из плит и дерна. В момент раскопок оно представляло собой скопление из плит, лежащих одна на другой. Часть их обрушилась внутрь могильной ямы, часть — в ограде. Размеры надмогильного сооружения с СВ на ЮЗ: 5 × 4,3 м. Внутри ограды — две могилы (могила 1 — центральная, основная; могила 2 — дополнительная, детская). В почвенном слое найдены галька удлиненной формы темно-серого цвета со следами употребления на одном конце в качестве орудия и фрагмент венчика орнаментированного глиняного сосуда (рис. 39, 3).

Могила 1 (рис. 29, 5; 22, 11). Овальная грунтовая яма, размерами 1,7 × 1,4 м, глубиной 1,4 м, ориентированная по линии СВ—ЮЗ. В заполнении — локтевая кость, обломок верхней челюсти человека и фрагменты верхней половины глиняного сосуда. На дне могилы — остатки скелета женщины, уложенной на правый бок, скорченно, головой на ЮЗ. Черепа нет. В ногах погребенной — два сосуда: остродонный (рис. 39, 2) и шаровидный (рис. 39, 6).

Могила 2 (рис. 29, 5). Прямоугольная со скругленными углами, ориентирована СЗ—ЮВ. Размеры ее 50 × 60 см. Покрытие из плит. На глубине 40 см, на дне, — скелет ребенка на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ. У юго-западной стенки — яйцевидный сосуд (рис. 34, 1).

Ограда 13 (рис. 32, 4). Обнаружена с помощью бульдозера. Ограда круглая, сооруженная из вертикально поставленных плит; диаметр ее — 9,4 м, высота — от 30 до 50 см. В почвенном слое найден каменный пест.

Могила (рис. 29, 6). В центре ограды — прямоугольная яма со скругленными углами, ориентированная по линии СВ—ЮЗ. Размеры ее 3,1 × 2,4 м; глубина — 1,15 м. На уровне древней дневной поверхности прослеживались фрагменты деревянного наката, уложенного в направлении длинной оси могилы. Здесь же — в центре могильного пятна — бедренная кость человека. В заполнении могилы встречены человеческие кости: бедренная, локтевая, лучевая, половина тазовой, позвонки, ребра, грудина, кости рук. Среди них обнаружена костяная поделка — один ее конец заострен, другой имеет форму лопаточки.

На дне могилы, ближе к ее южному углу, в кучке сложены кости от двух человеческих скелетов: мужчины 20—25 лет и взрослого: ребра, позвонки, нижняя челюсть, череп, половина тазовой, крестец. Среди них —

кости медведя (?): локтевая, плечевая, бедренная, две лопатки. Все они обильно покрыты охрой. В центральной части могилы на месте сохранились кости обеих голеней и стоп от человеческого скелета, также покрытые охрой. Судя по их положению, один из погребенных был уложен головой на ЮЗ. Здесь же — пять глиняных сосудов: два шаровидных (рис. 40, 1, 5), два остродонных (рис. 40, 3, 4) и одна чаша-курильница на поддоне с боковой ручкой (рис. 40, 2). Северо-западная часть могилы пуста.

Ограда 14 (рис. 38, 2). От ограды из вертикально поставленных плит сохранились ничтожные остатки. Размеры ее установить не удалось. В почвенном слое найдены удлиненная галька, треугольная в сечении, со следами употребления в качестве орудия и фрагмент каменного песта из гальки серого цвета. Могила обнаружена при раскопке неолитического слоя. Она представляет собой яму неправильно-овальной формы, размерами 2 × 1,3 м, ориентированную по линии СВ—ЮЗ, глубиной 0,8 м от современного почвенного слоя. Покрыта плитами. В ее северо-восточной половине в заполнении и на дне встречены разрозненные кости от скелета взрослого человека (череп с нижней челюстью, длинные кости рук и ног, крестец, тазовая, лопатка, ребра, позвонки) (рис. 29, 4). Вещей нет.

Каменный Лог II

На р. Карасук, близ с. Батени, на конусе выноса из каменного лога, с одной стороны его сухого русла расположено поселение каменноложского этапа (Каменный Лог I), с другой, юго-западной, несколько ближе к реке — могильник того же времени (Каменный Лог II) (рис. 41). Рядом с полутора десятками оград каменноложского этапа находится одна круглая оградка афанасьевского времени (ограда 4). Других афанасьевских оград обнаружить здесь не удалось. Ограда раскопана мною в 1962 г. Вещи — в Эрмитаже.

Ограда 4. Круглая, сложенная из плитняка ограда диаметром 9 м. Толщина стен около 1 м. Сохранились только нижние ряды плиток. На поверхности видны были отдельные плитки ограды (рис. 42). В ограде три могилы (центральная, у восточного края ограды и у южного) и одна могила за оградой. При снятии почвенного слоя внутри ограды найдено три черепка с прочерченным орнаментом от горшка афанасьевского типа, обломок песта со сколотой рабочей частью и скребловидное орудие — первый скол с валуна, обработанный сколами с бруска. Вероятно, выброшены грабителями из могилы.

Могила 1. В центре квадратная яма размерами 250 × 250 см, глубиной 110 см. Покрытие не обнаружено. Могила разграблена. В заполнении несколько обломков черепа и длинных костей новорожденного ребенка. Здесь же черепки от двух сосудов: венчик и стенка с прочерченным орнаментом (рис. 34, 2) и фрагменты остродонного, орнаментированного горизонтальными полосами гребенчатого штампа, а также 3 обломка какого-то рогового предмета.

Могила 2. Овальная яма, размерами 200 × 100 см, глубиной 90 см. Покрыта одной большой тонкой плитой, разбитой на части. Около края плиты в направлении к центральной могиле 1 череп мужчины зрелого возраста 40—60 лет. В могиле и в ее заполнении остатков погребения не обнаружено.

Могила 3. Подпрямоугольная яма, размерами 130 × 80 см, глубиной 120 см. Могила покрыта плитой. Плита разбита и частично смещена. Могила разграблена. Кости десятимесячного младенца (череп, нижняя челюсть

и две большие берцовые) находились на разных глубинах и над плитой покрытия. Вместе с ними и также на разных глубинах обнаружены черепки стенок глиняного сосуда, орнаментированного горизонтальными полосами косых оттисков гребенки (рис. 34, 3).

Могила 4. С внешней стороны восточной части ограды каменный ящик из вертикально поставленных боковых плит. Внутри этого сооружения находились плашмя положенные плиты. Остатков погребения не обнаружено.

Все могилы этой ограды, судя по керамике и выброшенным из могил каменным орудиям, принадлежат афанасьевской культуре.

Барсучиха IV

У подножия горы Барсучиха, близ с. Батени, там, где р. Карасук вышла из гор в долину Енисея, по краю второй надпойменной террасы находится большое курганное поле, одна часть которого названа нами Барсучиха VI, другая — Барсучиха IV. В пункте Барсучиха IV расположено вперемежку много могил разного времени (рис. 43). В 1923 г. С. А. Теплоухов раскопал здесь большой таштыкский склеп и несколько мелких могил (Теплоухов, 1929, с. 51). В 1961—1962 гг. Е. Ф. Седякина исследовала там же серию могил тесинского этапа и таштыкской культуры (Седякина, 1965; Пшеницына, 1964). Нами в 1967 г. раскопано два таштыкских склепа и 6 курганов кыргызского времени (Грязнов, 1968). Здесь же, в том же году, мы раскопали две афанасьевские ограды (курганы 22 и 23), расположенные рядом с кыргызскими и таштыкскими могилами. Раскопку вел под нашим наблюдением А. С. Загородный. Вещи — в Эрмитаже. Предварительное сообщение о раскопках — Грязнов, 1968.

Возможно, что здесь имеются и еще афанасьевские могилы, но обнаружить их среди других более поздних памятников нам не удалось. Насыпи их едва заметны, а ограды на поверхности не видны. Сооруженные на них или рядом с ними более поздние могилы сделали их совсем незаметными.

Курган 22 (рис. 44, 1). Едва заметное возвышение диаметром около 10 м, высотой около 25 см. По основанию его местами виднелись верхние края вертикально поставленных плит. Это была круглая ограда диаметром в 7 м. В ограде две могилы. В центре — афанасьевская (могила 1). К ЮВ от нее, у самой стенки ограды, могила окуневской культуры (могила 2). Там же, с наружной стороны, пристроена небольшая круглая ограда с маленькой могилкой посередине (могила 3). За оградой, с восточной стороны, найден афанасьевский черепок с волнистым орнаментом (рис. 46, 1).

Могила 1, афанасьевская (рис. 45, 1). Прямоугольная яма размерами 250 × 130 см (наверху 270 × 150), глубиной 130 см от поверхности. Ориентирована ЮЗ—СВ. В заполнении ее довольно много мелких камней (плитняк) от покрытия, и кусочки дерева, вероятно, от бревенчатого наката над могилой. На дне в северо-восточной части могилы кусок бревна диаметром 10—12 см, длиной в 40 см, лежащий вдоль могилы. На дне в беспорядке разрозненные кости двух человек — взрослого мужчины и юноши (пол?) 16—18 лет. В сочленении только кости правой ноги юноши, но они, видимо, смещены со своего первоначального места, и вопрос о положении погребенного в могиле остается неясным. В северо-восточном конце могилы шаровидный горшок, с елочным орнаментом (рис. 46, 14).

Могила 2, окуневская (рис. 45, 4). Прямоугольная яма, с сильно закругленными углами. Размеры ее внизу 150 × 90 см, вверху — 190 × 130 см, глубина — 140 см от поверхности. Ориентирована ЮЗ—СВ. Покрыта боль-

шой тонкой плитой, размерами 200 × 110 см. Плита раскололась на три части, и середина ее опустилась вниз на глубину до 80 см, верхние же ее края остались близко к уровню бортов ямы. Поверх этой плиты еще несколько плит меньшего размера. На дне — скелет мужчины около 50 лет, на спине, головой на ЮЗ, с коленями, поднятыми вверх, а затем упавшими направо. Справа в ногах частично под костями голени баночный горшок, сплошь покрытый орнаментом (рис. 46, 8), и бронзовое шило (рис. 23, 1). Справа же, около бедер, бронзовый нож (рис. 23, 11). Под правым крылом таза белокаменный (мраморный?) просверленный насквозь шар (рис. 23, 15). В северо-восточной части могилы несколько разрозненных косточек младенца (не перетащены ли они сюда сусликом из могилы 3?).

Могила 3 (рис. 45, 10). Миниатюрная ограда, пристроенная к юго-восточной стороне основной ограды. Круглая, из вертикально поставленных плит, диаметром 1,5 м. Посередине могилка размерами 70 × 35 см, глубиной 75 см от поверхности. На дне ее фрагмент черепа и две косточки младенца. Между камнями ограды найдено несколько черепков, по-видимому, тагарской культуры, попавшие сюда позже.

Курган 23 (рис. 44, 2). Едва заметное возвышение диаметром около 10 м, высотой 20 см. Стена ограды сложена из плитняка. Сохранилась местами на высоту до 40 см. Диаметр ограды — 9 м. Юго-западная часть ее не сохранилась. За оградой по всей ее восточной половине наблюдался развал плит, только частью свалившихся со стен ограды. Там же, где находились более крупные плиты, под ними обнаружались детские могилки. В оgrade, в центре, на линии ЮЗ—СВ, две основные могилы (могилы 11 и 12). В юго-восточной части ограды находились две детские могилки (могилы 1 и 2). Еще 8 детских могил располагались за оградой, преимущественно в восточной стороне (могилы 3, 5—7, 9, 10) и только две могилки — с западной (могилы 4 и 8). В оgrade, около могилы 12, к СВ от нее в нижней части почвенного слоя лежали три плитки, составляющие треугольник. Размеры его 30 см. Над могилой 11, на площади около 2 × 3 м, на поверхности материка «лятно», содержащее большое количество горелого и не бывшего на огне ислевшего дерева, а также крупные фрагменты афанасьевского горшка без орнамента, остродонного, с отогнутым венчиком и двумя отверстиями на тулове от починки; донце горшка и обломки курильницы с елочным орнаментом (рис. 46, 4). Черепки от трех других афанасьевских горшков находились в различных местах внутри ограды. В юго-западной части ограды найдены черепки от двух горшков андроновской культуры.

Могила 1 (рис. 44, 2). В оgrade, в юго-восточной ее части, на уровне материка скелет ребенка 3—4 лет на спине, головой на СВВ. Вещей нет.

Могила 2 (рис. 45, 2). В оgrade, около самой стены, в юго-восточной ее части прямоугольная яма глубиной 60 см от поверхности, размерами 120 × 75 см. Ориентировка ЮЗЗ—СВВ. Покрыта песчаниковыми плитами. На дне кости трех или четырех младенцев возраста до 1 года и три остродонных орнаментированных горшочка (рис. 46, 3, 6, 7). Около западной стенки могилы шейный позвонок взрослого человека.

Могила 3 (рис. 45, 3). За оградой, в южной ее части. Ямка неправильной четырехугольной формы, размерами 20 × 30 см, глубиной 60 см от поверхности, ориентированная по линии ЮЗЗ—СВВ. Покрыта плитой размерами 100 × 65 × 3 см. В юго-восточном углу афанасьевский миниатюрный остродонный горшок (рис. 46, 10).

Могила 4 (рис. 45, 7). За оградой, с юго-западной ее стороны. Ямка прямоугольной формы с закругленными углами. Размеры 60 × 40 см, глубина 50 см от поверхности, ориентирована ЮЗ—СВ. Покрыта плитой. На дне в беспорядке кости младенца до 1 года. Вещей нет.

Могила 5 (рис. 45, 6). За оградой, в восточной ее части, маленькая могилка, форма и размеры которой не устанавливаются. Покрыта двумя плитами. На глубине 40 см от поверхности остродонный горшочек с орнаментом (рис. 46, 11).

Могила 6 (рис. 45, 5). За оградой, в восточной ее части. Прямоугольная яма, размерами 65 × 40 см, глубина 70 см от поверхности, ориентировка ЮЗ—СВ. Покрыта одной большой плитой (120 × 50 см). На дне несколько косточек младенца до 1 года.

Могила 7 (рис. 45, 9). За оградой, в северо-восточной ее части. Прямоугольная яма размерами 70 × 50 см, глубиной 60 см от поверхности. Ориентировка СЗЗ—ЮВВ. В верхнем слое заполнения 2 афанасьевских черепка, на дне в беспорядке несколько косточек младенца до 1 года.

Могила 8 (рис. 45, 8). За оградой, в северо-западной ее части. Овальная яма размерами 50 × 30 см, глубиной 60 см от поверхности. На дне скелет младенца до 1 года на правом боку, головой на Ю. Перед лицом фрагмент миниатюрного горшка с орнаментом (рис. 46, 5).

Могила 9 (рис. 45, 11). За оградой, в юго-восточной ее части. Овальная яма размерами 55 × 40 см, глубиной 75 см от поверхности. Ориентировка ССЗ—ЮЮВ. Покрыта плитой размерами 120 × 70 см. На дне в беспорядке косточки младенца до 1 года и горшочек (верхняя половина) с двумя противолежащими отверстиями по краю венчика (рис. 46, 2).

Могила 10. За оградой, в северной ее части. Форма и размеры ямы не установлены. Сверху она покрыта плитой размерами 70 × 60 см. Глубина ямы 70 см от поверхности. На дне в беспорядке косточки младенца до 1 года.

Могила 11 (рис. 45, 12). В ограде, в северо-западной ее части. Трапециевидная яма размерами 190 × 125 см, глубиной 140 см от поверхности. Ориентировка ЮЗ—СВ. В заполнении до самого дна большое количество горелого дерева, несколько афанасьевских черепков и отдельные косточки младенца. На дне кости полного скелета мужчины 40—60 лет, частично смещенные. В анатомическом порядке сохранились кости обеих голеней и стоп. Вероятно, лишь несколько смещены бедренные кости, тазовые, обе плечевые, лопатка и череп с нижней челюстью. Судя по их положению, погребенный лежал головой на ЮЗ с согнутыми в коленях ногами, на правом боку или на спине с упавшими направо ногами. На костях голеней — фрагменты яйцевидного с прорезанной линией по шейке афанасьевского горшка (рис. 46, 9). Перед грудью скелет младенца до 1 года, на правом боку, с сильно согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. Вероятно, к нему относится яйцевидный с уплощенным дном горшочек (рис. 46, 13). Перед животом взрослого другой скелетик младенца. На месте сохранились кости левой руки, обе тазовые и бедренные. Судя по их положению, он лежал головой также на ЮЗ. Наконец, часть костей третьего младенца того же возраста лежала по другую сторону скелета взрослого, между его черепом и плечевыми костями. Упомянутые выше детские косточки в заполнении могилы принадлежат, возможно, этому третьему младенцу.

Могила 12 (рис. 45, 13). Почти в центре ограды прямоугольная яма размерами 200 × 140 см, глубиной 120 см от поверхности. Ориентировка ЮЗЗ—СВВ. В заполнении встречались куски дерева с расположением волокон вдоль могилы — возможно, остатки продольного бревенчатого покрытия. Встречались угольки. На дне и на разных уровнях в нижней части заполнения кости скелета мужчины 20—30 лет. На месте в анатомическом порядке сохранились кости ног (правое бедро, обе голени и стопы). Судя по их положению, погребенный лежал головой на ЮЗ, на правом боку или на спине с упавшими направо ногами. В южном углу могилы находились

переброшенный грабителями череп и около него обломки горшка с выпуклым туловом и отогнутым венчиком, без орнамента. В ногах погребенного, под грудой набросанных костей, черепки другого, остродонного орнаментированного сосуда, который восстановить не удалось (рис. 46, 12).

Исследованные два кургана представляют собой обычные памятники афанасьевской культуры. Интересно лишь отметить еще один случай большого числа погребений младенцев. В двух оградах, содержащих 14 могил, погребено 3 взрослых человека, 1 — юношеского возраста, 1 — ребенок 3—4 лет и 14 или 16 младенцев до 1 года. Это вновь подтверждает высказывавшееся уже мнение о том, что в древности, как и у многих современных народов, грудных младенцев погребали по другому обряду и часто не на общем кладбище (Грязнов, 1956, с. 22—25). Здесь младенцы погребены в маленьких могилках за оградой, в ямках, покрытых плитами. Подобный случай нами наблюдался и при раскопках ограды 4 в афанасьевском могильнике Карасук III.

Несколько необычно наличие горелого дерева в могиле 11 кургана 23. Надо предполагать, что деревянное покрытие могилы сгорело, и когда грабители раскапывали эту могилу, то вместе с землей выбрасывали из могилы и остатки частью полуистлевшего, частью обгорелого бревенчатого наката. Таким путем вокруг могилы и над ней земля оказалась смешанной с гнилушками и головешками. Также и в заполнении могилы оказалось много мелких кусков горелого и гнилого дерева.

Интересно отметить находку горшочка обычной для афанасьевской культуры яйцевидной формы, но с маленьким плоским донцем, и горшочка с отверстиями по краю венчика для подвешивания (рис. 46, 2, 13). Это очень редкие для афанасьевской керамики формы.

Наконец, следует отметить еще один случай впускной окуневской могилы в кургане 22. Здесь совершенно очевидно, что это другой археологический комплекс, отличный от остальных могил в раскопанных нами двух курганах. И все, что найдено и наблюдалось в могиле, характерно для памятников окуневской культуры. Баночный горшок, сплошь покрытый орнаментом из рядов мелких черточек, мраморный просверленный шар, двулезвийный нож с черешком для насада на рукоять, следы раскраски черепа охрой и, наконец, положение погребенного на спине с поднятыми вверх коленями — все это характерно именно для окуневской культуры (Максименков, 1975).

ГЛАВА III

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сложение своеобразной самобытной афанасьевской культуры относится к периоду, когда в истории древних племен Южной Сибири совпадают два важнейших независимых революционных процесса. В технике — это переход от камня к металлу, в экономике — переход от хозяйства, присваивающего готовые произведения природы, к хозяйству, их производящему. Афанасьевская культура в Саяно-Алтае — это начало эпохи бронзы и начало скотоводства и земледелия.

Начальная пора эпохи металлов, энеолит, многими исследователями рассматривается как просто переходный период между каменным и бронзовым веками, как время постепенного перехода от каменных орудий к бронзовым. Между тем это интереснейший период в истории развития культуры, показывающий, что культура человечества развивается не прямолинейно от простого к сложному, от примитивного к совершенному, а, если можно так выразиться, зигзагами, иной раз с неожиданными поворотами и отступлениями, отклоняясь далеко в сторону от прямого поступательного пути и вновь возвращаясь к нему, но уже в новом, измененном виде. Энеолит — это особый самостоятельный период в развитии культуры, отличающийся от предшествующего и последующего периодов некоторыми свойственными только ему процессами. Это очень хорошо показал А. П. Окладников в своем исследовании энеолита Прибайкалья (Окладников, 1955, с. 42—50), и это очень ярко выражено в памятниках афанасьевской культуры.

В энеолите еще не наблюдается упадка в производстве каменных орудий. Наоборот, можно отметить даже некоторый дальнейший его прогресс. Так, в Южной Сибири получает распространение новый способ изготовления каменных орудий — обколачивание, или так называемая «точечная техника». Заготовке каменного топора придают желаемую форму путем частых точечных ударов, дробящих поверхность обрабатываемого камня и постепенно удаляющих до нужного в данном месте предела его поверхностные слои. Затем вчерне готовый топор шлифуют, затачивая главным образом его лезвие и заглаживая щеки, а иногда зашлифовывают всю его поверхность. Таким же способом, но обычно без заключительной шлифовки обрабатывали и другие орудия — разного рода молоты, колотушки, песты, терки и прочие. Точечная техника обработки камня позволяла получать орудия более правильных форм, какие прежней техникой скальвания камня и ретуши получить было невозможно или чрезвычайно трудно.

Развивалась также и техника скальвания и ретуши кремня. Именно в энеолите мы встречаем наиболее виртуозно, можно сказать, ювелирно об-

рабочие кремневые лезвия, проколки и наконечники стрел. В энеолите, во всяком случае в первой половине этого периода, еще ничто не говорит о конце каменного века. Человек продолжает пользоваться по-прежнему каменными топорами, копьями, стрелами, молотами, улучшает их качество, совершенствует технику их изготовления. Ничто, кажется, не изменилось в поступательном движении развития техники каменного века.

Новое явилось неожиданно и не по линии совершенствования или замены основных категорий каменных орудий, не по линии улучшения основных трудовых процессов. Человек познакомился с металлом, который обладал чудесными, по сравнению с камнем, костью или деревом, свойствами. Его можно было распилюжить в удивительно тонкие пластинки, которые не ломались и не крошились, как каменные или костяные. Можно было вытянуть в очень тонкие гладкие стержни. Можно было получить тончайшие лезвия и острия, какие нельзя сделать из камня. Тонкие изделия из металла не ломались, а только гнулись. И этим изделиям можно было придавать разнообразные формы, совершенно недоступные для изделий из камня, кости или дерева.

Первыми изделиями из металла в течение долгого времени были иглы, шилья, проколки, острия которых были значительно тоньше каменных и костяных, легко проникали в обрабатываемый материал и не ломались. Особенно ценной была замена костяных игл медными, ушко которых намного прочнее, чем у легко ломающихся костяных иголок. Затем изготавливались тонкие небольшие лезвия-ножички, которыми легко можно было прорезать узкие глубокие желобки и пазы в костяных и деревянных изделиях, что нельзя было сделать каменными орудиями. Делались миниатюрные долотца и другие инструменты для мелких тонких работ. Замечательным изобретением в энеолите был медный рыболовный крючок. В отличие от громоздких каменных и костяных он был маленьким, но относительно тяжелым, тонким, но не ломающимся, удобной кривой, а не угловатой формы. Кроме того из металла изготавливались различные украшения, сделанные из тонких пластинок и проволоки. Металл употреблялся долгое время лишь на те изделия, в которых наиболее эффектно сказывались его преимущества перед камнем и костью: прочность, пластичность, способность принимать форму тонкого лезвия и острия и, наконец, красивый блеск. Значит, революция в технике изготовления орудий труда в энеолите Саяно-Алтая, как и в других областях Старого Света, началась с улучшения тонких орудий типа иглы, шила, проколки путем изготовления их из металла вместо камня и кости, в появлении мелких инструментов типа долотца, тонкого лезвия и др. Только в конце энеолита, уже в послеафанасьевское время, делаются первые попытки изготовления из металла таких орудий, как топор, копье и хороший нож.

Афанасьевская культура в Саяно-Алтае по уровню развития техники и хозяйства, по некоторым формам быта и общественного уклада имеет много общего с культурой других племен этого же времени в степных районах нашей страны. Однако этнографически она совершенно самобытна. Первые три могилы, раскопанные под Афанасьевой Горой в 1920 г., были настолько своеобразны, что С. А. Теплоухов, не колеблясь, выделил их в особый хронологический период. Вскоре он назвал этот период афанасьевской культурой, считая ее первым этапом эпохи бронзы (Теплоухов, 1924).

На Енисее памятники афанасьевской культуры имеют довольно разнообразный внешний вид, но устройство их в основном одинаково. Это обычно большая квадратная яма, площадью около 4 и более кв. метров, глубиной около полутора метров, ориентированная по направлению с ЮЗ на СВ и сверху покрытая бревнами, уложенными в один плотный ряд в том же

направлении. В такой могиле погребали от 3—4 человек до 9, разного пола и возраста. Их укладывали в юго-восточной половине могилы, а в северо-западной половине размещался, по-видимому, весь погребальный инвентарь. При раскопках здесь находим глиняную посуду и очень немногочисленные предметы из камня, кости и металла. Судя по некоторым сохранившимся деталям (роговые наконечники, медные оковки и скобки, роговые гвоздики, песты), сюда помещали также деревянную посуду, какие-то крупные деревянные предметы, как-то: ступы, посохи и т. д., возможно, также меховые, кожаные, берестяные и из других несохранившихся материалов изделия.

Случаи погребения в коллективных могилах не трупов людей, а обглоданных животными костей человека (Карасук III, ограда 2), и некоторые другие наблюдения позволяют заключить, что в афанасьевское время практиковался обычай хоронить весной в одной общей могиле всех умерших за зиму, а летом и осенью предавать умерших земле поодиночке каждого в свое время. Тем самым устанавливается случайный состав погребенных в коллективных могилах без выделения среди них каких-либо особых лиц, отличающихся богатством инвентаря или особым положением в могиле. Следовательно, наблюдения над поло-возрастным составом в этих могилах не могут быть использованы для суждения о матриархальном или патриархальном строе, как это делалось до недавнего времени исследователями афанасьевской культуры, в том числе и мною.

Над могилой устраивали небольшой холмик или другое, иногда довольно значительное по размерам, земляное сооружение, в некоторых случаях покрытое по поверхности тонкими каменными плитами. Вокруг могилы сооружали круглую ограду, диаметром от 3—4 до 12 и более метров. Стенки ее обычно складывали из мелкого плитняка, в редких случаях сооружали из вертикально поставленных плит. Если при раскопках удавалось определить их высоту, то она оказывалась несколько меньше метра (Карасук III, ограда 2; Подсуханыха, ограда 2).

За прошедшие с момента сооружения могилы 4 тыс. лет надземные части оград полностью разрушились, а земляные надмогильные сооружения развалились и расплылись. На их месте остались плоские земляные курганы, иногда высотой до 80 см (Сыда), а чаще совсем незначительные, едва заметные или даже совсем незаметные на поверхности. Лишь по некоторым едва видимым среди травы плиткам ограды можно догадаться о наличии здесь могилы. Это так называемые «афанасьевские кольца». Если ограда сооружалась не из плитняка, а из камней неправильной формы, то после развала такой ограды на ее месте образовывалась как бы круглая площадка, выложенная камнем (могильник Афанасьева Гора). Какой бы вид в настоящее время не имели могилы афанасьевской культуры, в результате раскопок всегда обнаруживаются остатки круглой каменной ограды.

Нередко бывало, что в центре ограды устраивали не одну могилу, а две и даже три. Если в могилу погребали только одного или двух человек, то могилу делали, соответственно, меньших размеров — в длину два метра, а в ширину один или полтора. Кроме того, в оgrade часто устраивали еще дополнительные могилы, одну или несколько. Их размещали в узком коридорообразном пространстве между надмогильным сооружением и стеной ограды. Хоронили в них как взрослых, так и детей, больше же всего детей младенческого возраста (до двух лет).

Хотя и не богаты могилы афанасьевской культуры находками вещей, но теперь накопилось уже много наблюдений, которые позволяют представить довольно ясно общую картину жизни этого времени. Прежде всего следует отметить, что в одном могильнике редко бывает больше 20 оград. Обычно в одном могильнике погребено всего лишь около двух десятков

человек. Самые большие из известных нам могильников (Карасук III и Афанасьева Гора) содержали останки 58 и 66 погребенных. Это значит, что люди жили небольшими группами, всего по несколько семей в одном пункте.

Интересны остатки пищи, положенной погребенным в могилу. Кости животных, остатки мясной пищи, находят редко, и в их составе не наблюдается никакой закономерности. В могилах встречены кости домашних животных (коровы, лошади, овцы), а также диких (зубр, марал, косуля, лисица и бурундук) и даже рыбы (щука). Очевидно, когда хоронили умершего, в могилу ему давали кусок того мяса, какое в данный момент имелось в хозяйстве. Очевидно также, что в пищевом рационе афанасьевских племен примерно в равных количествах употребляли мясо домашних и диких животных. Отсюда следует, что в афанасьевском обществе охота, как средство добывания пищи, имела не меньшее значение, чем скотоводство.

Если куском жареного или, что вероятнее, вареного мяса умершего снабжали сравнительно редко, то какую-то другую пищу в глиняных горшках и в деревянных сосудах давали каждому умершему и в довольно большом количестве. На каждого погребенного в могилах приходилось не меньше, чем по одному горшку, емкостью в 2—3 л, а часто и значительно больше. Пища в горшках не сохранилась, но на их стенках остались следы обуглившейся накипи. Накипь располагается только в верхней части сосуда у горла его с внутренней стороны и больше всего с внешней стороны примерно на одну треть его высоты. Значит, в этих горшках не варили ни кашу, ни молоко (пища пригорела бы внутри на дне и на стенках), и при варке пищи горшок погружали на две трети его высоты в горячую золу и угли очага. Последнее подтвердилось раскопками поселения Тепсей X. Открытые там очаги имели вид плоской чаши, диаметром около 1 м, глубиной в 20 см, обложенной по стенкам каменными плитками, т. е. были приспособлены к тому, чтобы в них сохранялся толстый слой золы и угля (Грязнов, Комарова, 1979, с. 25—26).

Единственное исследованное поселение афанасьевской культуры, Тепсей X, к сожалению, не дало других выразительных наблюдений для восстановления картины хозяйства и быта афанасьевских племен. Поселение было сезонным на только что выпедшем из-под быстрых вод Енисея галечнике, ежегодно заливавшемся вешним половодьем, но уже поросшим травой. Интересен состав костей животных в культурном слое этого поселения: они принадлежат только домашним животным, главным образом овце. Отсюда можно заключить, что обитатели этого стойбища питались преимущественно или исключительно мясом домашних животных, не занимаясь, по-видимому, охотой в летнее время. Однако для окончательных выводов материал очень мал — только 27 определенных обломков костей (Грязнова, Комарова, 1979, с. 22—26).

Приведенные и другие наблюдения подобного рода позволяют так представить хозяйство племен афанасьевской культуры. Живя полуседло небольшими поселками до десяти, редко больше, семей в одном месте, люди занимались зимой охотой, а летом рыболовством. Они разводили уже домашний скот и стали производить небольшие посевы полезных растений. Скот содержали в небольшом еще количестве: при доме, в оградах, преимущественно ради мяса. На занятие афанасьевских племен земледелием прямых указаний нет, но наличие одной из ранних форм его мы должны предполагать, так как обычно оно развивается параллельно с ранними формами скотоводства. Вполне возможно, что находимые в могилах каменные песты и предполагаемые к ним деревянные ступы, а также каменные и роговые

колотушки (рис. 6, 22, 23, 27, 28) служили для обработки продуктов земледелия. Зернотерок же, видимо, еще не было.

Как земледелие, так и скотоводство афанасьевских племен были еще крайне примитивны и представляли собой одну из ранних форм производящего хозяйства, но это была уже сложившаяся форма хозяйства, дающая какое-то постоянное обеспечение продуктами питания наряду с охотой и рыболовством. Начало же производящего хозяйства у древних племен Енисея мы можем предполагать в предшествующем периоде — в позднем неолите, к сожалению, еще почти совсем неизученном. Указанием на это служит находка 8 астрагалов барана в поздненеолитическом погребении, случайно обнаруженном в с. Батени (Грязнов, 1953, с. 332—335).

Нам неизвестно устройство жилищ афанасьевских племен. Зимой, возможно, это были землянки. На летних же стойбищах, таких, как Тепсей X, надо предполагать легкие наземные шалаши или балаганы. Домашняя утварь в жилищах была разнообразна и приспособлена к различным потребностям. Прежде всего — это глиняная посуда от маленьких горшочков в пол-литра емкостью и меньше, находимых в детских могилах, и до огромных корчаг емкостью в несколько десятков литров. На стенках самого большого сосуда (рис. 28, 10), вмещавшего в себя более 200 л жидкости, обнаружены остатки обильного нагара снаружи в верхней его половине. В нем неоднократно что-то варили. Если основная масса сосудов емкостью по 2—3 л употреблялась для питания небольших семейных групп, возможно, для матери с ее детьми, то в огромных сосудах готовилась пища для каких-то общественных пиришеств, может быть, для мужских артелей.

Помимо глиняной посуды было много разнообразной деревянной, а также, вероятно, кожаной, берестяной и плетеной из корешков лыка посуды, служившей для хранения и переработки различных продуктов. Мы имеем представление по медным скобкам и пластинкам о различной форме починенных с их помощью деревянных сосудов, в том числе о сосудах с носиком для слива, а по находкам пестов — и о деревянных ступах. Если в коллективных могилах юго-восточную половину занимали тесно расположенные в ней скелеты погребенных людей (рис. 22, 6; 27, 1), то, надо думать, что и северо-западная половина была плотно заполнена положенным в нее сопровождающим инвентарем, от которого сохранились только глиняные горшки и немногие каменные, костяные и металлические детали разных предметов. Значит, там было много деревянных, кожаных, берестяных и других предметов домашнего и хозяйственного быта, о которых нам трудно даже догадываться. Очевидно, и в жилищах также много было разнообразного бытового инвентаря.

Об очаге уже сказано. Он имел вид долговременного костра, разводимого в круглом углублении, обставленном по краям каменными плитками. В нем всегда имелся толстый слой горячей золы и угля. В нем удобно было варить пищу в высоких горшках яйцевидной формы, которые острым дном «втыкали» в горячую золу. В нем удобно было и запекать пищу. В Сибири очаги такого устройства широко применялись еще в верхнем палеолите (Сосновский, 1935, с. 69—79). Они характерны и для неолита Прибайкалья.

Около жилищ афанасьевских племен мы вправе предполагать наличие прочных загородей для скота, а вокруг посевов — каких-то ограждений. Указанием на это могут служить каменные ограды афанасьевских могил. Обычай сооружать вокруг могилы каменную ограду мог появиться только тогда, когда в своей производственной практике человек стал сооружать ограды. Это, очевидно, связано с возникновением и развитием примитивных форм скотоводства и земледелия. Первые опыты разведения скота требовали сооружения для содержания его различных загородей. Первые опыты

посева полезных растений потребовали сооружения оград для защиты посевов от диких и домашних животных. И надо думать, что в афанасьевское время это были уже не первые опыты. У «афанасьевцев» следует предполагать уже сложившиеся формы примитивного скотоводства и земледелия, имевшие свою хотя бы небольшую историю. Люди уже привыкли сооружать разного рода ограды и представления об ограде, как защитном сооружении, перенесли в заупокойный культ. С этого времени получает широкое распространение обычай окружать могилу оградой, чтобы защитить погребенного от злых сил или, наоборот, не дать погребенному выходить из царства мертвых и вредить оставшимся живым.

Орудия труда в могилах афанасьевской культуры находятся редко. Известны лишь каменные шлифованные топоры, колотушки, песты, терки. Неоднократно встречались каменные наконечники стрел, но это не остатки положенных умершему стрел и лука. Они находились среди костей человека по одному, редко по два в одной могиле. Это, вероятно, оставшиеся в теле человека наконечники тех стрел, которыми он был убит или ранен.

Находятся в могилах разнообразные металлические изделия. Среди них есть медные иглы, шилья, тонкие лезвия ножичков с остатками или следами деревянной рукояти, рыболовный крючок. Но орудий подобного рода встречено немного. Металл в большом количестве шел на изготовление украшений и на починку деревянной посуды. Как это ни удивительно, но больше всего найдено медных скобок, оковок и накладок от деревянной посуды. Трещины на сосудах сшивали медными полосками и проволокой. Края сосудов укрепляли пластинками, иногда украшенными несложным орнаментом (рис. 6, 12, 14—16, 20).

Металла было еще мало, а употребляли его зачастую там, где, казалось бы, можно обойтись и без него. Видимо, металл еще не очень высоко ценился, хотя сразу же при первом знакомстве с ним человек по-разному оценил разные металлы и по-разному их использовал. Так, медь шла на изготовление мелких орудий, на починку и украшение деревянной посуды и на разного рода украшения. Причем для орудий употребляли медь в сплаве с мышьяком — мышьяковистую бронзу. Из серебра и золота делали украшения. При трех погребенных найдены серебряные серьги в виде многовитковой проволочной спирали (Карасук III, ограда 2; Моисеиха, ограда 14), при одном — золотая сережка в виде маленького из тонкой проволоки колечка (Афанасьева Гора, могила 24). Видимо, золото с самого же начала ценилось выше других металлов. Было известно и железо. В одной из могил под Афанасьевой Горой найдены остатки «браслета», сшитого, видимо, из кожи и украшенного посередине белыми каменными бляшками, а по бортикам рядами обоймиц, свернутых из тонких железных пластинок (рис. 6, 17). Качественный анализ, произведенный в Химической лаборатории ЛОИА В. Н. Сидоровым, показал, что железо, из которого они сделаны, было метеоритным. Значит, еще задолго до начала металлургии железа в Южной Сибири уже были, вероятно, редкие случаи использования метеоритного железа. И это явление общен историческое. До недавнего времени мы знали древнейшие изделия из метеоритного железа в древнем Египте, Передней Азии и Месопотамии. Теперь они известны и на нашей территории. В кургане катакомбной культуры в могильнике Бичкин-Булак близ г. Элисты в Калмыкии найдено железное копье (Синицын, 1948, рис. 8). Оно оказалось сделанным из метеоритного железа (Шрамко и др., 1963). Известны и еще находки железных вещей в памятниках II и начала I тыс. до н. э. (Граков, 1958). Б. А. Граков относит их к первым опытам металлургии железа в степях Причерноморья. Не ошибается ли он? Необходимо произвести их химический анализ. Не окажется ли, что часть из них, если

не все, были выкованы из метеоритного железа? Во всяком случае, сейчас мы вправе считать, что на Енисее, как и в других местах Старого Света, человек использовал железо еще в период своих первых шагов в металлургии. Знал он только метеоритное железо и в отличие от своих соседей в Причерноморье употреблял его на украшения, а не для изготовления орудий труда. Впрочем, последнее заключение требует своего подтверждения новыми находками и наблюдениями.

Очень мало известно нам об искусстве племен афанасьевской культуры. На немногих металлических и костяных изделиях встречены очень несложные орнаменты в виде пересекающихся линий или полос, образующих ряд косых крестов или ромбов. Такие же или другие столь же несложные орнаменты встречены и на керамике. Однако основная масса сосудов покрыта еще менее сложным орнаментом, — если это вообще можно назвать орнаментом, — рядами косых или прямых оттисков гребенки, гладкой пластинки, палочки, иногда оттисков так называемой шагающей гребенки. Возможно, что этим орнаментом покрывали всю поверхность сосуда не столько для украшения его, сколько по каким-то чисто практическим соображениям. Возможно, этот орнамент имитировал фактуру плетеных или вязаных изделий. И, по всей вероятности, орнаменты афанасьевской культуры в быту на других изделиях были сложнее и разнообразнее, в керамике же и медных изделиях это не нашло отражения, и осталось нам неизвестным.

Некоторые вопросы идеологии и общественного строя афанасьевского общества рассматриваются в следующей главе настоящей работы, посвященной анализу погребального обряда и поло-возрастного состава погребенных. Здесь же необходимо остановиться на вопросе о происхождении афанасьевской культуры. Для решения этого вопроса необходимо знать памятники предшествующего периода на Енисее и на Алтае, а также в смежных с ними областях. Надо знать и памятники, синхронные афанасьевским в соседних с ними районах. Между тем нам ничего не известно ни о предшественниках афанасьевских племен в Саяно-Алтае, ни о современниках их, обитавших на обширных просторах к югу и западу от Саяно-Алтая. В этих условиях нельзя даже ставить вопрос о происхождении афанасьевской культуры. Можно только отметить, что древнее население, обитавшее к северу и востоку от Саяно-Алтая, должно быть исключено при рассмотрении вопросов этногенеза афанасьевских племен, так как оно принадлежит в антропологическом и историко-культурном отношении к совершенно иным группам племен, ничего общего с афанасьевцами не имеющих. И все же некоторые суждения по вопросу о происхождении афанасьевской культуры, пуская в самом общем виде, могут быть высказаны.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что памятники афанасьевской культуры как на Енисее, так и в горах Алтая удивительно единообразны, несмотря на наличие значительной вариации отдельных их признаков, и вместе с тем четко отличаются по всей совокупности своих признаков от памятников других известных нам культур, синхронных афанасьевской (к северу и востоку от Саяно-Алтая) и последующих за ней. Отсюда следует заключить, что афанасьевская культура сложилась в относительно короткий промежуток времени и затем, просуществовав без особых перемен в течение нескольких веков, сменилась также в относительно короткое время другой культурой — окуневской. Независимо от того, из каких компонентов образовался этнический состав афанасьевских племен, из каких элементов сложилась их культура, где она сформировалась, мы должны предположить, что основной причиной образования и длительного существования своеобразной самобытной афанасьевской культуры был переход вошедших в состав афанасьевской группы племен к какой-то новой,

прогрессивной для того времени форме хозяйства, потребовавшей, возможно, некоторой перестройки общественных коллективов и некоторого перераспределения земель, на которых они обитали, а, главное, вызвавшей изменения многих сторон хозяйственного и домашнего быта, что и привело к созданию новой по своему характеру культуры.

Во-вторых, афанасьевские племена по своему физическому типу принадлежат к «европейскому расовому стволу», в то время как их соседи с севера и востока все монголоиды. Если быть более точным, они принадлежат к тому палеоевропейскому или «кроманьонскому типу в широком смысле этого термина», который нам известен по черепам из памятников ямной, фатьяновской и срубной культур в Восточной Европе. Сходство афанасьевских черепов с черепами этих культур доходит до идентичности (Дебец, 1948, с. 64—69; Алексеев, 1961, с. 140; Алексеев, Гохман, 1984, с. 35).^{*} Очень выразительно и наглядно это показал Г. Ф. Дебец в своей статье об определении доли монголоидного элемента в смешанных группах населения (Дебец, 1968), в статье, которую, сказал он как-то мне, он считает самой лучшей из своих работ по антропологии.

Принадлежность афанасьевцев к европейскому расовому стволу явилась в свое время неожиданностью для антропологов (Дебец, 1948, с. 64). Это, как теперь стало ясно, далекая восточная периферия ареала европеоидов. И, несмотря на это, афанасьевцы сохранили свой европеоидный облик в полной чистоте. Значит, историю сложения и развития антропологического типа афанасьевцев следует рассматривать неразрывно с историей европеоидного населения Причерноморских степей как единый процесс антропогенеза, приведший к созданию своеобразного, если дозволено будет так выразиться, ямно-афанасьевского антропологического типа. Сейчас афанасьевское население Саяно-Алтая выглядит как островок этого антропологического типа, расположенный далеко на востоке от своего основного ядра, что объясняется, надо думать, только археологической неизученностью Казахстана и Западной Сибири энеолитического времени.

В-третьих, афанасьевская культура, как бы это на первый взгляд не показалось удивительным, близкие аналогии себе находит не где-нибудь в Сибири, а далеко на Западе, в степях по Волге и Дону. Ямная культура в Причерноморье — вот ближайший и пока единственный аналог афанасьевской культуры. Сходства афанасьевской и ямной культур не доходят до тождества, но они имеют друг с другом так много общего, что их родство не вызывает сомнений. При этом общими являются не те элементы культуры, сходство которых можно было бы объяснить лишь принадлежностью обеих культур к одной стадии общественного развития, а те, которые указывают на единство этнического происхождения. Много сходства в погребальном обряде племен афанасьевской и ямной культур. Как на Енисее, так и на Волге, «характерны прямоугольные или квадратные — иногда обширные — ямы с округлыми углами, перекрытые сверху бревенчатым накатом... В некоторых случаях бревенчатый накат... перекрывался каменной наброской... Костяки лежали на спине в скорченном положении коленями вверх...». Заключенные в кавычки слова взяты из характеристики могил ямной культуры в Калиновском могильнике на Волге (Шилов, 1959, с. 408), но они

^{*} В антропологической и археологической литературе есть, однако, указания на двухкомпонентность антропологического состава афанасьевского населения — наряду с европеоидным черепом отмечаются и монголоидные (Липский, 1952; Алексеев, 1961 и др.). Это явилось результатом того, что А. Н. Липский ошибочно отнес к афанасьевской культуре несколько впускных окуневских могил и могильник Тас-Хазза, представлявший собой одно из первых кладбищ окуневской культуры. Население же окуневской культуры было монголоидным.

могут быть без каких-либо поправок отнесены и к могилам афанасьевской культуры, например, в могильниках Карасук III, Сыда I и других.

Афанасьевская керамика также находит себе аналогии в керамике ямной культуры. Характерная для афанасьевской посуды яйцевидная форма горшка с острым дном в сочетании с затертостью стенок сосуда гребенкой является характерной и для керамики ямной культуры.

Особенно замечательно, что на так далеко отстоящих одна от другой территориях, как Саяно-Алтай и степи Причерноморья, возникают и параллельно развиваются сходные обряды, требующие применения так называемых курильниц. Однако процесс этот не вполне синхронен. В Саяно-Алтае еще в афанасьевское время широко распространена курильница афанасьевского типа — с массивной боковой ручкой для подвешивания (рис. 19, 5). В окуневское время сохраняются курильницы той же формы, но, в отличие от афанасьевских, у них отсутствует боковая ручка и появляется характерная камерка внутри чаши. Часть окуневских курильниц по орнаменту сходна с афанасьевскими, часть же орнаментирована по-новому.* Совершенно очевидно при этом, что окуневский тип курильниц преемственно связан с афанасьевским и является результатом дальнейшего его развития.

В Причерноморье же в памятниках ямной культуры, которую принято синхронизировать с афанасьевской, курильниц нет. Их много в памятниках катакомбной культуры, которая по времени совпадает с окуневской культурой на Енисее (Попова, 1955). Причерноморские курильницы подобны при этом не афанасьевским, а окуневским. И, несмотря на значительные региональные различия, катакомбные и окуневские курильницы настолько сходны, что общность их формы не может быть объяснена конвергенцией или одинаковой функцией предмета. Это результат единого процесса развития в условиях широких культурных и экономических межплеменных связей в среде степных скотоводческих племен.

Еще один обычай из области культа в менее сходных, но все же близких формах, был общим на огромных территориях среди раннескотоводческих племен. Это обычай высекать из камня антропоморфные изваяния, всегда в упрощенных, условных, схематических формах. И этот обычай, подобно предыдущему, развивался не вполне синхронно. В курганах ямной культуры такие изваяния часто использованы в качестве покрытия могилы или служат стенками каменного могильного ящика (Формозов, 1969, с. 172 и след.). Некоторые изваяния чрезвычайно схематичны — овал или прямоугольник, наверху которого, посередине, небольшим выступом обозначена голова (Формозов, 1969, рис. 62, 1—3). Как показала находка нескольких таких изваяний на Украине, детали человеческой фигуры на них исполнялись красной охрой (Шапошныкова и др., 1986). Вероятно, и на остальных стелах детали также прорисовывались краской.

Разные варианты изваяний подобного рода известны и в других районах, иной раз далеко за пределами ареала ямной культуры, вплоть до Франции. На Северном Кавказе в г. Нальчике в богатом кургане эпохи ранней бронзы (2400—2200 лет до н. э.) гробница сооружена более чем из двадцати стел, в том числе из четырех антропоморфных (Чеченов, 1970). В Кобыстане (Азербайджан) в кургане, близком по времени нальчикскому, один из каменных так называемого кромлеха оказался антропоморфным изваянием подобного же рода (Мурадова, 1970).

Есть антропоморфные изваяния и на Енисее. Их там много. Они своеобразны. В отличие от всех рассмотренных европейских они представляют

* См. об этом: Максименков, 1965, с. 209; Максименков, 1968, с. 167. Изображения окуневских курильниц см.: Липский, 1952, рис. 27; Липский, 1954, рис. 37.

собой не фигуру человека, а стелу, центральное изображение которой — голова женщины, расположенная посередине или внизу камня. Если европейские изваяния в своей массе датируются второй половиной III тыс. до н. э. (ямная и кеми-обинская культуры), то енисейские принадлежат следующему периоду — началу II тыс. до н. э. (окуневская культура, синхронная катакомбной Причерноморья). Енисейские стелы часто употребляли для сооружения стен и покрытия могил, детали их также разрисовывались красной охрой.

Широкое распространение обычая высекать антропоморфные изваяния, ставить их где-то и совершать перед ними культовые обряды, а затем предавать их земле при очередных похоронах, используя их в качестве строительного материала, могло явиться в результате развитого межплеменного обмена в среде ранне-скотоводческих обществ, могло быть и следствием одностадиальности этих обществ. Поскольку верования и культ не являются прямой функцией социально-экономического уровня развития общества, они могут развиваться у разных племен самостоятельно в сходных в какой-то мере, но не одинаковых формах и не вполне синхронно. Так, на Енисее, как и в Европе, культ каменных изваяний появляется и развивается в энеолите, но не на первом его этапе, а на втором, в начале II тыс. до н. э. (окуневская культура).

Принадлежность «афанасьевского» и «ямного» населения к одному антропологическому типу, особенно большое сходство их материальной и духовной культуры, выразившееся прежде всего в близких формах керамики и погребального обряда, а также отмеченные более сложные связи, приведшие к распространению среди этих племен и их пресемников курильниц близких форм и каменных изваяний, свидетельствуют о принадлежности обеих групп населения к единому историческому процессу. Сложение их культуры протекало не только в стадияльно сходных условиях, но и взаимосвязанно. Поэтому вопросы о происхождении, сложении и развитии афанасьевской и ямной культур и об их расселении надо рассматривать вместе, неразрывно, как единое целое большой этнической общности энеолитических культур степных скотоводческих племен. Значит, вопрос о происхождении афанасьевской культуры — это лишь часть более общего вопроса. Его решение может быть успешным при рассмотрении всей совокупности вопросов сложения и развития степных скотоводческих культур энеолитического времени.

Точно так же и вопрос о хронологии афанасьевской культуры не может быть решен отдельно от общей проблемы хронологии степных скотоводческих культур эпохи энеолита. Мы не располагаем пока еще данными для непосредственной датировки памятников афанасьевской культуры в Минусинских степях. Указанное сходство их с памятниками ямной культуры позволяет лишь считать, что они синхронны ямной культуре, которую принято датировать второй половиной III тыс. до н. э. Отсюда и афанасьевскую культуру принято датировать тем же временем. Если дата ямной культуры будет изменена, соответственно, и дату афанасьевской культуры надо будет изменить.

ГЛАВА IV

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Для восстановления картины социальной жизни древних племен, исследуемых по археологическим памятникам, огромное значение имеет детальное изучение погребального обряда. Между тем многие авторы археологических исследований сводят изучение погребального обряда к рассмотрению положения и ориентировки погребенных в могиле, вычислению в процентах числа погребенных по разным направлениям относительно стран света, к установлению состава сопровождающего погребенных инвентаря и конструкции погребальных сооружений, представляя себе, по-видимому, погребальный обряд как нечто данное в самих могильниках, как простой перечень различных особенностей могильника. Они забывают, что под термином «погребальный обряд» понимается ряд строго определенных обычаев действий, сопровождающих и оформляющих процесс погребения человека, а не наблюдаемое археологом расположение и состояние останков погребенного человека. Забывают, что погребальный обряд состоит из целого цикла различных действий сородичей и соплеменников умершего с момента его смерти до окончания строительства надмогильного сооружения после предания его земле и даже дальше — до совершения последних поминок у могилы.

Первой задачей археолога при изучении древних могильников должно быть изучение погребального обряда, так как только после этого могильник может быть использован как полноценный исторический источник. Подобно тому, как криминалист, прибыв на место преступления, тщательно изучает все следы происшедшего, чтобы полностью восстановить картину происшествия, во всех деталях и в полной последовательности, и таким путем определить характер преступления, роль и число участников, найти пути поисков преступников, археолог, раскапывая древнюю могилу, должен прежде всего изучить все детали сохранившихся останков погребенного и устройства могильного сооружения, чтобы определить последовательно и характер всего происшедшего с погребенным в могиле человеком с момента его смерти до ухода сородичей с последних поминок у могилы и по этим наблюдениям установить во всех возможных деталях полный цикл погребального обряда. Изучая могильник, археолог может и должен установить: 1) кто погребен (пол, возраст), 2) что делали с умершими с момента их смерти до похорон, 3) когда и где хоронили, 4) как делали могилу, 5) как в нее укладывали погребенных, 6) чем их снабжали, отправляя в загробный мир,

7) как засыпали или закрывали могилу, 8) что и как сооружали над ней, 9) как ее ограждали. Иногда можно определить, как и когда совершались похоронные и поминальные тризны и многое другое. Все это с той или иной степенью полноты может быть установлено при внимательном изучении могил, так как все это нашло то или иное отражение в сохранившихся останках погребенного и в уцелевших деталях могильного устройства.

Чтобы представить себе погребальный обряд афанасьевских племен, необходимо сначала рассмотреть некоторые основные особенности устройства могил и положения в них останков погребенного. Прежде всего надо отметить своеобразное устройство каменных оград. Ограды всегда круглые, пространные. В центре основная могила, ориентированная по линии ЮЗ—СВ или близко к этому. Иногда бывает две центральных могилы (Карасук III, ограда 9; Красный Яр, ограда 6) и даже три (Карасук III, ограда 2). Кроме того в ограде находятся иногда одна или несколько дополнительных небольших, преимущественно детских, могил, расположенных вдоль стен и ориентированных длинной осью параллельно направлению стены ограды в данном месте (рис. 32, 1; 36, 2). Надо полагать, что каждая могила (как основная, так и дополнительная) была одноактным погребением. В каждой могиле, как увидим ниже, все погребенные в ней, если их было несколько, были захоронены одновременно.

Дополнительные могилы, судя по их положению вдоль стен ограды, устраивались после того, как над центральной могилой было закончено устройство надмогильного холмика или другого сооружения, но до того, как «коридор» между холмиком и стеной ограды был покрыт землей от расплывшегося холмика, то есть, не более, чем через несколько лет после сооружения надмогильного холмика. Они выкапывались с уровня поверхности погребенной почвы.

В ряде случаев сохранились следы деревянных конструкций могилы. Это всегда были остатки бревенчатого наката над могилой, сооруженного на уровне погребенной почвы из толстых бревен до 40 см в поперечнике, длиной до 5 м (рис. 26, 2). Наблюдения показывают, что все известные впускные погребения, устроенные на месте центральной могилы, произведены через много лет, а может быть, и веков, после ее сооружения, когда подгнивший бревенчатый накат уже провалился вниз и могила заполнилась землей. Разграблены могилы также много времени спустя, когда дерево истлело настолько, что легко ломалось на куски и резалось лопатой, а поверхность заровнялась землей. Так, например, раскопанная нами в могильнике Саргов улус квадратная коллективная могила, как показали наблюдения, ограблена много времени спустя после ее сооружения, но в то же время задолго до устройства над ней могилы сарагашенского этапа тагарской культуры, вероятно, в карасукское или раннетагарское время, во всяком случае, задолго до IV—III вв. до н. э. Это следует из того, что, когда сооружалась могила сарагашенского этапа, следы грабительских раскопок афанасьевской могилы были уже сглажены временем. Значит, впускные погребения над центральной могилой и ограбление афанасьевских могил произведены много лет спустя после устройства могилы, как правило, в другую историческую эпоху.

В основной могиле находятся останки одного, чаще же нескольких погребенных разного пола и возраста, до девяти в одной могиле. Погребенные лежат головой на ЮЗ, но, когда их много, часть из них, не уместившихся в ряд, положена и в других направлениях. Скелеты погребенных занимают юго-восточную половину могилы. В северо-западной половине находятся остатки погребального инвентаря — глиняная посуда, иногда костяные и каменные орудия, роговые гвоздики, медные оковки и скобочки.

Надо полагать, что северо-западная половина могилы была заполнена различными предметами, от большинства которых к нашему времени ничего не сохранилось, а от немногих остались лишь незначительные их части — костяные, каменные и металлические детали. Так, например, роговые заостренные стержни с несколькими отверстиями по сторонам (рис. 6, 32, 34, 35) служили наконечником какой-то палки, вероятно, пастушеского посоха.* Значит, в могилу был положен большой деревянный предмет, от которого сохранился только его роговой наконечник.

В некоторых могилах обнаружены небольшие (10—15 мм) роговые гвоздики, до шестидесяти в одной могиле (Карасук III, ограда 2, могила 1) (рис. 23, 3). Их торцевые площадки залощены, а края торцов запачканы красной охрой. Очевидно, они были забиты в какой-то деревянный предмет красного цвета и, вероятно, украшали его как белая точечная инкрустация. Значит, в могилу были положены какие-то относительно большие деревянные предметы.

В других могилах находятся медные оковки, прибитые тонкими гвоздиками, судя по остаткам древесины, к каким-то деревянным предметам, и медные скобочки, предназначавшиеся для скрепления трещин на деревянных изделиях (рис. 6, 12, 14—16, 20). Значит, в могилы были положены деревянные сосуды, япки, шкатулки и, возможно, другие подобного рода предметы. Мы достоверно знаем только о тех из них, которые в свое время потрескались и были починены медными оковками и скобками. Остальные исчезли в могиле бесследно.

Находятся характерные каменные песты и колотушки, роговые молоты. В этнографические музеи такие песты и колотушки доставлены вместе с деревянной ступой, чапай, корытом или доской, на которых производилась работа этими орудиями (рис. 23, 10, 14, 16—19). Очевидно, и в афанасьевских могилах эти орудия были положены в соответствующем комплекте со ступой, чапай или доской.

Как юго-восточная половина могилы была заполнена тесно уложенными в ней трупами умерших, одетыми в шубы, меховые шапки и обувь, так, надо полагать, и северо-западная половина была полностью занята не только глиняной посудой, но и всевозможными деревянными, берестяными, кожаными, меховыми и другими изделиями, о форме, размерах и назначении которых мы не в состоянии даже догадываться. Лишь о немногих из них мы судим по сохранившимся в могиле их костяным, каменным или металлическим деталям.

Судя по положению в могиле глиняной посуды, сопровождающие погребенных вещи не распределялись по отдельным умершим, а помещались в отведенной для них северо-западной половине могилы все вместе, и не-

* Посвятивший этим предметам небольшое специальное исследование П. М. Кожин определяет их как псалии от мягкой узды (Кожин, 1970, с. 189). Однако заключение это явно ошибочно и основано на некоторых недоразумениях, а именно — на отсутствии якобы следов употребления этих предметов, что он объясняет плохой их сохранностью, и на внешнем сходстве их с венгерскими роговыми псалиями эпохи бронзы. Действительно, на круглых дырочках во втулке предмета и около них никаких следов изношенности не наблюдается. На хорошо сохранившихся предметах здесь отчетливо видна микроструктура поверхности рога, обработанной сверлением (дырочки) и шлифованием (поперечный срез). Время, кажется, не коснулось этих частей предмета. Очевидно, они были защищены от среды и от трения о другие предметы, что могло быть в том случае, если предмет был насажен на древко и закреплен деревянными гвоздиками, как это показано на нашем рис. 6, 32. Следы сношенности предмета хорошо видны на его остром конце, который сильно затуплен, стерт и залощен. На противоположном конце предмета следы сношенности выражены слабее. Значит, наиболее сильно изнашивалось острие предмета. Это могло быть орудие типа посоха пастуха или лыжной палки лесного охотника. Наиболее вероятно первое.

возможно определить, кому из погребенных предназначался тот или иной предмет (кроме украшений, надетых на умерших, и наконечников стрел, находившихся в их теле).

Часть скелетов в могилах лежит на боку в сильно скорченном положении, основная же их масса — на спине с согнутыми по-разному ногами. Одни лежат с ногами, повернутыми направо, другие — налево, иногда — в положении «ноги ромбом», в редких случаях — с поднятыми вверх коленями или с выгнутыми вдоль оси тела ногами (рис. 9 и 22). Анализ положения скелета в афанасьевских могилах позволяет предполагать, что трупы погребенных окоченевали в позе человека, сидящего на стуле с кистями рук, положенными на бедра. Умерших помещали в могилу именно в такой позе, положив на спину с поднятыми вверх ногами, ноги затем сваливались направо или налево или разваливались по сторонам и редко вытягивались вдоль тела или оставались в положении коленями наверх.

Наблюдаются так называемые двухактные погребения. Есть случаи, когда в могилу хоронили пепел сожженного человека (Тесь I, курганы 12, 13 и 15). Были случаи захоронения в могиле каким-то способом законсервированной головы человека, а рядом с ней положенных, по-видимому, в мешок его костей (Карасук III, ограда 2). Это следует из того, что в нижем не потревоженной могиле лежат череп в сочленении с нижней челюстью и даже с серебряной серьгой у правого виска и отдельно, рядом с ним его кости, сложенные плотной кучкой. В двух случаях при этом черепа были в полной сохранности, без каких-либо следов их повреждения, а кости обглоданы хищниками, и большая часть мелких из них (ребра, позвонки, фаланги) отсутствует.

Кости животных в могилах находятся сравнительно редко, принадлежат они как видам домашних животных, так и диких, и являются остатками разных частей туши животного. Значит, не было обычая снабжать потребляемого установленным куском мяса некоторых определенных видов животных, как это характерно для карасукского времени и для всех последующих эпох.

В могилах сохранилось много глиняной посуды, очень мало остатков деревянной (медных скобок и оковок от починенных сосудов) и ничего не осталось от берестяной, кожаной и меховой посуды, которой, вероятно, тоже в неменьшем количестве снабжались погребаемые. Преобладают горшки емкостью в 1,5—3 л, часто с обильными остатками пригоревшей к стенкам сосуда пищи. Наряду с этим в могилах находятся и большие и даже огромные сосуды сферической и реповидной формы, емкостью в десятки литров (до 210 л), также с обильным нагаром на стенках. В них, вероятно, готовилась пища для общественных торжеств. В детских могилах — маленькие горшочки емкостью в пол-литра и меньше, также с нагаром на стенках, служившие, возможно, лишь для подогревания пищи ребенку.

Приведенные наблюдения и некоторые другие позволяют восстановить погребальный обряд афанасьевцев в следующем виде. Умершего не клали на стол, как это делаем мы, а усаживали на скамью или другое сиденье, обряжали, совершали установленные обряды и в таком положении сохраняли до дня похорон. Похороны совершали в какие-то установленные сроки — раз в год или раз в несколько лет. Иногда умерших сжигали и в положенный срок в могилу хоронили пепел. Или же освобождали кости от мягких тканей, сохраняя в некоторых случаях голову умершего целиком, отдельно от остальной части скелета. Всех умерших за время со дня последних похорон погребали в одной общей могиле. Для этого на родовом кладбище выкапывали просторную общую квадратную могилу, объемом до 10—15 куб. м. Чтобы выкопать такую яму, требовался упорный труд

шести-восьми взрослых человек в течение целого дня. Если хоронили одного или двух человек, то могилу делали меньших размеров.

Погребенных укладывали, равномерно распределяя их на площади одной половины могилы. Помещенные на спину в позе сидящего человека, они со временем принимали положение лежащих с согнутыми ногами. Хоронили их в меховых одеждах лишь в редких случаях с немногими металлическими или костяными украшениями. Пищу, преимущественно мясную, помещали в другой половине могилы в горшках и в деревянной, а также, вероятно, в несохранившейся кожаной и берестяной посуде. Так же размещали, по-видимому, и другие предметы домашнего обихода, большей частью не оставившие по себе никаких следов. Некоторое представление мы имеем лишь о деревянных ступах с каменными пестами, о деревянных чашах, корытах или досках с каменными и роговыми колотушками и молотами, о пастушеских посохах (?) с роговыми наконечниками, о каких-то деревянных предметах красного цвета, украшенных точечной роговой инкрустацией. Вторая половина могилы была, вероятно, вся заполнена предметами подобного рода, сопровождавшимися погребенных в ней людей.

Могилу закрывали на уровне древней почвы накатом из 10—15 толстых бревен и сверху закладывали землей, вынутой из могилы при ее рытье. Чтобы холм над могилой был выше и больше, часто добавляли со стороны еще такое же количество земли (дерна) или вдвое больше. Холм иногда обкладывали сверху большими каменными плитами и всегда окружали круглой каменной оградой, сооруженной из плитняка или бутового камня, нередко из вертикально врытых плит. На сооружение холма употреблялось до 30—50 куб. м земли, на ограду — 20—25 куб. м камня. На все это требовалось затрат до 60 и более человеко-дней тяжелого труда, что не под силу отдельной семье. И это были обычные могилы рядовых сородичей, а не каких-то особых лиц в обществе.

Детей, а иногда и взрослых, умерших в удобное для устройства могилы время, хоронили, часто не дожидаясь установленного срока. Небольшие индивидуальные могилы для них выкапывали в узком проходе между могильным холмом и стеной ограды, не соблюдая при этом правил ориентировки погребенных относительно стран света. Хоронили их и за оградой у самой стены. Покрывали их каменными плитами и устраивали над ними небольшие холмики.

Своеобразие погребального обряда афанасьевцев отражает в себе некоторые особенности уклада их общественной жизни. Прежде всего, все погребенные в коллективных могилах равны по богатству их одежды и снаряжения. Нет никакой возможности отметить среди них более богатых или более бедных даже в тех случаях, когда погребенный имел на себе серебряную или золотую серьгу или «браслет» с обоймочками из метеоритного железа. Нет возможности отметить особое положение кого-либо в коллективных или индивидуальных могилах.* Нет парных погребений (муж и жена или рабыня). Случаи захоронения в одной могиле мужчины и женщины так

* Долгое время считалось (и я так считал), что в могиле 6 могильника Афанасьева Гора женский костяк, занимая центральное положение, отличался от других богатством сопровождающего инвентаря. Отсюда делались выводы об особом положении женщины в афанасьевское время. Однако после раскопок могильников окуневского типа в 1963—1965 гг. и установления наличия особой окуневской культуры стало ясно, что это погребение принадлежит окуневской культуре, оно впущено в могилу афанасьевской культуры и, следовательно, никакого отношения к ней не имеет. Считалось, что и в коллективной могиле кургана 4 в могильнике Сыда I выделяется один женский скелет, более богатый вещами. Но ведь «большое количество вещей», его сопровождавших, состояло всего лишь из 2 Горшков (третий относится к младенцу), медной оковки от несохранившегося деревянного сосуда и костяного наконечника стрелы. Так стоит ли придавать этому сколько-нибудь существенное значение?

же часты, как захоронения двух мужчин или двух женщин. Нет и семейных могил или кладбищ. Характерно, что погребальный инвентарь отдельных лиц в могиле не обособлен. Вещи всех погребенных сложены вместе в северо-западной половине, и невозможно определить, кому из погребенных предназначена та или иная вещь.

Могилы устраивались объединенными силами более или менее значительного коллектива. Надо полагать, что в похоронах принимали участие все сородичи умерших. В могилу часто ставили большие глиняные корчаги, которые сохранили на себе следы использования их при общественных (родовых?) пиршествах. Подобного рода наблюдения свидетельствуют о сильных традициях родового матриархального строя в афанасьевском обществе, не знавшего еще частной собственности на средства производства, не делившегося на богатых и бедных, объединявшихся в коллективном труде, видимо, не только для устройства могил своих сородичей, но, вероятно, и при постройке жилищ и других общественных сооружений.

В афанасьевское время появился обычай окружать могилы оградой, общей для всех погребенных в этой могиле (более древние могилы на Енисее оград не имели, поэтому мы их и не находим). Это связано, вероятно, с тем, что в афанасьевское время (возможно, и несколько раньше) появилась потребность сооружать ограды для скота и для посевов, и вскоре идея ограды была перенесена и на культ мертвых. Как в хозяйственной практике, так и в погребальном культе, труд был коллективным.

Отсутствие парных захоронений в афанасьевских могильниках заслуживает особого внимания, так как во все последующие периоды на Енисее был широко распространен в той или иной форме обычай погребать в одной могиле мужчину и женщину — его жену, рабыню или наложницу. Обычай этот, как показали наблюдения Г. А. Максименкова, появился в окуневское время (Максименков, 1980, с. 18). По археологическим данным, можно представить такую последовательность разных форм обычая парных погребений — сначала обычай единовременного захоронения мужчины и его жены (окуневская культура), затем появление наряду с одновременными и разновременными парными захоронений (андроновская культура) и, наконец, парные разно- и одновременные захоронения только у представителей родовой и племенной знати (карасукская и тагарская культуры). В последнем случае часто практиковалось погребение мужчины и женщины в двух смежных могилах или в двух могилах, расположенных рядом в одной ограде. Практиковались и символические захоронения жен. На Енисее подобные обычаи не засвидетельствованы, но в других местах они известны. Так, на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы, по данным Хорочесовского могильника, мужчин хоронили с характерным набором украшений женской косы, который в женских могилах находится за спиной костяка около поясицы, а в мужских — перед костяком, в разных местах могилы (Круглов, 1946, с. 133). Значит, погребая мужчину, в могилу ему клали, очевидно, отрезанную от его жены косу вместе с украшавшими ее наконечником, пронизками и подвесками. В Монголии же в более позднее время хуннских шаньюев хоронили с косами их жен, вложенными в шелковые футляры, и число «погребенных» таким способом жен в могиле одного мужчины доходило почти до сотни (Trewer, 1932, p. 58—66).*

* Больше всего женских кос обнаружено в кургане 6 Ноин-улы, но точное число их установить трудно. В большинстве случаев они положены в шелковые футляры, но некоторые из них были без футляров. Были и пустые футляры без косы. Были, наконец, небольшие фрагменты кос и футляров. Общее число найденных кос в этом месте в футлярах, кос без футляров, футляров без кос и фрагментов кос и футляров превышает сотню. Положено же в могилу, вероятно, не более ста.

Этнографические наблюдения над архаичными и пережиточными формами брака у современных народов Евразии позволяют считать, что одной из древнейших форм патрилокального брака было похищение женщин, затем их покупка и сватовство. Если возникновение обычая парных захоронений связывать с обычаем похищения жен, то процесс перехода от матрилокального брака к патрилокальному и от матриархального рода к патриархальному можно представить в следующем виде. С развитием скотоводства возрастает роль мужского труда в хозяйстве, возникает потребность сохранить мужскую силу в родовом хозяйстве, что не совместимо с нормами матрилокального брака. Возникает обычай похищения жен издалека (Грязнов, 1950, с. 152). Так начинают формироваться патрилокальная семья и патриархальный род. Матрилокальная семья постепенно отмирает, а матриархальный строй общества уступает место патриархальному. Так совершился революционный переход от матриархального рода к патриархальному путем разрушения старых норм семьи и рода и создания новых.

Похищенная жена — собственность мужа. Она не пользуется защитой рода. Возникает обычай со смертью мужа хоронить с ним и его жену. Со временем этот дикий и расточительный обычай заменяется обычаем хоронить жену в могилу мужа лишь после ее естественной смерти, а затем и символическим ее захоронением (положение в могилу косы его жены и проч.), или сохраняется только при погребении родовой и племенной знати. Похищение же женщин заменяется со временем их куплей, выкупом, сватовством и другими формами заключения брака.

Некоторые представления об особенностях социальной жизни афанасьевского населения, об особенностях их семейного строя и быта могут дать и палеодемографические наблюдения. Наиболее полные и конкретные сведения можно получить по вопросу о характере смертности афанасьевцев. Мы располагаем данными о возрасте 150 чел. по 9 могильникам, в том числе Афанасьева Гора — 32,* Карасук III — 52, Черновая VI — 23, Барсучиха IV — 18, Каменный Лог II — 2, Сыда I — 3, Тепсей VIII — 4, Подсуханыха — 9 чел. Для 137 из них получены определения по конкретным возрастным группам, а для 13 установлено только, что они взрослые. Чтобы сохранить в гистограмме правильное соотношение числа детей и взрослых, эти 13 чел. мною разделены пропорционально возрастным группам взрослых и присоединены к ним. Получилось следующее соотношение возрастных групп.

Младенцы (0—2 года)	40 чел.
Дети и подростки (3—14 лет)	26 чел.
Юноши (15—20 лет) 13 + 2	= 15 чел.
Молодые (20—25 лет) 6 + 1	= 7 чел.
Зрелые (25—40 лет) 15 + 3	= 18 чел.
Пожилые (40—60 лет) 27 + 5	= 32 чел.
Старики (60 лет и старше) 10 + 2	= 12 чел.

Всего 137 + 13 = 150 чел.

Это соотношение более наглядно представлено на гистограмме (рис. 47). Прежде всего бросается в глаза высокая смертность афанасьевцев в юношеском возрасте (15—20 лет) — вдвое большая, чем в последующие возрасты, и в полтора раза большая, чем в детском и отроческом возрастах. Максимум смертности у взрослых падает на 40—60 лет, в то время как у со-

* Материалы Афанасьевой Горы использованы только по моим раскопкам. Определения же С. А. Теплоухова, сделанные им по другой системе, не сопоставимы с моими.

временных народов он приходится на 60—80 лет. Это указывает на относительно короткую продолжительность жизни у афанасьевцев.

Гистограмма смертности по мужской и женской серии черепов дает в общем ту же картину (рис. 48). Серии эти небольшие — мужчин 35 чел., а женщин всего лишь 27. Поэтому заключения по ним можно делать только в самом общем виде. Поскольку же обе они повторяют те же закономерности, какие наблюдались и при общем рассмотрении всего нашего материала в целом, надо считать, что они довольно правильно отражают действительное соотношение смертности отдельных возрастных групп. Сравнивая мужскую и женскую серии, надо прежде всего отметить более высокую смертность в обеих сериях в возрасте 40—60 лет. Далее обращает на себя внимание очень малое число умирающих в старческом возрасте (60—80 лет) мужчин и относительно большое число женщин. Значит, мужчин до старости доживало меньше, а женщин — больше. Наоборот, в возрасте 25—40 лет мужчин умирало относительно больше, а женщин меньше. В нашей гистограмме не нашла отражения отмеченная выше предполагаемая высокая смертность женщин в возрасте 15—20 лет. Это объясняется тем, что из тринадцати чел. этого возраста пол удалось определить только для четырех.

Более интересные наблюдения дает рассмотрение половозрастного состава живого населения афанасьевских племен. В Красноярской экспедиции разрабатывалась методика изучения половозрастного состава древнего населения по материалам могильников. Первые опыты перехода от цифровой характеристики состава погребенных к определению половозрастного состава живых людей в древнем обществе позволили осветить некоторые стороны общественной жизни, ранее недоступные нашему наблюдению. Так, для тагарцев баиновского этапа по материалам могильника Гришкин Лог I мне удалось отметить малое число женщин и людей преклонного и старческого возраста, что было связано с высоким процентом смертности молодых женщин и низкой средней продолжительностью жизни. Семейный состав жителей поселка можно представить примерно в таком виде — 11 брачных пар до 40-летнего возраста, 4 пары пожилых и 15 внебрачных мужчин разного возраста (Грязнов, 1965, с. 62). Интересные наблюдения сделаны и Г. А. Максименковым по палеодемографии окуневской культуры (Максименков, 1980, с. 18).

Переход от графика смертности к графику живого населения афанасьевской культуры осуществлен мною следующим способом.* Сначала определено из числа учтенных 150 чел. количество людей, доживших до 80 лет,** до 60 лет, до 40 лет и т. д. и, соответственно, получилось: до 80 лет — 0 чел.; до 60 лет — 12 чел.; до 40 лет — 44 чел.; до 25 лет — 62 чел. и т. д. Затем для каждой возрастной группы определено среднее число людей каждого года возраста. Так, в группе 60—80 лет получилось 6 чел. — $((0 + 12) : 2)$; в группе 40—60 лет — 28 чел. $((12 + 44) : 2)$; в группе 25—40 лет — 53 чел. $((44 + 62) : 2)$ и т. д. По полученным цифрам можно строить график — кривую возрастного состава. Можно вычертить и гистограмму. В последнем случае величина площади прямоугольников будет пропорциональна общему количеству людей данной возрастной группы. Однако полученные цифры только показывают соотношение отдельных возрастных групп.

* В рукописи М. П. Грязнова, к сожалению, не оказалось иллюстративного материала к этой части главы. (Ред.)

** Люди старше 60 лет, для удобства расчетов, условно отнесены к возрастной группе 60—80 лет.

Таким образом, мы можем представить себе возрастной состав какого-либо поселка примерно в таком виде — при количестве населения в 50 чел. в этом поселке было бы детей и подростков в возрасте 0—15 лет — 21 чел., молодых людей 15—25 лет — 10, зрелых и пожилых в возрасте 25—60 лет — 18 и стариков старше 60 лет — 1. Следует отметить малое число стариков, что, как уже отмечено, связано с относительной малой продолжительностью жизни афанасьевцев. Заметно и малое количество детей — на 28 взрослых приходится лишь 21 чел. детей и подростков. Это, возможно, дефект наших материалов. Вполне возможно, что значительную часть малых детей, младенцев хоронили где-нибудь в других местах, как это принято было у большинства сибирских народов в недавнем прошлом, и они выпали поэтому из наших подсчетов.

Из общего числа учтенных нами 84 погребенных, проживших до 15 лет и больше, 35 чел. оказалось мужского пола и 27 женского. Пол не определен у 22 чел., в том числе у 9 чел. 15—20-летнего возраста, когда половые признаки часто бывают неясно выраженными, и у других 9 чел. — из-за фрагментарности их останков. Значит, число взрослых мужчин в обществе было значительно больше числа взрослых женщин. Женщины составляли всего лишь 77% от числа мужчин. Положение это не изменится и в том случае, если окажется, что в первой группе 9-ти погребенных неопределенного пола большинство было женщин, что вполне возможно. Не изменится, потому что они умерли в юном возрасте.

Составляя гистограммы возрастного состава мужской части населения и женской по отдельности, я вторую гистограмму (для женщин) перестроил с таким расчетом, чтобы общее число женщин составляло 77% от числа мужчин (рис. 48). Таким образом, обе гистограммы сопоставимы, они сделаны в одном масштабе. Общий характер кривых в обеих гистограммах одинаков, но есть и заметные различия. В мужской части населения наблюдается более крутое падение кривой. Это значит, что мужской состав населения был более молодым, чем женский. Пожилых и старых среди женщин было больше, чем среди мужчин (женщины старше 40 лет составляли 35%, а мужчины — 25%).

Значительная недостача в общественных коллективах женщин должна была порождать возникновение каких-то особых норм брачных отношений, особых форм семьи. В предположенном нами поселке с населением в 50 чел. имелось 18 мужчин и только 12 женщин. Недоставало 6 женщин, чтобы все мужчины могли иметь жен. При наших нормах брака третья часть мужчин оставалась бы без жен. Надо предполагать, что у афанасьевцев сложилась какая-то отличная от нашей форма семьи. Можно допустить, что, подобно некоторым современным горным племенам Тибета, Непала и Индии, они выработали свою форму полиандрии.

Полиандрия известна у тибетских скотоводческих племен. Она встречается у собственно тибетцев и известна также у племен цянь и у сычуанских сифань, живущих на восточных окраинах Тибетского нагорья (Журавлев, 1959, с. 85).

В Непале полиандрия распространена у гурунгов и встречается наряду с полигамией у кхасов. Она известна у племени бхоти, мужчины которого кочуют в горах с яками, овцами и козами, а женщины занимаются мотыжным земледелием, и у племени шерпа, живущего в самых высоких районах «на плечах» Эвереста, мужчины которого кочуют со скотом (Гусева, 1958а, с. 100, 103, 104).

Хорошо изучена полиандрия у племени тода, обитающего в горах Нилгири в Южной Индии. Это — пастухи-скотоводы, разводящие только буйволов. Все молочное хозяйство, вплоть до приготовления пищи и кормления

ею детей, — это дело мужчин. Исследователь (Шапошникова, 1969, с. 129—136) рассматривает семью тогда как переходную форму, содержащую в себе элементы и матриархальные и патриархальные. В селении Тарнадмане было семь семей, три из них полиандрические. Таково же соотношение и в других селениях. Число мужей в полиандрической семье от двух до пяти. Обычно это братья, но бывают и не братья.

Все указанные племена — жители высоких гор, занимающиеся примитивным скотоводством и мотыжным земледелием, сохраняющие в той или иной форме матриархальный строй общественной жизни. Полиандрия у них братская (фратернальная), хотя есть случаи и матриархальной полиандрии, когда мужа одной женщины не являются родственниками. Из современных племен и народов это наиболее близкие к афанасьевцам по уровню своего экономического и социального развития.

Известна полиандрия и у других народов с другим уровнем развития, например, у 13-миллионного народа малаяли в Индии, представляющего собой классовое многоукладное общество, в котором сохранились и древние формы семьи. Такова семья «тарвад». Это матрилинейная семья, численностью до 100 чел., живущая в одном доме и сообща владеющая землей, скотом и другим имуществом. «Все молодые женщины имели в доме тарвада отдельные комнаты, каждая женщина могла иметь по нескольку мужей, живших в других тарвадах. Дети от этих полиандрических браков принадлежали тарваду матери. Мужчины работали на материнский тарвад...» и заработки на стороне также отдавали в тарвад жены (Гусева, 19586, с. 71).

В настоящее время полиандрия сохранилась почти исключительно в глухих высокогорных районах в среде скотоводческих племен. В древности она, несомненно, была распространена шире, в том числе и у народов, отнюдь не отсталых и живущих не в каких-нибудь глухих местах. Так, например, китайская хроника, сообщая об обычаях степных кочевников во «Владетельном Доме Йеда»,* говорит: «Братья имеют одну жену. Жена мужа, не имеющего братьев, т. е. одномужняя, носит шляпу с одним углом; одномужняя же умножает число углов по числу братьев; на одеянии нашивается такое же число кистей» (Бичурин, 1950, с. 268). То же сообщается и о жителях Тухоло:** «Братья имеют одну жену. Сыновья от нее принадлежат старшему брату» (Бичурин, 1950, с. 286). Оба эти сообщения относятся к VI в. н. э.

О широком распространении полиандрии у народов Азии можно судить и по некоторым косвенным данным, уводящим нас далеко в глубь веков и показывающим, что братская полиандрия имеет древнюю историю и некоторые институты ее четко отработаны на протяжении веков и тысячелетий.

Особый интерес в этом отношении представляет один из институтов братской полиандрии, имеющий, несомненно, очень древнюю историю и широко распространенный. Я имею в виду обычай, согласно которому женщина может (вероятно, и должна) иметь кроме мужей-братьев еще и «партнера», который у тогда, например, не имеет обязанностей в семье и выполняет свои супружеские обязанности, так сказать, вне очереди, но установленное число раз, не чаще одного раза в месяц. И здесь любопытна одна важная деталь: когда «партнер» приходит в дом женщины, он оставляет свой посох у дверей дома. По этому посоху мужа узнают, что у их жены гость, и не входят в дом (Шапошникова, 1969, с. 135).

Этот обычай известен у ряда древних и исторических народов, но он обычно неправильно понимался сообщавшими о нем авторами, представ-

* По С. П. Толстову, это хунны-эфталиты (Толстов, 1948, с. 322).

** По С. П. Толстову, это Тохаристан (там же).

лявшими этот узаконенный и строго регламентированный обычай как какую-то вольность или распушенность нравов. Геродот сообщает: «Если какой-нибудь массагет пожелает иметь сообщение с женщиной, он вешает колчан свой перед ее повозкой и сообщается спокойно» (Геродот I, 1972). Страбон указывает, что в Аравии проходящий к женщине мужчина оставлял у входа посох (Толстов, 1948, с. 322). По-видимому, этот сюжет изображен на одной из стен в склепе Анфестерия в Керчи: юрта, в ней сидят мужчина и женщина, рядом на дереве повешен колчан, к юрте прислонено копье.

Позже, в V—VI вв. н. э., подобный обычай в Иране у секты маздакидов описывается совершенно неправильно понявшим его Низам-уль-Мульком. «Народ развратился от соблазна общности имущества и жен, — пишет он. — ...Было даже правило: вошедший к женщине оставлял у дверей помещения шапку; когда другой сластолюбец видел положенную шапку, он должен был дожидаться, пока его предшественник не выйдет из двери» (Толстов, 1948, с. 322).

Бухарский историк X в. Мухаммед Нершахи сообщает о секте Муккань: «Говорят, что жен своих они считают дозволенными для всех мужчин в своей среде... Когда мужчина приходит к женщине, чтобы остаться с ней наедине, то он помещает свой знак на дверях дома, чтобы муж этой женщины, когда придет домой, мог узнать, что к его жене вошел другой мужчина, и уходил бы прочь. Когда чужой мужчина окончил свое дело, муж входил в свой дом» (Толстов, 1948, с. 321).

Приведенные примеры показывают, что братская полиандрия и обычай иметь кроме мужей еще и «партнера», который, входя в дом женщины, оставляет около входа знак (посох, колчан, шапку), были очень древними и широко распространенными. Возникновение и развитие полиандрии вызывалось недостатком в общественном коллективе женщин. Все это дает право предполагать и у афанасьевских племен наличие полиандрии в форме, близкой к полиандрии племен тогда, возможно, и наличие обычая иметь «партнера». Не исключено, что перед дверью женщины ставился посох, роговой наконечник которого неоднократно находился в могилах афанасьевской культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение материалов афанасьевской культуры долины Среднего Енисея убедительно демонстрирует, что исторический процесс в Саяно-Алтае был сходен в общих чертах с процессом развития населения степной полосы Евразии. Оно пережило в общем синхронно, хотя и с некоторыми отклонениями, одинаковые этапы в развитии своей культуры.

Афанасьевская культура принадлежит эпохе энеолита и представляет собой один из наиболее ярких примеров этого интересного периода в истории древних племен Минусинской котловины. Как и все другие энсолитические племена, афанасьевцы шли не прямым путем от камennых орудий к металлическим. Со всеми основными металлами они познакомились одновременно, но орудия производства по-прежнему делали из камня и кости, развивая и совершенствуя технику их изготовления. Металл же (медь, серебро, золото и даже метеоритное железо) употребляли главным образом на изготовление украшений. Медь также использовали на починку деревянной посуды. Из нее же делали и мелкие орудия и инструменты: иглы, шилья, проколки, тонкие лезвия и т. п. Все эти мелкие вещи ковали из медного листка или проволоки. Только в последующую эпоху (окуневская культура) появляются первые литые топорик и копье. Значит, революция в развитии орудий труда в энеолите Саяно-Алтая, как и в других областях Старого Света, началась с изобретения мелких тонких острых орудий вроде иглы, шила и других, а не с замены каменного топора или ножа металлическим.

В энеолите Саяно-Алтая революция в технике совпала и с революцией в экономике — с переходом от присваивающего типа хозяйства к производящему. Нахождение в могилах остатков мясной пищи (костей домашних и диких животных), а на месте летнего поселения Тепсей X — костей только домашних животных, позволяет предполагать, что скотоводство в афанасьевское время, хотя и было примитивным, но представляло собой сложившуюся форму, вероятно, придомного содержания скота. Первые же шаги в разведении домашних животных надо отнести к предшествующему периоду, к сожалению, нам почти не известному. Афанасьевцы разводили уже крупный и мелкий рогатый скот и лошадей. На использование лошади как тягловой силы никаких указаний нет. Сам характер поселения Тепсей X свидетельствует о том, что это было не стойбище бродячих охотников и рыболовов, а нечто вроде сезонного яйлажного поселка, судя по остаткам костей животных, летнего характера. Об этом же говорит и конструкция очагов в виде круглого плоского углубления с обставленными плитками наклонными стенками. Примитивная конструкция его создана еще в палеолите, и в Сибири он был широко распространен в последующие эпохи. Имен-

но с использованием такого очага и связана форма остродонной посуды афанасьевской культуры, а также неолитических и энеолитических культур других областей.

В афанасьевском обществе надо предполагать господство еще первобытно-коммунистических порядков и отсутствие частной собственности на средства производства. Указанием на это служат некоторые особенности погребального обряда. В коллективных могилах, в отличие от всех последующих эпох, тела погребенных укладывали в одну половину, а сопровождающие их вещи — в другую, все вместе, без распределения их по отдельным покойникам. Посуда в могилах взрослых принадлежит, по размерам, двум типам: средние емкостью в 1,5—3 л (для матери с детьми) и крупные емкостью в 10—200 л., в которых пища готовилась на десятки человек (для мужских артелей).

Как показали палеодемографические наблюдения на значительном антропологическом материале афанасьевской культуры, ввиду относительно высокой смертности юных женщин существовало количественное преобладание мужской половины населения. В составе живого населения взрослые женщины составляли 77% от числа взрослых мужчин, и это обстоятельство должно было обусловить создание у афанасьевских племен какой-то отличной от моногамной формы семьи, соответствующей социально-экономическим условиям того времени. По аналогии с современными примитивно-скотоводческими племенами Непала, Индии и Тибета, близкими по социально-экономическому уровню развития носителям афанасьевской культуры, можно считать вероятным наличие у афанасьевцев полиандрии, которая и в далеком прошлом была, видимо, широко распространена среди скотоводов. Широкое распространение полиандрии и связанного с ней института «партнера» отмечено и в более поздние эпохи в древности среди племен различных этносов и религиозных воззрений: у массагетов, скифов в Крыму, в Аравии (сообщение Страбона), а в раннем средневековье у секты маздакидов (V—VI вв.), у эфталитов (V—VI вв.) и у тохаров (VI—VII вв.). Это еще раз подчеркивает определяющее значение социально-экономического фактора, в основе которого лежит скотоводство, и определенные экологические условия существования человеческих коллективов в той или иной части ойкумены.

Проблемы происхождения и уточнения хронологии афанасьевской культуры будут, несомненно, успешно решены при дальнейших целенаправленных археологических исследованиях как в бассейне Енисея, так и в сопредельных областях Алтая, Тувы и Монголии.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, 1961 — *Алексеев В. П.* Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья в эпохи неолита и бронзы // ТИЭ (Нов. сер.). 1961. Т. 21. С. 107—206.
- Алексеев, Гохман, 1984 — *Алексеев В. П., Гохман И. И.* Антропология Азиатской части СССР. М., 1984. 208 с.
- Бичурин, 1950 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. 380 с.
- Вадецкая, 1964 — *Вадецкая Э. Б.* Афанасьевский могильник на р. Черновой // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 116—120.
- Вадецкая, 1973 — *Вадецкая Э. Б.* Раскопки под горой Оглахты на р. Енисей // АО 1972 года. М., 1973. С. 201.
- Вадецкая, 1980 — *Вадецкая Э. Б.* Афанасьевский курган у с. Восточного на Енисее // КСИА. 1980. Вып. 161. С. 101—107.
- Вадецкая, 1981 — *Вадецкая Э. Б.* Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы западносибирской археологии: эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 33—62.
- Вадецкая, 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. 179 с.
- Вайнштейн, 1970 — *Вайнштейн С. И.* Раскопки могильника Кокзль в 1962 г.: Погребения кызылганской и сыын-черюкской культур // ТТКАЭЭ. 1970. Т. 3. С. 7—79.
- Геродот, 1972 — *Геродот.* История: В 9-ти кн. / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л., 1972. 599 с.
- Граков, 1958 — *Граков Б. Н.* Старейшие находки железных вещей в Европейской части территории СССР // СА. 1958. № 4. С. 3—9.
- Грязнов, 1939 — *Грязнов М. П.* Эпоха бронзы в Сибири и Казахстане // История СССР (макет). М.; Л., 1939. Т. 1. Ч. 1—2. 423 с.
- Грязнов, 1950 — *Грязнов М. П.* Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. 1950. Т. 12. С. 128—156.
- Грязнов, 1953 — *Грязнов М. П.* Неолитическое погребение у с. Батени на Енисее // МИА. 1953. № 39. С. 332—335.
- Грязнов, 1956 — *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам с. Большая речка // МИА. 1956. № 48. 161 с.
- Грязнов, 1965 — *Грязнов М. П.* Работы Красноярской экспедиции // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 62—71.
- Грязнов, 1968 — *Грязнов М. П.* Работы Карасукского отряда // АО 1967 года. М., 1968. С. 148.
- Грязнов, Вадецкая, 1968 — *Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б.* Афанасьевская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1: Древняя Сибирь. С. 159—165.
- Грязнов, Комарова, 1966 — *Грязнов М. П., Комарова М. Н.* Раскопки могильников в Западной Сибири // АО 1965 года. М., 1966. С. 15.
- Грязнов, Комарова, 1969 — *Грязнов М. П., Комарова М. Н.* Раскопки у горы Тепсей на Енисее // АО 1968 года. М., 1969. С. 176—179.
- Грязнов, Комарова, 1979 — *Грязнов М. П., Комарова М. Н.* Афанасьевская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 20—27.
- Гусева, 1958а — *Гусева Н. Р.* Население Непала // СЭ. 1958а. № 5. С. 91—106.
- Гусева, 1958б — *Гусева Н. Р.* Народ малайяли // СЭ. 1958б. № 2. С. 63—76.
- Дебец Г. Ф., 1948 — *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР // ТИЭ (Нов. сер.). 1948. Т. 4. 392 с.
- Дебец, 1968 — *Дебец Г. Ф.* Проблемы эволюции человека и его рас // *Дебец Г. Ф.* Сб. статей. М., 1968.

- Журавлев, 1959 — *Журавлев Ю. И.* Тибетские народности и этнографические группы тибетцев Китайской Народной Республики // СЭ. 1959. № 5. С. 71—92.
- Иванова, 1968а — *Иванова Л. А.* Могильник Подсуханиха и некоторые особенности афанасьевских надмогильных сооружений // КСИА. 1968а. Вып. 114. С. 58—69.
- Иванова, 1968б — *Иванова Л. А.* О различиях керамических традиций афанасьевской и окуневской культур // СА. 1968б. № 2. С. 251—254.
- Иванова, 1970 — *Иванова Л. А.* Опыт выделения и палеоэтнографической характеристики афанасьевской культуры Среднего Енисея: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1970. 15 с.
- Киселев, 1929 — *Киселев С. В.* Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодн. Гос. музея им. Н. М. Мартянова. Минусинск, 1929. Т. 6. Вып. 2. 162 с.
- Киселев, 1937 — *Киселев С. В.* Афанасьевские курганы у с. Сыды и Теси // СА. 1937. Т. 2. С. 71—94.
- Киселев, 1949 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9. 364 с.
- Киселев, 1951 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 643 с.
- Кожин, 1970 — *Кожин П. М.* О палиях из афанасьевских могил // СА. 1970. № 4. С. 189—193.
- Круглов, 1946 — *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. // КСИИМК. 1946. Вып. 13. С. 130—134.
- Кызласов, 1962 — *Кызласов Л. Р.* Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь // СА. 1962. № 2. С. 112—123.
- Левашева, 1962 — *Левашева В. П.* Афанасьевский могильник Красный Яр в Хакасии // Историко-археологич. сб. М., 1962. С. 62—73.
- Липский, 1952 — *Липский А. Н.* Афанасьевские погребения в Хакасии // КСИИМК. 1952. Вып. 17. С. 67—77.
- Липский, 1954 — *Липский А. Н.* Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Тен // КСИИМК. 1954. Вып. 64. С. 89—98.
- Максименков, 1965 — *Максименков Г. А.* Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах // СА. 1965. № 4. С. 204—211.
- Максименков, 1968 — *Максименков Г. А.* Окуневская культура и ее соседи на Оби // История Сибири. Л., 1968. Т. 1: Древняя Сибирь. С. 165—172.
- Максименков, 1975 — *Максименков Г. А.* Окуневская культура: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1975. 40 с.
- Максименков, 1980 — *Максименков Г. А.* Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. Л., 1980. 148 с.
- Мурадова, 1970 — *Мурадова Ф. М.* Курганы эпохи бронзы в Гобыстане (Азербайджан) // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых арх. и этнограф. исслед. в 1970 г.: Тез. докл. секц. и пленар. заседаний. Тбилиси, 1970. С. 75—76.
- Окладников, 1955 — *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. 1955. № 43. Ч. 3. Глазковское время. 347 с.
- Попова, 1955 — *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры. М., 1955. 180 с.
- Пшеницына, 1964 — *Пшеницына М. Н.* Новый тип памятников III—II вв. до н. э. на Енисее // КСИА. 1964. Вып. 102. С. 127—134.
- Пшеницына, Поляков, Подольский, Савинов, Кузьмин, 1979 — *Пшеницына М. Н., Поляков А. С., Подольский М. Л., Савинов Д. Г., Кузьмин Н. Ю.* Работы Среднеенисейской экспедиции на юге Хакасии // АО 1978 года. М., 1979. С. 269—270.
- Пшеницына, Поляков, 1980 — *Пшеницына М. Н., Поляков А. С.* Работы в г. Саяногорске // АО 1979 года. М., 1980. С. 229—230.
- Седякина, 1965 — *Седякина Е. Ф.* Тагштыжские погребения могильника Барсучиха IV // СА. 1965. № 4. С. 220—222.
- Семенов, 1979 — *Семенов В. А.* Раскопки многослойной стоянки Тоора-Даш в Западной Туве // АО 1978 года. М., 1979. С. 270.
- Семенов, 1980 — *Семенов В. А.* Раскопки многослойной стоянки Тоора-Даш в Западной Туве // АО 1979 года. М., 1980. С. 230—231.
- Синицын, 1948 — *Синицын И. В.* Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. 1948. Т. 10. С. 143—160.
- Сосновский, 1935 — *Сосновский Г. П.* Работы по районам проектируемых гидроэлектростанций на Ангаре, Енисее, Бие и Иртыше. Отчет о работах // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 110. С. 69—79.
- Теплоухов, 1922 — *Теплоухов С. А.* Следы доисторической жизни в Минусинском крае // Географический Вестник / Изд. Географ. ин-та. Пг., 1922. Т. 3. Вып. 2—3. С. 20—27.
- Теплоухов, 1924 — *Теплоухов С. А.* Отчетная выставка этнографического отдела за 1923 г. // Изд. Русского музея. Пг., 1924. С. 8—12.
- Теплоухов, 1927 — *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. 3. Вып. 2. С. 57—112.
- Теплоухов, 1929 — *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. 4. Вып. 2. С. 41—62.

- Толстов, 1948 — *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. 352 с.
- Формозов, 1969 — *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР // МИА. 1969. № 165. 256 с.
- Чеченов, 1970 — *Чеченов И. М.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике // СА. 1970. № 2. С. 109—124.
- Шапошникова, 1969 — *Шапошникова Л. В.* Тайна племени голубых гор. М., 1969. 317 с.
- Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986 — *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д.* Ямная культурно-историческая область (Южнобугский вариант) // Археология СССР. САИ В-1-3. Киев, 1986. 157 с.
- Шилов, 1959 — *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. С. 323—523.
- Шрамко, Солнцев, Фомин, 1963 — *Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии // СА. 1963. № 4. С. 36—57.
- Trewer, 1932 — *Trewer C.* Excavations in Northern Mongolia. (1924—1925). L., 1932.

И. Н. Хлопин

АФАНАСЬЕВСКАЯ КУЛЬТУРА
(ИСТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ)

Тщательность раскопок и новизна методики полевых исследований Михаила Петровича Грязнова (1902—1984) стали образцом для нескольких поколений российских археологов. Его многочисленные ученики живут и работают практически во всех ныне независимых государствах СНГ на территории Закавказья, Украины и Средней Азии; это значит, что его школа приобрела мировую известность. Эти ученики уже достигли высоких научных степеней и званий, они авторы многих книг, но правильность своих действий и выводов они всегда проверяют, мысленно соотносясь с Учителем.

Основным направлением полевых и кабинетных исследований М. П. Грязнова были сибирская археология от неолита до средневековья. Однако его «страстью» в 1960-е годы была энеолитическая афанасьевская культура: раскопанные им могильники увеличили объем информации о ней во много раз, в чем можно было убедиться, прочтя эту книгу. Она столь долго не могла увидеть свет, потому что исследователь не считал ее, видимо, окончательно завершенной. Довела ее до требуемого состояния его верная ученица и последовательница, кандидат исторических наук М. Н. Пшеницына, и ее усилиями материал двух основных, полностью раскопанных могильников — Афанасьева Гора и Карасук III — оказался доступным для исследователей.

Рукопись, в основном материалы раскопок, была написана в середине 1960-х годов, и в ней, естественно, отсутствуют результаты раскопок последних 25—30 лет. Без них характеристика и интерпретация афанасьевской культуры, столь важной для истории Сибири, Алтая и среднего течения Енисея, на сегодняшний день была бы неполной. Особенно сказалось невольное игнорирование материалов из раскопок в Средней Азии, в областях сложения производящей экономики, а также афанасьевских памятников в Казахстане, на Алтае и в Центральной Азии. Все это было раскопано уже после написания этой книги. С согласия М. Н. Пшеницыной я попытался восполнить этот пробел и взглянуть на древнейшие этапы истории народов Южной Сибири через призму раскопок в Южном и Юго-Западном Туркменистане.

Несмотря на то, что рукопись М. П. Грязнова только теперь увидела свет, содержащиеся в ней фактические материалы и некоторые выводы были использованы в двух более ранних изданиях: «История Сибири»¹ и в книге Э. Б. Вадецкой.² Поэтому исторические взгляды на афанасьевскую культуру мы позволили себе выяснить на основании рукописи М. П. Грязнова и двух названных изданий. Поскольку книга «Афанасьевская культура на Енисее» посвящена изданию археологического материала, то историческим вопросам там уделено недостаточно внимания, а две остальные работы носят как раз обобщающий характер, и в них содержится не столько конкретный материал, сколько попытки исторических обобщений, на которых мы и остановимся.

«Первым важным культурным приобретением афанасьевцев было овладение металлом. Вторым важным приобретением афанасьевцев был переход... к скотоводству и земледелию. ...Афанасьевцы уже разводили все основные виды домашнего скота (баран, корова, лошадь)... О занятии афанасьевцев земледелием прямых данных нет».³ «Афанасьевское население характеризовалось ярко выраженным европеоидным типом... Можно видеть определенные черты сродства с ямной и частично катакомбной культурами степей Причерноморья и с Заман-бабинской культурой Средней Азии. Афанасьевские племена на Енисее представляют собой крайнюю восточную ветвь европеоидных племен Евразии. Племена эти объединялись сходным хозяйством — зачатками скотоводства, земледелия и металлургии, а также, очевидно, происхождением, о чем свидетельствует и единство антропологического типа».⁴

В книге Э. Б. Вадецкой о хозяйстве повторено практически все дословно. А вот о происхождении афанасьевской культуры написано несколько больше и подробнее, что и неудивительно, поскольку названные работы разделяют почти 20 лет. К этому времени было установлено: «принадлежность афанасьевцев к европеоидной расе; отсутствие связей афанасьевской культуры с местной неолитической; значительное сродство сибирской культуры с расположенной далеко на западе ямной; единообразие афанасьевских могильников. Все это свидетельствует о том, что культура пришла на Енисей в готовом виде или сложилась здесь за короткий срок. ... культурно-историческое единство ямных и афанасьевских племен проявляется в их материальной и духовной общности, экономике, в близких формах керамики, в принадлежности к одному антропологическому типу... Сходство черепов ямной культуры с афанасьевскими достигает полного тождества». Место сложения афанасьевской культуры «находится где-то к западу от Алтая, а соседней территорией могла быть восточная граница ямной культуры. ... Слабая изученность территории Казахстана скрывает от нас пути их продвижения, но постепенно обнаруживаются памятники промежуточного звена: на р. Тобол 2 могильника, погребение под г. Карагандой. Афанасьевцы жили не только в горной, но и в степной части Алтая, откуда они продвинулись на Енисей. ...можно предположить принадлежность их к индоевропейской языковой группе».⁵

Приведенные суждения показывают, что поиск этнических и культурных предков и места исхода предков носителей афанасьевской культуры (а также и ямной) велись как бы ослепью. Все это может быть объяснено тем, что

¹ Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б. Афанасьевская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 159—165.

² Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л., 1986.

³ Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б. Афанасьевская культура. С. 161.

⁴ Там же. С. 165.

⁵ Вадецкая Э. Б. Археологические памятники... С. 22.

исследователи названной культуры не совсем ясно представляли себе механизм становления и распространения производящей экономики, а также были незнакомы с раскопками последних 15 лет, которыми были вскрыты могильники энеолита и бронзового века в Юго-Западном Туркменистане. Почему мы предлагаем искать ключ к ответу на поставленные вопросы столь далеко от ареала афанасьевской культуры, станет ясно из последующего изложения нашей исторической концепции.

Прежде всего надо внести предельную ясность в проблему перехода афанасьевцев к производящей, преимущественно скотоводческой экономике во второй половине III тыс. до н. э. Давно принята историческая аксиома, что переход к производящему хозяйству невозможен самостоятельно там, где нет исходных диких форм культурных растений и домашних животных. А в Сибири таких форм нет, и нам надо однозначно и безальтернативно признать пришлый характер производящего хозяйства афанасьевцев, более того — пришедшего вместе с ними. А ближайшим центром окультуривания злаковых растений и одомашнивания диких животных являются горные и предгорные районы Туркмено-Хорасанских гор, что было доказано еще работами Н. И. Вавилова в 1920-х годах⁶ и неоднократно подтверждено последующими исследованиями.⁷ Значит, далекие корни экономики энеолитических культур Южной Сибири следует искать именно там.

Как же происходило распространение производящего хозяйства, которое в итоге охватило весь земной шар? Мне неоднократно приходилось выступать с объяснением этого механизма в печати, начиная с 1968—1970 гг.,⁸ а последняя работа на эту тему вышла в 1989 г.⁹ Однако, поскольку отсылка к ранее изданным работам приводит, как правило, не к их прочтению, а как бы к подчеркиванию эрудиции автора, придется это вкратце повторить, тем более что за прошедшие годы появились новые данные, подтвердившие правильность нашей прежней гипотезы; а это способствует превращению ее в теорию.

Итак, население горных и предгорных районов южной части Средней Азии, точнее Туркмено-Хорасанских гор, межгорных долин и северных подгорных равнин Копетдага и Эльбурса, перешло в VI тыс. до н. э. к искусственному выращиванию злаков и разведению домашнего скота, прежде всего коз и овец. Традиционно гарантированный запас пищи привел первобытных земледельцев к прочной оседлости в удобных местах для ведения хозяйства нового типа, оплывшие холмы древних поселений являются неотъемлемой частью пейзажа названных областей. Прекратив бродяжничество для добывания повседневной пищи, люди быстро освоили и другие отрасли домашнего ремесла, в первую очередь изготовление глиняной посуды и металлургию меди; все эти отрасли были направлены на выработку навыков длительного сохранения продуктов производящего хозяйства как запасов впрок, по возможности до следующего урожая.

Неолитическая расписная глиняная посуда оседлого земледельческого населения была распространена по всей территории, на которой оно перешло к производящему хозяйству. Так длилось довольно долго, до IV тыс.

⁶ См.: Вавилов Н. И. О восточных центрах происхождения культурных растений. М., 1926.

⁷ См.: Лисицына Г. Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978.

⁸ Хлопин И. Н. К возникновению скотоводческого базиса // Проблемы археологии Средней Азии. Т.Д. Л., 1968. С. 33—35; он же. К происхождению андроновского субстрата сибирских народов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Т.Д. Томск, 1969. С. 162—164; он же. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе // Ленинские идеи в изучении истории... М., 1970. С. 94—112; он же. Проблема происхождения культур степной бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 54—58.

⁹ Хлопин И. Н. Исторические закономерности сложения степных культур Средней Азии // Взаимодействие степных культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 217—224.

до н. э., когда единый этнический массив Туркмено-Хорасанских гор и предгорий перешел к различным керамическим традициям. На северной подгорной равнине Копетдага и в древней дельте р. Теджен, колонизованной выходцами с этой равнины, продолжали обжигать керамическую расписную продукцию при полном доступе кислорода — глина при таком обжиге приобретала красно-желтые тона из-за окисления железистых включений, свойственных глинам вообще.

С того же IV тыс. до н. э. на северной подгорной равнине Эльбурса и в Юго-Западном Туркменистане обжиг керамической продукции изменился: там начали применять восстановительный обжиг с весьма ограниченным доступом кислорода (т. е. воздуха) к обжигаемым изделиям. Сейчас трудно реконструировать, каким образом это произошло впервые, но это случилось и, более того, стало нормой и практиковалось не менее трех тысячелетий.

Однако из этого не следует, что народы, населявшие свои родные места, сильно разошлись в культуре, в языке. Несмотря на различную керамику, с точки зрения технологии ее изготовления, основные орнаментальные сюжеты остались весьма сходными, хотя и выполненными в разной технологии. Те сюжеты, которые на подгорной равнине Копетдага и в древней дельте Теджена были исполнены росписью, в Юго-Западном Туркменистане были выполнены лощением или налепами. Состав «зверинца» в орнаментации керамики стиля Намазга III (ранняя бронза) оказался таким же в эпоху ранней бронзы в долине Сумбара (период ЮЗТ-IV). Следовательно, можно говорить об общности и неизменности идеологических представлений всего этнического массива Туркмено-Хорасанских гор и предгорий.

Ключ для реконструкции языковой и этнической принадлежности древнего населения этих мест дают не только данные археологии, но и исторической лингвистики. Археология совершенно однозначно доказала, что в течение всей первобытности, т. е. с неолита до эпохи раннего железа, не зафиксировано никакого инокультурного вторжения или даже влияния на культуру как расписной, так и серо-черной керамики Южного Туркменистана. Это значит, что существующее в науке мнение о приходе в эти места людей в эпоху бронзы, говоривших на индо-иранских языках,¹⁰ следует полагать полностью себя изжившим. И если считается общепринятым мнение о том, что население юга Средней Азии с эпохи бронзы говорило на иранских языках,¹¹ то надо признать, что на этих же языках оно говорило с эпохи неолита, со спонтанного перехода к производящему хозяйству, по крайней мере с VII—VI тыс. до н. э.

Определить этническую и языковую принадлежность помогает древняя топонимика. Античные письменные источники, имеющие отношение к странам и местностям южных областей Средней Азии, дружно называют р. Арий и дают ее точный адрес и описание ее особенностей. Все подробности этого вопроса уже давно разобраны мною в книге,¹² к которой я и отсылаю читателей. Для менее любознательных скажу вкратце, что р. Арий античных авторов соответствует современному Теджену. В то же время греческое название «Арий», «арий» является калькой с древнего иранского названия этой реки и народа. Помог его восстановить крупнейший эрудит в области древних восточных языков проф. И. М. Дьяконов.¹³ Он считает,

¹⁰ См.: напр.: Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира // История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 128.

¹¹ См.: Литвинский Б. А. О языках Средней Азии в конце бронзового века // История таджикского народа. М., 1963. Т. 1. С. 127—133.

¹² См.: Хлопин И. Н. Историческая география южных областей Средней Азии. Ашхабад, 1983.

¹³ См.: Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира. С. 150

что в греческом названии реки неверно поставлен перед начальной альфой знак тонкого придыхания вместо густого, что правильнее передавало бы древнее иранское название. Тогда в русском переводе это имя звучало бы несколько иначе: «Харий», «харию». Все эти рассуждения И. М. Дьяконов привел для того, чтобы отождествить страну Арию со средневековым Гератом, расположенным на берегу левого истока Ария — р. Гери-руд в Афганистане. Восстановление имени реки, предложенное И. М. Дьяконовым, мы принимаем, одновременно решительно возражаем против отождествления Герата с авестийской страной Харайвой. Этноним «харию» вошел в состав другого гидронима, а именно р. Харахвайти, где «Хара» — топоним, а *-вай* — суффикс обладаний, т. е. «хариийская река»; это и было название современного Теджена в его древней дельте. Однако в то время, когда дельта была населена, местное население называло реку Сарасвати. Начальное *S* перешло в *H* после того, как население ее покинуло; перед тем, как был составлен знаменитый перечень арийских стран в Видевдате. Она была расположена южнее современной железнодорожной станции Геокюр, а после ее запустения в результате ухода воды это название было перенесено на Серахсскую дельту.

Страбон и Птолемей многократно упоминают случаи, когда совпадают топоним, гидроним и этноним, что может означать только исконное проживание упомянутого в них народа в данном месте. Так получилось с Арием и ариями — и в иранском есть народ харию, река Харахвайти и страна Харахвайти. Следовательно, арии, или харию, жили там исконно. Однако очевидно, что древняя дельта Теджена, которая известна у археологов под названием Геокюрского оазиса, была освоена выходцами с северной подгорной равнины Копетдага, точнее из района современной станции Каахка. Переселившиеся несколько общин принесли с собой свой этноним «арию», «харию» и передали его реке и стране. Обратным ходом это позволяет нам с полным основанием перенести племенное название «арию—харию» на все население северной подгорной равнины Копетдага. Тогда диагностическим признаком материальной культуры «ариев—харию» может быть только светло-глиняная расписная керамика, столь хорошо известная по раскопкам последних десятилетий на этой равнине. Так «археологические невидимки» арии неожиданно получили свою плоть — великолепную расписную керамику в свое неотчуждаемое владение, в свою культурную характеристику.

Зная теперь локализацию ариев, тут же следует вспомнить о том, что постоянными соперниками ариев являлись ираноязычные туры с той же, по сути дела, духовной культурой; их соперничество надо объяснить скорее всего борьбой за гегемонию в «иранском мире». А борьба эта могла происходить при одном неперемennom условии — территории, на которых проживали арии и туры, должны были соприкасаться. Поскольку мы только что установили наиболее вероятную прародину древних ариев, нам необходимо посмотреть, нет ли в ее ближайшем соседстве какой-нибудь археологической культуры такого же земледельческого облика и уровня. К северу и востоку лежала зона неолитических культур с присваивающей формой хозяйства, что пока закрыло эти направления. К югу находился большой горный массив, за которым простирались центральноиранские пустыни, северная кромка которых практически является «белым пятном» на археологической карте Ближнего Востока.

Единственным местом, которое должно привлечь наше внимание, остался Юго-Восточный Прикаспий — северная подгорная равнина Эльбурса, долины рек Каспийского бассейна: Горгана, Атрека и его притока Сумбара. Именно там, согласно обследованиям экспедиции Т. Арне в начале 1930-х годов, находится много десятков холмов — остатков древних поселений,

усыпанных черепками серо-черной керамики. Тогда же он провел раскопки поселения Шах-тепе с серо-черной керамикой; там же, в предгорьях Эльбурса, расположено самое большое древнее поселение края, нижние слои которого относятся к неолиту, а верхние — к эпохе поздней бронзы — Туренг-тепе.¹⁴ Именно там, в долине среднего течения Сумбара в течение 15 лет наша экспедиция раскапывала уникальный памятник древности — могильник Пархай II, который функционировал как кладбище в течение трех тысячелетий — с конца V по вторую половину II тыс. до н. э.

Согласно Авесте, место проживания туров находилось, с одной стороны, рядом с ариями, с другой — рядом с морем *Вару-каша*. Есть много вариантов отождествления этого водоема, но наиболее соответствует действительности тот вариант, что в древности так называлось Каспийское море, поскольку в его названии есть этноним *Каша*, тождественный народу каспиев античных письменных источников, следовательно, как не крути, а только культура с серо-черной керамикой, распространенная изначально в Юго-Восточном Прикаспии, может быть соотнесена с древним иранским племенем (народом) туров. Отсюда следует, что диагностическим признаком материальной культуры туров является серо-черная керамическая посуда, которая вырабатывалась только в Юго-Восточном Прикаспии в IV—II тыс. до н. э. И как тут с этнонимом *Тур* не сопоставить название самого большого поселения этого района Туран-тепе, уходящее в седую древность.

Практически изначально северная подгорная равнина Копетдага и древняя дельта Теджена были населены ариями (хариями), а северная подгорная равнина Эльбурса и долины рек Каспийского бассейна — ираноязычным же народом турами. Благодаря оптимальным природным условиям те и другие процветали и развивали свое земледельческое хозяйство, постепенно возрастая количественно. В эпоху раннего и развитого энеолита это не ощущалось, но ко времени ранней бронзы, к середине III тыс. до н. э., количество населения перешло в качество перенаселения. На долгу каждого члена хозяйственного коллектива из-за слабо развитых производительных сил доставалось все меньшее количество продовольствия. Особенно наглядно это прослеживается у туров, погребальные склепы которых нередко содержат по 100 и более покойников. Арии от них отставали ненамного — там тоже развивается традиция коллективных захоронений, но не в специальных склепах, а в одном из заброшенных помещений на действующем поселении. Надо было искать выход из создавшегося положения.

Такой выход был найден. Из Юго-Восточного Прикаспия начался постепенный отток избыточного населения. Первые шаги этого процесса отмечаются в позднем энеолите, когда на поселениях северной подгорной равнины Копетдага и в дельте Теджена стала появляться эпизодически серо-черная турская керамика (Кара-тепе, Геоксюр I),¹⁵ которая в то время могла передвигаться только с людьми. Первые выходы из долины Сумбара были, вероятнее всего, ассимилированы на северной подгорной равнине Копетдага, что не представляло никаких трудностей: у них был общий язык и общие черты идеологии. Однако переселенцы все же были первое время как-то обособлены, во всяком случае они сохраняли не только принцип коллективного погребения в искусственном склепе, но и обычай хоронить

¹⁴ После длительных раздумий я пришел к выводу, что этот топоним по-русски (да и в европейских языках) произносится неверно. Латинницей этот топоним пишется *Tureng*, что воспроизводит туркменское окончание *-eng*, которое произносится как носовое *-n*, т. е. этот топоним надо произносить как *Туран-тепе*. Это совсем меняет дело — Туран-тепе является крупнейшим поселением в стране туров.

¹⁵ См.: Хлопин И. Н. Верхний слой поселения Кара-тепе // КСИИМК. 1959. № 76; Сарияниди В. И. Энеолитическое поселение Геоксюр // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1961. Т. 10.

женщин с медным гвоздиком во рту (камеры периода ЮЗТ-VI и толосы Геоксюра).¹⁶ Приход на подгорную равнину Копетдага туров нарушил баланс людей и природы, что привело во вторичное движение уже ариев; результат этого виден не только в уходе населения из древней дельты Теджена, что было связано с изменением течения реки, но и в движении на восток через Мургабский оазис, Амударью и почти всю долину Зарафшана; в его верхнем течении переселенцы остановились и положили начало первой земледельческой культуре Согда, культуре Саразма.¹⁷ Однако мы совершенно не настаиваем на том, что основатели Саразма были в единственном числе; не настаиваем и на том, что другие аналогичные коллективы не проникли еще далее на восток и северо-восток.

Ко времени ранней бронзы отток избыточного населения из Юго-Восточного Прикаспия превратился в поток. По древним коллективным могилам долины Сумбара это особенно хорошо видно: в склепе периода ЮЗТ-III вместо сотни людей было погребено не более 10. Остальные ушли, и оставшиеся, не исключено, стали ощущать определенный вакуум. Но народ ушел безвозвратно. Кто-то, скорее всего выходя из той же долины Сумбара, перевалили Копетдаг и влились более ощутимой струей в состав местного населения, причем на ряде поселений серо-черная керамика полностью сменила местную расписную (Ак-тепе под Ашхабадом).

Основная масса людей из поселений северной подгорной равнины Эльбурса проследовала на север и пересекла нынешние Каракумы. В то время такое путешествие было совершенно не опасным, как ныне, поскольку современные пустыни тогда были обводнены и представляли собой ковыльные степи; была вода, был в избытке корм для скота. Уже давно были известны случаи подражания населением дельты Амударьи (древнего Хорезма) керамическим формам южной земледельческой керамики, особенно сосудам с носиками и сливами.¹⁸ А в 1988 году при раскопках рядом с мавзолеем Тюрлябек-ханым на средневековом городище Куныя-Ургенч была найдена серо-черная привозная керамика,¹⁹ разумеется, ее обломки, совершенно идентичная той, которая была положена в могильные склепы времени ранней бронзы в могильнике Пархай II в долине Сумбара. Это можно считать абсолютным доказательством распространения южного земледельческого населения — ираноязычного народа туров на север. Они не только ушли из родных мест, но достигли дельты Амударьи и заложили земледельческую культуру древнего Хорезма.

Прежде чем продолжить поиски дальнейших северных и восточных путей ираноязычных народов, надо сделать небольшое пояснение. Поскольку объектом нашего исследования являются энеолитические культуры Сибири, мы здесь не будем говорить об основных направлениях движения ариев и отчасти туров, а именно в сторону северной Индии. Об этом мы уже неоднократно писали, и в данном тексте нет смысла повторяться.²⁰ Отметим только, что арии сконцентрировались на северных рубежах Индийского субконтинента где-то на рубеже III и II тыс. до н. э., т. е. примерно одновременно с афанасьевской культурой на Енисее. Таким образом, можно

¹⁶ См.: Сарцианиди В. И. Энеолитическое поселение... С. 286.

¹⁷ См.: Исаков А. И. Саразм. Душанбе, 1991.

¹⁸ См.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 141—142.

¹⁹ См.: Юсупов Х. Хорезмский ренессанс // Памятники Туркменистана. 1989. № 2 (48); Хлопнин И. Н. Культура «Астрабадского бронзового века» в Хорезме // Изв. АН ТССР. Сер. гуман. наук. 1991. № 3. С. 82—84.

²⁰ См., напр.: Хлопнин И. Н. Древнейшие индоиранцы в свете археологии // Сухачев Н. Л. Историческая перспектива в индоевропеистике. СПб., 1994. С. 226—241 (послесловие).

заклЮчить, что распространение иранских народов по Евразийскому материку было явлением глобальным для конца III—начала II тыс. до н. э.

Итак, северное направление движения иранских народов было не беспредельным, поскольку люди встретили естественную преграду — зону лесов, в которой невозможно было вести скотоводческое хозяйство. Однако именно в этой зоне произошел контакт с населявшими ее угро-финскими племенами, которые получили от пришельцев первое подробное и наглядное знакомство с производящим хозяйством, а в их языке появились иранские термины, связанные с этим хозяйством.²¹ Поскольку с юга вынужденных странников подпирали следующие волны переселенцев, они вынуждены были где-то в зоне Южного Зауралья и к востоку от этих мест развернуть свои пути на запад и на восток. И бескрайние степи привели их отдаленных потомков в степи Восточной Европы и степи Хакасии (Минусинской котловины на среднем течении Енисея). Разумеется, для преодоления этого пути понадобились долгие десятилетия и не одно поколение странников. Их дальнейшие судьбы упираются уже в историю народов Евразии.

Все это были теоретические предпосылки, поскольку севернее дельты Амударьи не зафиксировано пока материальное распространение культуры туров. Но это не должно нас смущать и останавливать, образно говоря, с поднятой ногой для следующего шага. И сделать этот шаг позволяет всем известная топонимика. Приведенные ниже топонимы лежат на поверхности и, по моему глубокому убеждению, тщательное изучение топографических карт между Аральским морем и Енисеем даст большое количество дополнительного материала.

Мы имеем в виду топонимы, в которых содержится этноним тур-, поскольку совершенно очевидно, что ушедшие со своей прародины части народа туров продолжали в дальних странах сохранять как зеницу ока свое самоназвание, свою этническую принадлежность. Многовковые странствия среди чужих отобрали у них многие характерные черты материальной и духовной культуры древности, но этническое самосознание отобразить можно тогда, когда народ практически уничтожен или сведен численно до такого минимума, что сохранение этноса становится невозможным и исну-

жым.

Если посмотреть на географическую карту указанного района и за исходный пункт принять место самых северных находок турской серо-черной керамики — городище Куня-Ургенч в дельте Амударьи, то можно отметить следующее. Территория северных Каракумов и Кызылкумов, а также территория восточнее Аральского моря до Байконура носит название Туранской низменности (вероятно, в противовес Иранскому нагорью); затем, к северу от Аральского моря, на р. Тургай, притоке Ишима (есть еще там приток Тургая р. Кара-Тургай), находится населенный пункт Тургай; от него, почти прямо на север, отходит широкая и длинная впадина под названием Тургайская долина (или прогиб, или лощина), по которой течет р. Убагай; возвышенность между р. Убагай и Тобол называется Тургайское плато. Восточнее, в Акмолинской области, находится еще один населенный пункт Тургай. Перейдя через Иртыш, очутимся на Алтае и встретим там топонимы с этнонимом *тур-*: это — Ойрот-Тура на Катунь (ныне Горно-Алтайск), местность Алты-Туру на р. Бар-Бургазы, населенный пункт Турочак на р. Бии и, наконец, село Турина гора у Барнаула. И теперь только Абаканский хребет, вполне проходимый, отделяет нас от Минусинской котловины на Енисее.

²¹ См.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2. С. 921—931.

В долине Енисея, на его правом берегу, есть гора Туран. А далее, в Туве, существует р. Туран с населенным пунктом Туран; вся высокогорная котловина называется Турано-Уюкской, расположена на высоте 1000 м над уровнем моря и богата прекрасными зимними пастбищами. Как раз в этой котловине расположен уникальный царский раннескифский курган Аржан, раскопанный под руководством М. П. Грязнова в 1971—1974 годах.²²

Как же, собственно, можно объяснить слово «Туран» и его антипод «Иран» или «Арийан»? Ответ на этот вопрос можно найти в книге известного ираниста Р. Н. Фрая.²³ *Тур-ан* и *Арий-ан* являются формами множественного числа, где *Тур-* и *Арий-* — этнонимы, а частица *-ан* — показатель множественного числа. Так что на русский язык *Арий-ан* переводится как «арии», а *Тур-ан* — как «туры». Следовательно, многочисленные топонимы и гидронимы Туран являются ничем иным, как словом «туры», что свидетельствует о прохождении через эти места и проживании в них в течение какого-то времени именно народа туров.

Так же точно требует этимологизации название Тургай, приложимое и к территории, пониженной и возвышенной, и к рекам, и к населенным пунктам; вероятно, последние могли получить это имя не по местности, а по названию реки, на которой они расположены. Не приходится сомневаться в том, что первая часть этого имени *TUR(A)* — является этнонимом, назвавшим иранского народа туров, прародина которого находилась в Юго-Восточном Прикаспии; какая-то часть туров покинула ее, как мы видели, около середины III тыс. до н. э. Вопрос упирается в значение второй части этого имени — *GAY*. Исходя из того, что арии и туры принадлежали к ираноязычным народам, один из которых, а именно арии, являлся творцом Авесты, мы сочли вероятным, что в своем основном словарном запасе арийский и турецкий языки были идентичны. Для того чтобы проверить эту догадку, мы воспользовались глоссарием в книге С. Н. Соколова «Язык Авесты» (Л., 1964). Оказалось, что в авестийском языке есть *-GAYA-* — жизнь, составная часть имени Гайомарт, «смертная жизнь» — имени первого человека, сотворенного Ахура — Маздой. Есть два понятия слова «жизнь»: жизнь где-то в определенном месте, в какой-то среде обитания, и жизнь вообще как биологический процесс, независимо от места обитания. Оказывается, и в Авестийском языке различаются эти тонкости: упомянутое выше *GAYA-* означает жизнь как биологический процесс,²⁴ а жить в смысле обитать имеет авестийский корень *SY-Y*.²⁵ По правилам место обитания туров должно было бы быть названо *TURA-SAYANA* по типу *ARYA-SAYANA* — «населенный ариями». Однако, в случае с ариями так называли территорию, населенную ими испокон века, в случае же с турами так сказать было нельзя — пришельцам-турам эта земля не принадлежала. Вот и использовали слово *GAYA-* как биологический процесс, не связанный с понятием обитания. Как точно перевести Тургай, мы не знаем, но объяснение его частей мы считаем наиболее вероятным. Однако, скорее всего, Тургай надо переводить как «жизнь туров» (*TURA-GAYA*), но не как место жизни, а как проходящий на этом или другом месте жизненный процесс.

Теперь остается посмотреть, как совмещаются в пространстве перечисленные выше топонимы и памятники энеолитической афанасьевской куль-

²² См.: Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. С. 5.

²³ См.: Фрай Р. Н. Наследие Ирана. М., 1972. С. 66.

²⁴ См.: Соколов С. Н. Язык Авесты. Л., 1964. С. 249.

²⁵ Там же. С. 323.

туры, принадлежавшей европеоидному населению, «пришлый характер культуры которого никем не оспаривается».²⁶

К сожалению, гигантская территория Северного и Восточного Казахстана в археологическом отношении исследована очень слабо; то же самое можно сказать о горном и степном Алтае, где археологические изыскания практически только что начались. По сравнению с ними среднее течение Енисея, где была открыта и исследована афанасьевская энеолитическая культура, можно считать хорошо изученной в археологическом отношении территорией, благодаря регулярным и многолетним экспедициям под руководством М. П. Грязнова. Получился часто наблюдаемый парадокс, который со временем исправляется: лучше всего оказалась исследованной территорией, куда в итоге пришли носители определенной культуры, а все промежуточные места пока остались почти «белыми пятнами».

Тем не менее попытаемся проделать тот же путь по степям Казахстана, через Степной и Горный Алтай в Минусинскую котловину на Енисее, но на этот раз фиксируя известные памятники афанасьевской культуры. Наиболее северо-западным пунктом являются могильники у дер. Верхняя Алабуга и Убаган I на Тоболе — в первом в одной из могил найден афанасьевский сосуд и медное шило; во втором — 4 сосуда; небезынтересно отметить, что эти могильники расположены на северном краю Тургайской долины. Похожие на афанасьевские материалы содержали каменные кольца могильника Карагаш в Талдинском районе близ Караганды.²⁷

Целый букет могильников, открытых в 1970—1980-е годы,²⁸ встречается на Алтае афанасьевским обрядом погребения и характерной афанасьевской керамикой; кроме них, там найдены и места поселений. Поселений известно 8, среди них: Кара-Тенеш на р. Куюс, у села Бальктуоль на одноименной реке и стоянка Усть-Каюм. Могильников значительно больше и расположены они гнездами: у села Ело — 6 могильников, у дер. Теньга на р. Катунь и Урсуле — могильники, группа могильников по правому и левому берегам Катунь у мест впадения речек Тогускан, Бойтыгем, Терехту и Ороктой, в долине р. Каракол, в урочищах Семисарт на р. Касрлык — 2 огады, Рускин Лог — 3 кургана. В общей же сложности к середине 1980-х годов афанасьевские памятники исследованы в Горном Алтае в 30 пунктах: всего 8 поселений и 22 могильника; раскопано менее 100 могил.²⁹ И, наконец, один афанасьевский курган открыт при спуске в Минусинскую котловину с запада на горе Узун-Харык (р. Туим).

Перечислять все 30 могильников и поселений афанасьевской культуры на среднем течении Енисея нет надобности. Надо лишь сказать о том, что такие памятники известны и на более южных территориях — в Туве³⁰ и в Монголии.³¹ А далее пока их следов нет, что объяснимо еще и малой изученностью огромной территории.

Как можно видеть, топонимы и гидронимы с формантом *ГУР*- удивительным образом накладываются на территорию распространения памятников афанасьевской культуры от Северо-Восточного Казахстана через Алтай (степной и горный) до Минусинской котловины в долине среднего Енисея. Такое совпадение не может быть случайным, особенно если учесть сравнительно малую изученность в археологическом отношении огромных облас-

²⁶ Пяткин Б. Н. Происхождение окуневской культуры и истоки звериного стиля ранних кочевников // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. II. Омск, 1987. С. 81.

²⁷ Вадецкая Э. Б. Археологические памятники... С. 22.

²⁸ См. «Археологические открытия» за указанные годы.

²⁹ Вадецкая Э. Б. Археологические памятники... С. 16.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

тей к западу от Алтая, до Тургайского плато, до р. Тобол. Однако в Южной Сибири накопилось достаточно материалов для появления работ по изучению относительной хронологии памятников этой культуры, которая прежде не могла быть так разделена.

В. Б. Цыб, исследователь из Барнаула, предложил всю афанасьевскую общность разделить территориально на несколько вариантов, каждый из которых имеет свои особенности в единой, казалось бы, культуре.³² Он предложил выделить алтайский, средне-енисейский и абаканский типологические варианты; а вопрос о выделении верхне-енисейского и западно-монгольского остается пока им не решенным. В свою очередь алтайский вариант культуры стало возможным расчленить на две хронологические группы: раннюю и позднюю. Не перечисляя особенностей каждого варианта и каждой группы памятников, отметим главное: алтайский вариант афанасьевской культуры является наиболее ранним в хронологическом отношении, причем на Енисее нет погребальных памятников раннего типа алтайского варианта; там афанасьевская культура начинается с памятников поздней группы алтайского варианта. Абаканский вариант является самым поздним; памятники этого времени уже в значительной степени имеют черты окуневской культуры, которую Б. Н. Пяткин, несмотря на монголоидный антропологический тип ее носителей, предлагает рассматривать как вторую волну индоевропейцев в Минусинскую котловину.³³

Из сказанного следует, что объективный археологический материал неоспоримо свидетельствует о проникновении носителей афанасьевской культуры на среднее течение Енисея с запада, из горного Алтая. А туда они попали, продвинувшись опять-таки с запада, из Северного и Восточного Казахстана.

Теперь, как кажется, следует подвести итоги наших рассуждений по поводу энеолитической афанасьевской культуры, распространившейся от Северо-Восточного Казахстана, через Алтай в Минусинскую котловину и далее на юг, в Центральную Азию, а именно, в Туву и Западную Монголию. Наиболее исследованными в археологическом отношении областями являются на сегодняшний день среднее течение Енисея и Алтай; области к западу и юго-востоку пока дали только факты присутствия на этих землях памятников афанасьевского типа. Как уже было отмечено, памятники этой культуры не тождественны, но поразительно однообразны, что в сочетании с единым и практически чистым европеоидным антропологическим типом погребенных указывает на медленное, но неуклонное продвижение с запада на восток какого-то монолитного народа древности. Как представляется, этим народом были ираноязычные восточные европеоиды туры, известные как по Авесте, так и по эпосу. Остается добавить, что некоторые черепа из могил позднего энеолита могильника Пархай II (период ЮЗТ-V, начало III тыс. до н. э.) совершенно идентичны некоторым черепам носителей ямной культуры. А последние, по общепринятому мнению, не отличаются от черепов афанасьевцев. Если две величины равны порознь третьей, то они равны между собой, следовательно, жители Юго-Восточного Прикаспия и носители афанасьевской культуры принадлежали к одному и тому же народу. Разумеется, не все коллективы людей, покинувшие в III тыс. до н. э. Юго-Восточный Прикаспий, сохранились в такой расовой чистоте, как афа-

³² Цыб С. В. Относительная хронология погребальных памятников афанасьевской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Т.Д. Барнаул, 1988. С. 162—164.

³³ Пяткин Б. Н. Происхождение окуневской культуры... С. 79—83.

насевцы. Большинство вступало в контакты с местными народами, смешивалось с ними и принимало в себя монголоидные антропологические черты.

В связи с этим нужно остановить внимание на двух вопросах исторического значения: о полиандрическом браке у афанасьевцев, что так хорошо показал М. П. Грязнов, но не установил его причины; и о новых взглядах на происхождение окуневской культуры на Енисее.

М. П. Грязнов вычислил, и достаточно убедительно, диспропорцию полов в афанасьевском обществе. Из этих расчетов получилось, что на 12 женщин приходилось 18 мужчин, т. е. последних было в полтора раза больше. Для того чтобы какие-то мужчины не остались безбрачными или не искали женщин на стороне и не нарушали тем самым расовую чистоту, афанасьевцы перешли к полиандрическому браку, который был несвойствен турам на их первоначальной родине в Юго-Восточном Прикаспии. Для подтверждения правильности своего мнения М. П. Грязнов ссылается на такой брак у многих народов Земли, в том числе и у народа тода в горах Нилгири в Южной Индии. Вот на сравнении причин появления этой формы брака у столь далеких друг от друга во времени и в пространстве народов и следует остановиться.

О причинах полиандрического брака у тода мне уже приходилось писать.³⁴ Поэтому здесь нет необходимости подробного разбора причин, породивших его. А причины следующие: шумеры в IV тыс. до н. э. настолько хорошо овладели искусством дальних плаваний по Персидскому заливу и Индийскому океану, что во второй половине этого тысячелетия вывели свои фактории далеко от метрополии, в частности через Мальдивские острова на Малабарский берег Индийского полуострова. Но общение с метрополией, пусть не частое, но все же осуществлялось. А столь дальние фактории представляли собой в основном мужской коллектив, куда было включено незначительное количество женщин: ведь считалось, что основной дом каждого жителя фактории был все-таки в родной Месопотамии.

В последние века IV тыс. до н. э. в Месопотамии разразилась страшная катастрофа, вошедшая в мировую историю как одна из основных вех под названием Всемирного Потопа. Жизнь в Месопотамии была практически уничтожена, страна обезлюдела, и города с некогда шумными базарами и величественными храмами, которым, казалось бы, было уготовлено вечное существование, превратились в молчаливые развалины. И как раз в это время или вскоре после Потопа на родину могли вернуться корабли из дальней Малабарской фактории. Увидев весь этот ужас и решив, что жизнь там никогда не возобновится, люди повернули обратно и вернулись навсегда в свою факторию, превратившуюся в родной дом. Они увидели, что «Потоп смыл все», но никогда не узнали о том, что «после того, как потоп смыл все, как только царственность спустилась с небес, царственность была в Кише» — так скупо сообщил об этом событии список шумерских царей.³⁵ Оказавшись в окружении чужих и, вероятно, враждебных племен, потомки шумеров были вынуждены жить замкнутым сообществом, где из-за явного перевеса мужчин над женщинами в количественном отношении сложился полиандрический брак, существующий в племени тода до сих пор, хотя окружающие народы его не знают. Следовательно, такую форму брака следует считать исключением, направленным на сохранение расовой чистоты народа.

Так же точно получилось и в среде потомков ираноязычных туров, которые оказались в охотничье-собираательской среде Северо-Казахстанских

³⁴ Хлопин И. Н. А что было до Потопа? Л., 1990. С. 137—152.

³⁵ Там же. С. 126.

степей. Сейчас трудно восстановить причины того, почему выходцы из цивилизованного юга не хотели смешиваться с дикарями и варварами севера; может, тут виноваты языковой и экономический барьер и чувство обыкновенной брезгливости. Конечно, это было правилом не всех выходцев с юга, но ведь речь сейчас идет именно о носителях афанасьевской культуры, а у них были сильные традиции самоизоляции. И поэтому реконструкция их семьи с полиандрическим браком, предложенная М. П. Грязновым, представляется мне вполне оправданной и аргументированной. И не исключено, что у других народов с такой формой брака были в истории критические ситуации, способствовавшие ее появлению.

Теперь второй вопрос, который в книге М. П. Грязнова не затрагивается, но напрашивается — вопрос о судьбах афанасьевской культуры и, соответственно, о происхождении сменившей ее в Минусинской котловине окуневской культуры. А причина, почему этот вопрос не был затронут, объясняется полным отсутствием в то время каких-либо археологических материалов. Сейчас они появились, как и статьи, посвященные происхождению окуневской культуры.

Б. Н. Пяткин, основываясь на старых материалах,³⁶ и И. П. Лазаретов с принципиально новыми находками в могильниках долины реки Уйбат,³⁷ выдвинули и обосновали (второй со ссылкой на первого) приход окуневской культуры с запада через Алтай и Юго-Восточный Казахстан в Минусинскую котловину. Именно по костным остаткам из могильников Уйбат III и Уйбат V антрополог А. В. Громов установил любопытный факт: «большинство женских черепов принадлежали монголоидам различных популяций, а все мужские и часть женских — мезокранным европеоидам. Они четко отличаются от афанасьевских черепов и должны быть выделены в особый антропологический тип».³⁸ Б. Н. Пяткин считает, что вторжение окуневцев с запада вслед за афанасьевцами подтверждается изображениями на стелах двух- и четырехколесных повозок, которые вместе с деталями и манерой запряжки в нес быков имеют прямые аналогии в Месопотамии, Анатолии, Хараппе. Кроме того, состав оловянистых бронз окуневцев указывает на возможные юго-западные истоки культуры. Далее, развитая космология и космогония указывает также на юго-запад. Наконец, об этом же говорит и троичность цветовой символики. Хотя все эти аргументы не представляются нам абсолютно бесспорными, все же мы согласны с тем, что окуневцы повторили путь афанасьевцев с запада на восток, но прошли туда не с той же территории, а как-то южнее. Они были тоже европеоидами, скорее всего носителями какого-то иранского диалекта или языка, но не были потомками Юго-Восточно-Прикаспийских туров. Еще недостаточно данных для установления места исхода предков окуневцев, но будем надеяться, что дальнейшие исследования дадут ответ и на этот вопрос.

Известные к настоящему времени археологические материалы, включая сюда и антропологические наблюдения, позволяют нам принять взгляд, что афанасьевская и окуневская культуры являются двумя последовательными волнами европеоидного населения, проникшего столь далеко на восток. Если первые сохраняли свою расовую чистоту, то вторые, более поздние,

³⁶ Пяткин Б. Н. Происхождение окуневской культуры...

³⁷ Лазаретов И. П. Окуневские могильники долины реки Уйбат (К вопросу о второй волне индоевропейцев в Южной Сибири) // Изучение древних культур и цивилизаций. ТД. СПб., 1994. С. 20—24.

³⁸ Там же. С. 22.

к этому не стремились. А во временном отношении вторые сменили первых, в некоторых местах наслоившись на них.

Таким образом, раскопанные в 1960-х годах М. П. Грязновым афанасьевские могильники на Енисее и исчерпывающим образом опубликованные трудами М. Н. Пшеницыной в предлагаемой книге стали надежным историческим источником. В сочетании с раскопками последних десятилетий на огромной территории Азиатского материка стало возможным не только проследить пути проникновения в Сибирь европеоидных народов, но даже определить этническую и собственно языковую принадлежность одного из них, а именно потомков иранского племени туров, носителей энеолитической афанасьевской культуры второй половины III тыс. до н. э.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

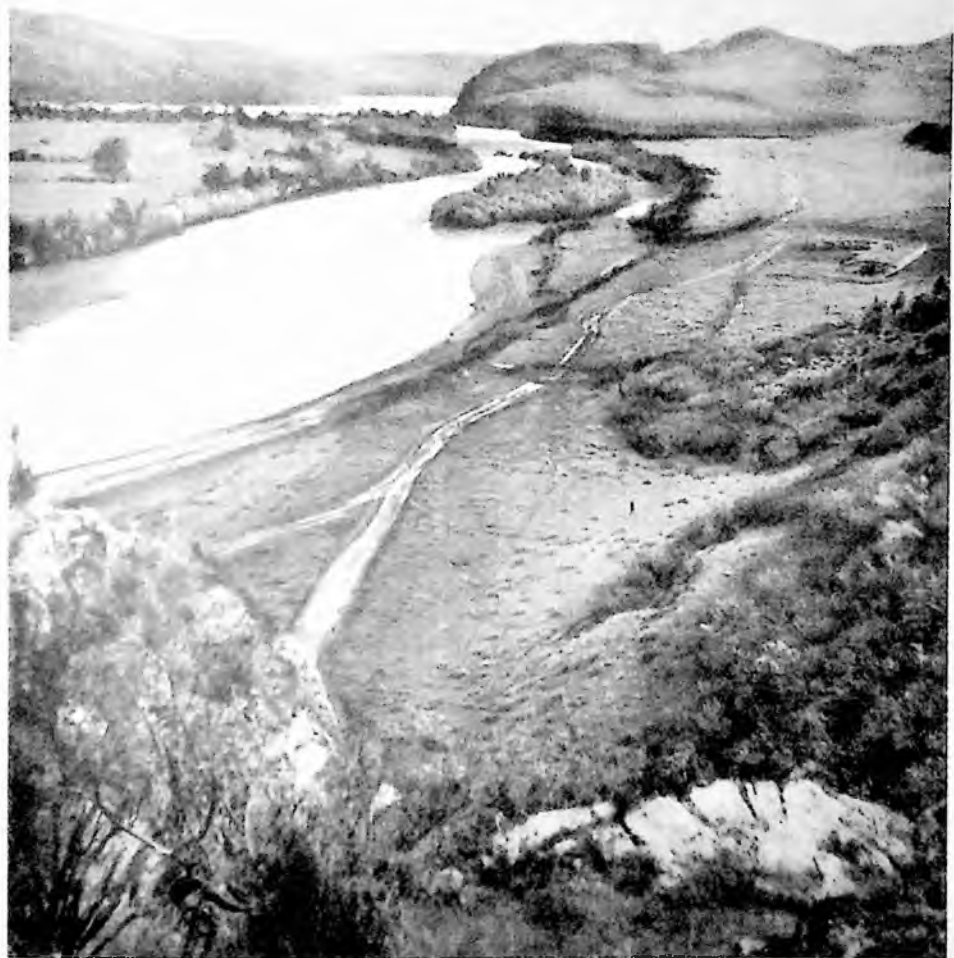

Рис. 1. Афанасьева Гора. Общий вид могильника с горы.

Fig. 1. Afanas'yeva Gora. General view of the burial ground from the top of the hill.

Рис. 2. Афанасьева Гора. Общий вид могильника с востока.

Fig. 2. Afanas'yeva Gora. General view of the burial ground from the East.

Рис. 3. Афанасьева Гора. План могильника.
 Fig. 3. Afanas'yeva Gora. Plan of the burial ground.

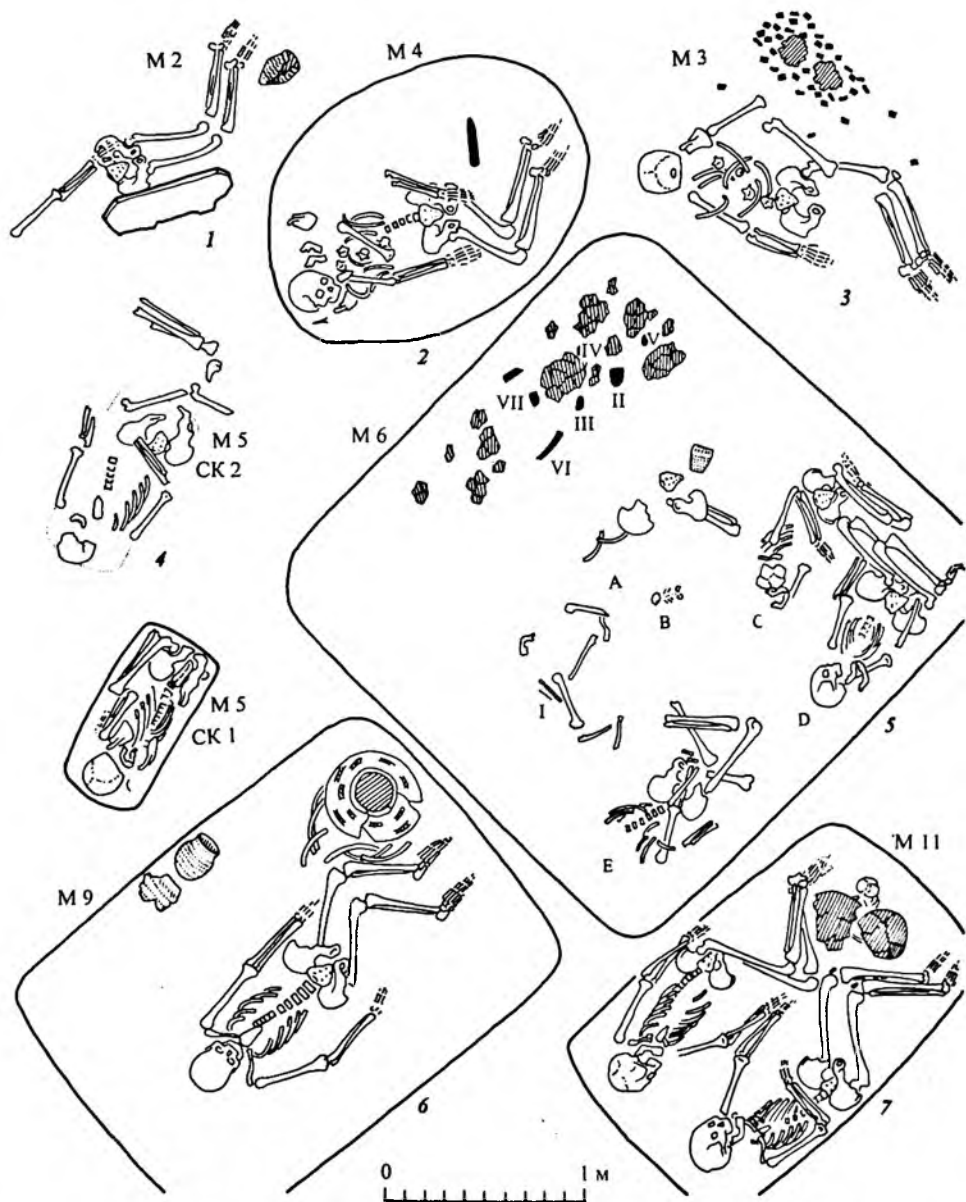

Рис. 4. Афанасьева Гора. Планы могил: 1 — могила 2; 2 — могила 4; 3 — могила 3; 4 — могила 5; 5 — могила 6; 6 — могила 9; 7 — могила 11 (Раскопки С. А. Теплоухова 1920—1923 гг.).

Fig. 4. Afanas'yeva Gora. Plans of the burials: 1 — bur. 2; 2 — bur. 4; 3 — bur. 3; 4 — bur. 5; 5 — bur. 6; 6 — bur. 9; 7 — bur. 11 (S. A. Teploukhov excavations of 1920—1923).

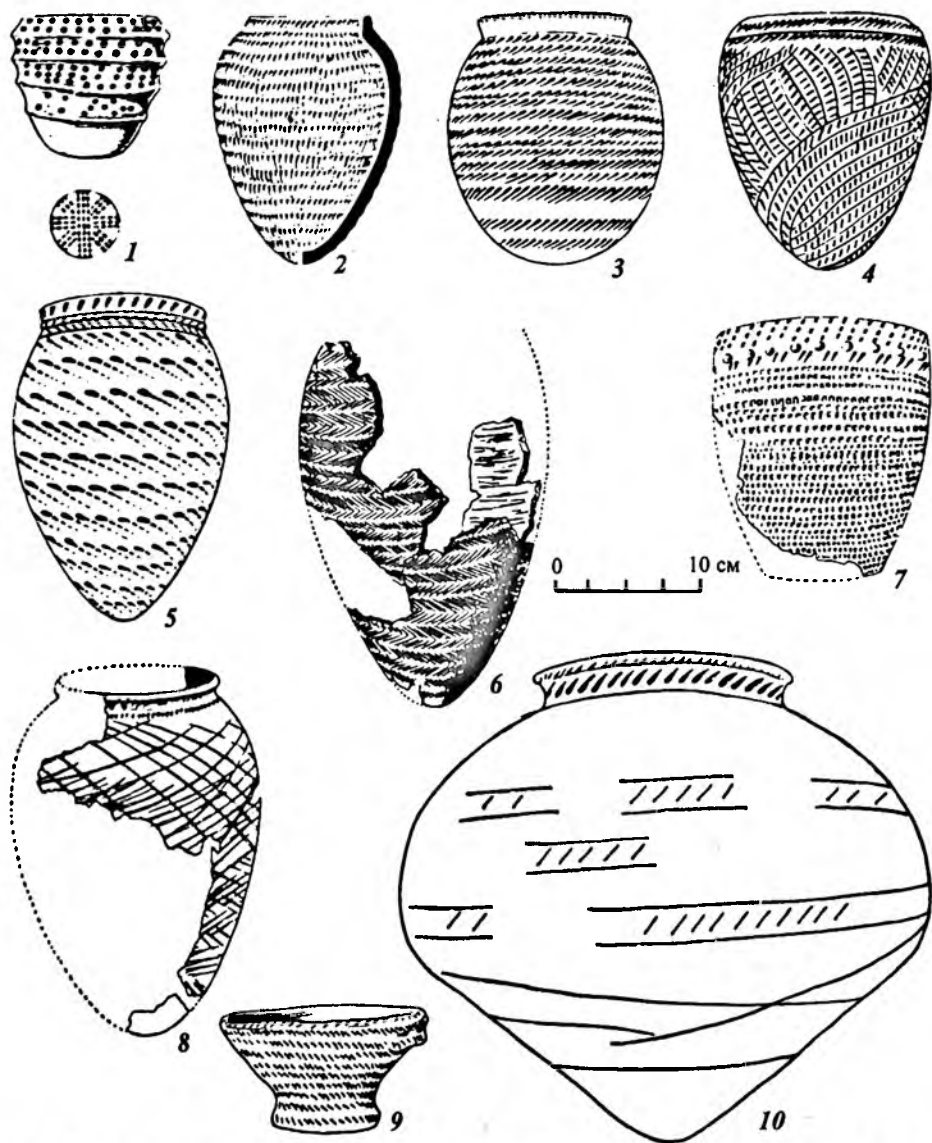

Рис. 5. Афанасьева Гора. Глиняные сосуды из могилы 2 (6); могилы 3 (8, 9); могилы 6 (4, 7); могилы 8 (1); могилы 9 (3, 5, 10); могилы 16 (2).

Fig. 5. Afanas'yeva Gora: ceramic vessels from graves. Bur. 2 (6); bur. 3 (8, 9); bur. 6 (4, 7); bur. 8 (1); bur. 9 (3, 5, 10); bur. 16 (2).

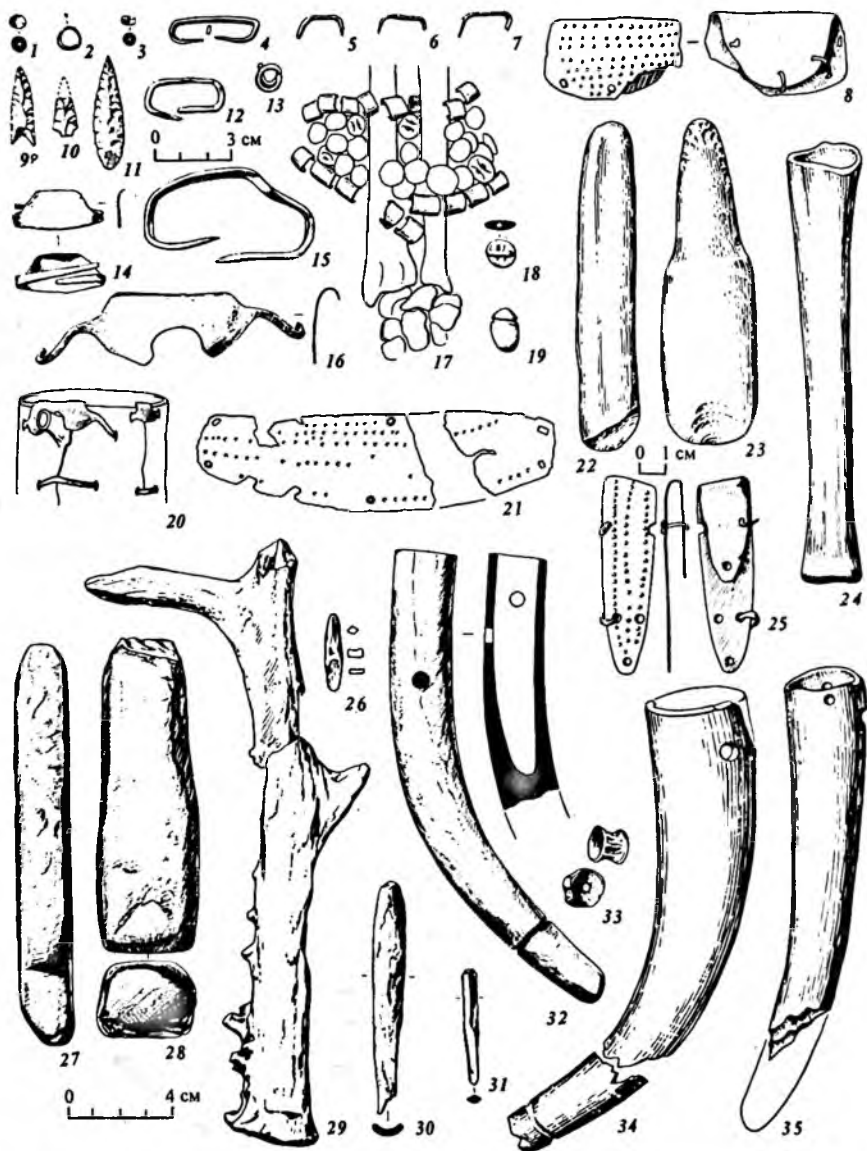

Рис. 6. Вещи из могильника Афанасьева Гора: 1, 3 — могила 25; 2 — могила 24; 5—7, 18, 27 — могила 37; 8, 21, 35 — могила 6; 9, 10 — могила 27; 11 — могила 8; 12, 14—16 — могила 31; 17, 30 — могила 26; 19, 33 — могила 35; 22 — могила 4; 23 — могила 9; 28 — могила 39; 31 — могила 41; 20 — реконструкция М. П. Грязнова находок из могилы 31. Вещи из могильника Сыда I: 4, 25, 26 — курган 4, могила 2; 13 — курган 5, могила 2; 24 — курган 7; 32 — курган 9, могила 1; 34 — курган 6, могила 1; 29 — Саргов, могила 3; 1, 3, 9—11, 18, 19, 22, 23, 27, 28 — камень; 2 — золото; 4—8, 12—16, 21, 25, 31 — медь; 17 — аргиллит, железо; 24, 26, 29, 30, 32—35 — кость, рог.

Fig. 6. Objects from Afanas'yeva Gora graves: 1, 3 — bur. 25; 2 — bur. 24; 5—7, 18, 27 — bur. 37; 8, 21, 35 — bur. 6; 9, 10 — bur. 27; 11 — bur. 8; 12, 14—16 — bur. 31; 17, 30 — bur. 26; 19, 33 — bur. 35; 22 — bur. 4; 23 — bur. 9; 28 — bur. 39; 31 — bur. 41; 20 — finds from bur. 31 as reconstructed by M. P. Gryaznov. Objects from graves from Syda I burial ground: 4, 25, 26 — mound 4, bur. 2; 13 — mound 5, bur. 2; 24 — mound 7; 32 — mound 9, bur. 1; 34 — mound 6, bur. 1; 29 — Sargov, bur. 3; 1, 3, 9—11, 18, 19, 22, 23, 27, 28 — stone; 2 — gold; 4—8, 12—16, 21, 25, 31 — copper; 17 — argillite, iron; 24, 26, 29, 30, 32—35 — bone, horn.

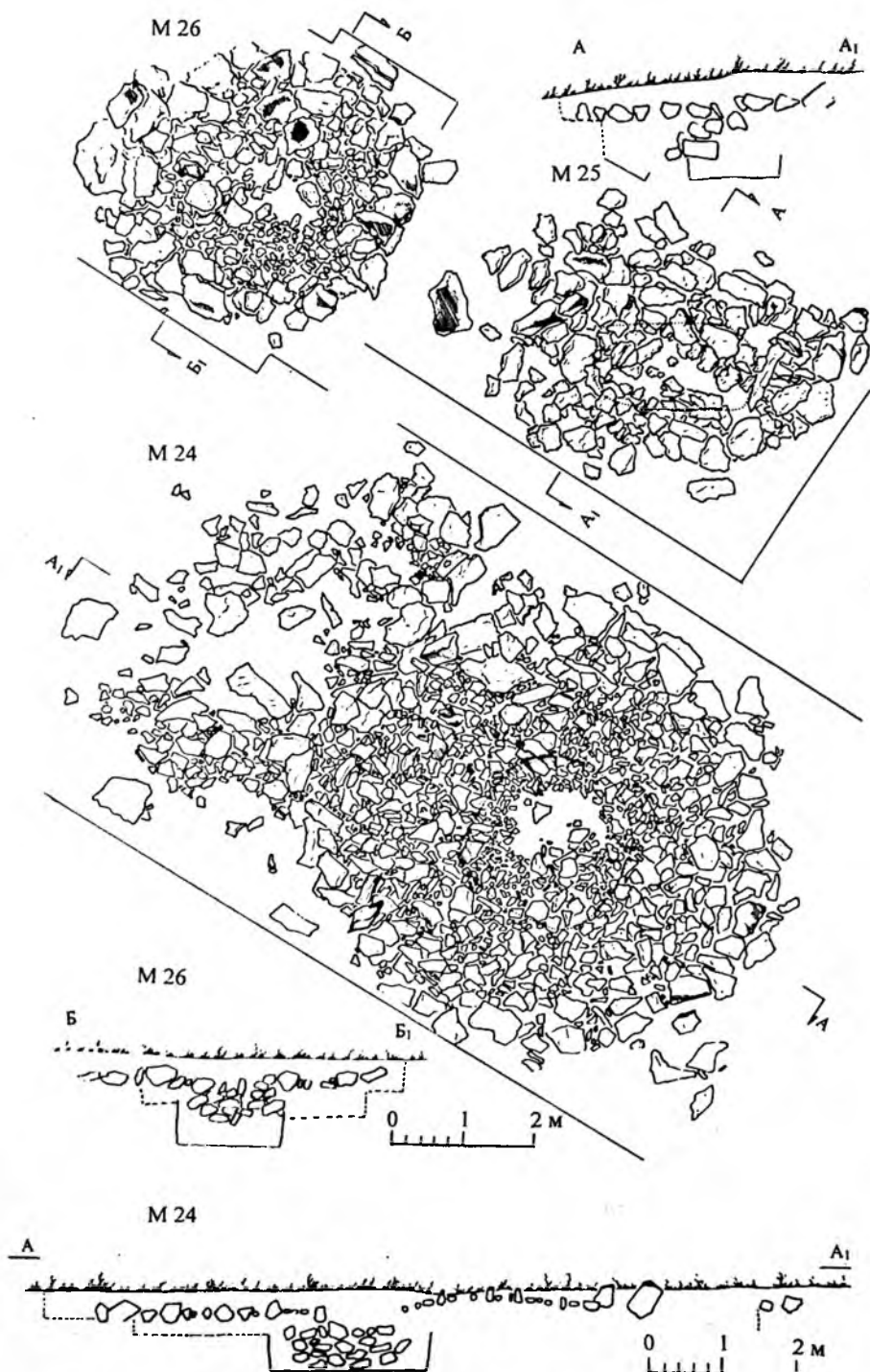

Рис. 7. Афанасьева Гора. Планы покрытий и разрезы могил 24—26.

Fig. 7. Afanas'yeva Gora. Plans of the burial coverings and cross-sections of bur. 24—26.

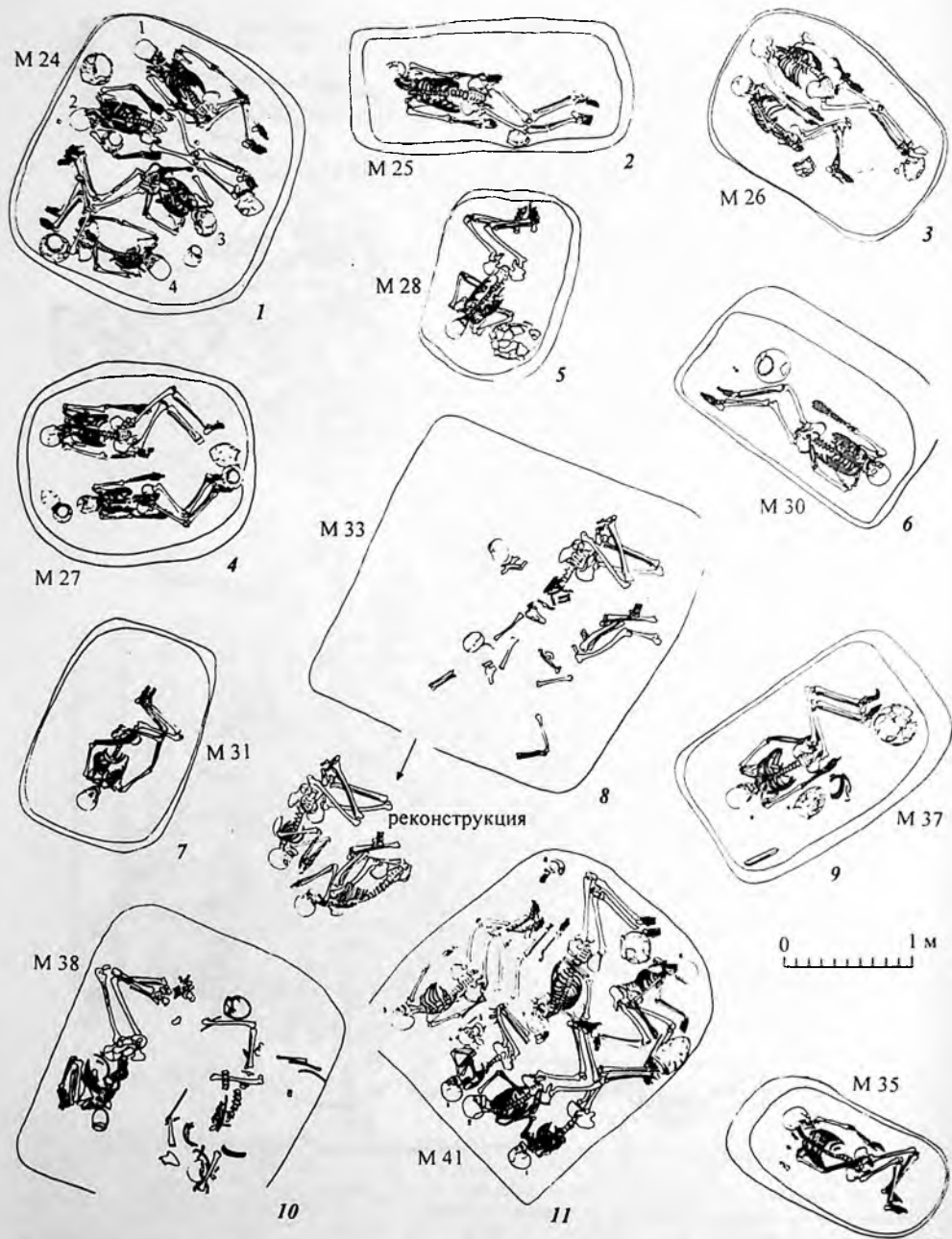

Рис. 8. Афанасьева Гора. Планы могил: 24 (1); 25 (2); 26 (3); 27 (4); 28 (5); 30 (6); 31 (7); 33 (8); 37 (9); 38 (10); 41 (11); 35 (12).

Fig. 8. Afanas'yeva Gora. Plans of the burials 24 (1); 25 (2); 26 (3); 27 (4); 28 (5); 30 (6); 31 (7); 33 (8); 37 (9); 38 (10); 41 (11); 35 (12).

Рис. 9. Афанасьева Гора. Могила 27: покрытие (1) и дно (3) после расчистки; могила 41: покрытие (2) и дно (5) после расчистки; могила 30: покрытие (8) и дно (9) после расчистки, реконструкция надмогильного сооружения (4); могила 26: дно (12) после расчистки, то же, деталь (7); могила 37: дно (6) после расчистки; могила 24: дно (10) после расчистки; могила 31: дно (11) после расчистки.

Fig. 9. Afanas'yeva Gora. Bur. 27: covering (1) and bottom (3) after cleaning; bur. 41: covering (2) and bottom (5) after cleaning; bur. 30: covering (8) and bottom (9) after cleaning, reconstruction of the mound building (4); bur. 26: bottom (12) after cleaning and close view of detail (7); bur. 37: bottom (6) after cleaning; bur. 24: bottom (10) after cleaning; bur. 31: bottom (11) after cleaning.

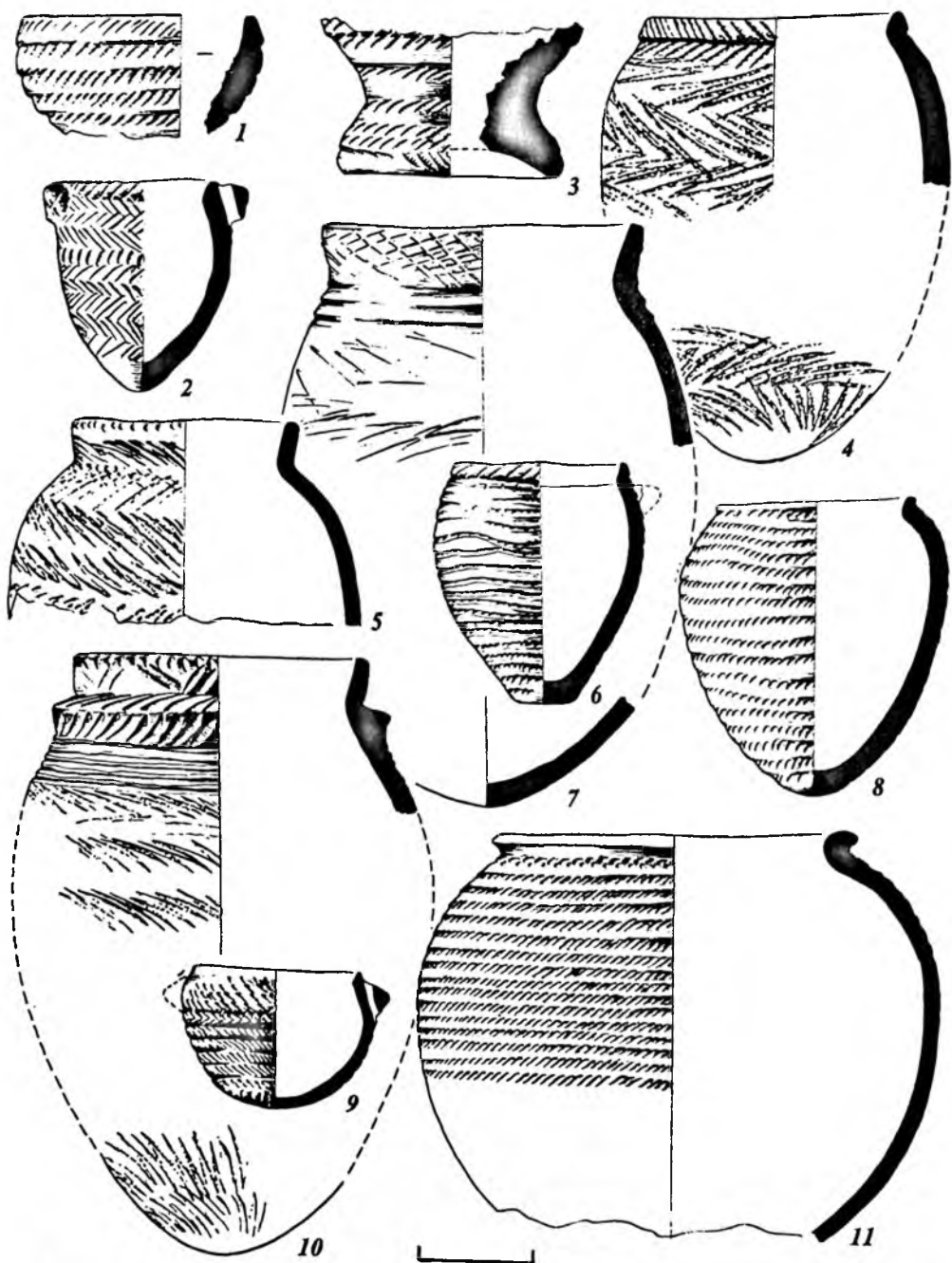

Рис. 10. Афанасьева Гора. Глиняные сосуды из могилы 24 (5, 10); из могилы 32 (2); из могилы 27 (7); из могилы 33 (9) и подъемный материал (6). Сыда I. Глиняные сосуды из кургана 8, могилы 2 (4, 8); из кургана 9, насыпь (1, 3). Саргов, могила 3 (11).

Fig. 10. Afanas'yeva Gora. Pottery from bur. 24 (5, 10); bur. 32 (2); bur. 27 (7); bur. 33 (9); surface finds (6). Syda I. Pottery from mound 8, bur. 2 (4, 8); mound 9, burrow (1, 3). Sargov. Bur. 3 (11).

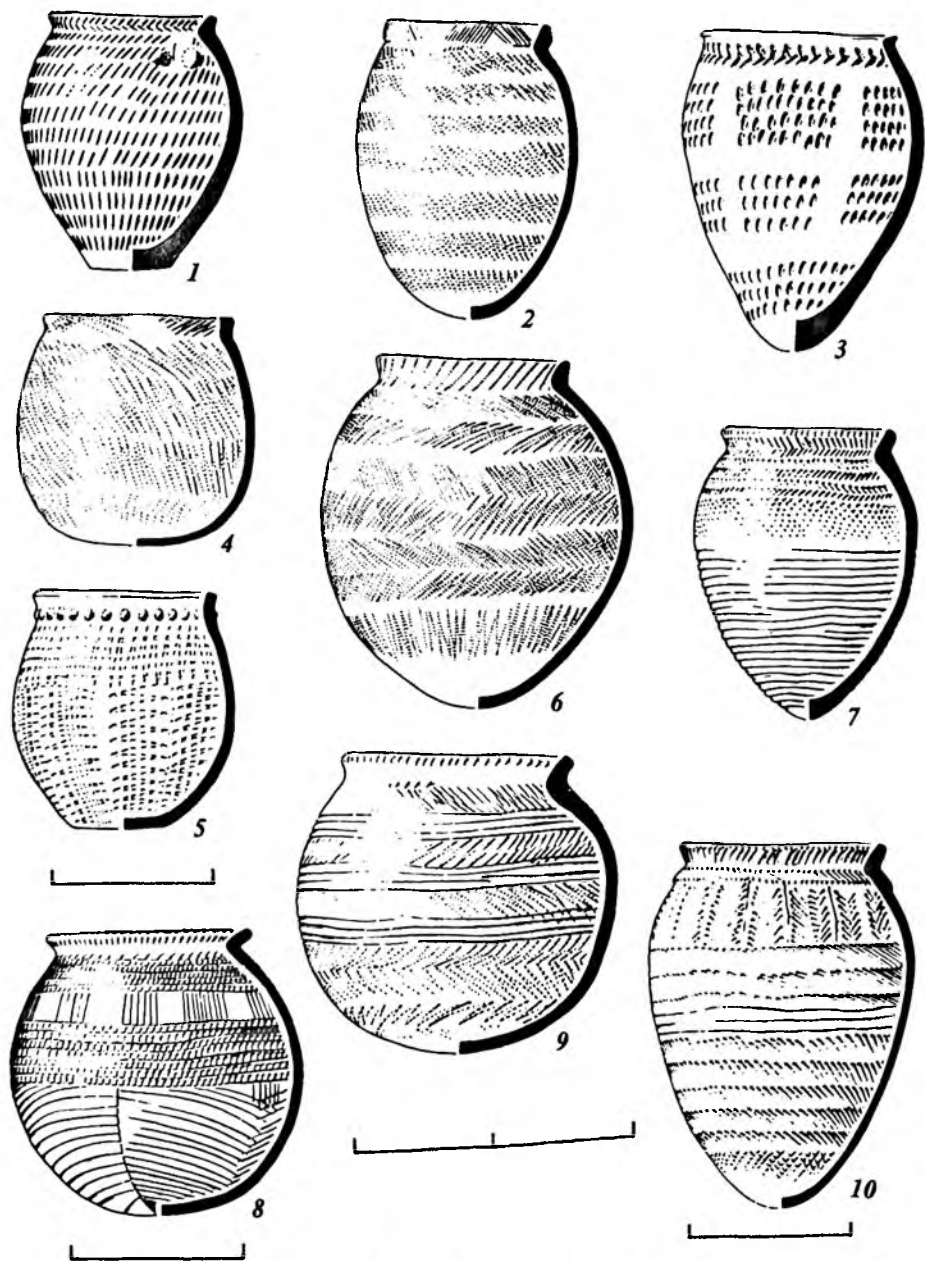

Рис. 11. Афанасьева Гора. Глиняные сосуды из могилы 24 (1, 4, 8, 9); из могилы 26 (2, 5); из могилы 33 (3); из могилы 41 (6, 10); из могилы 25 (7).

Fig. 11. Afanas'eva Gora. Pottery from bur. 24 (1, 4, 8, 9); bur. 26 (2, 5); bur. 33 (3); bur. 41 (6, 10); bur. 25 (7).

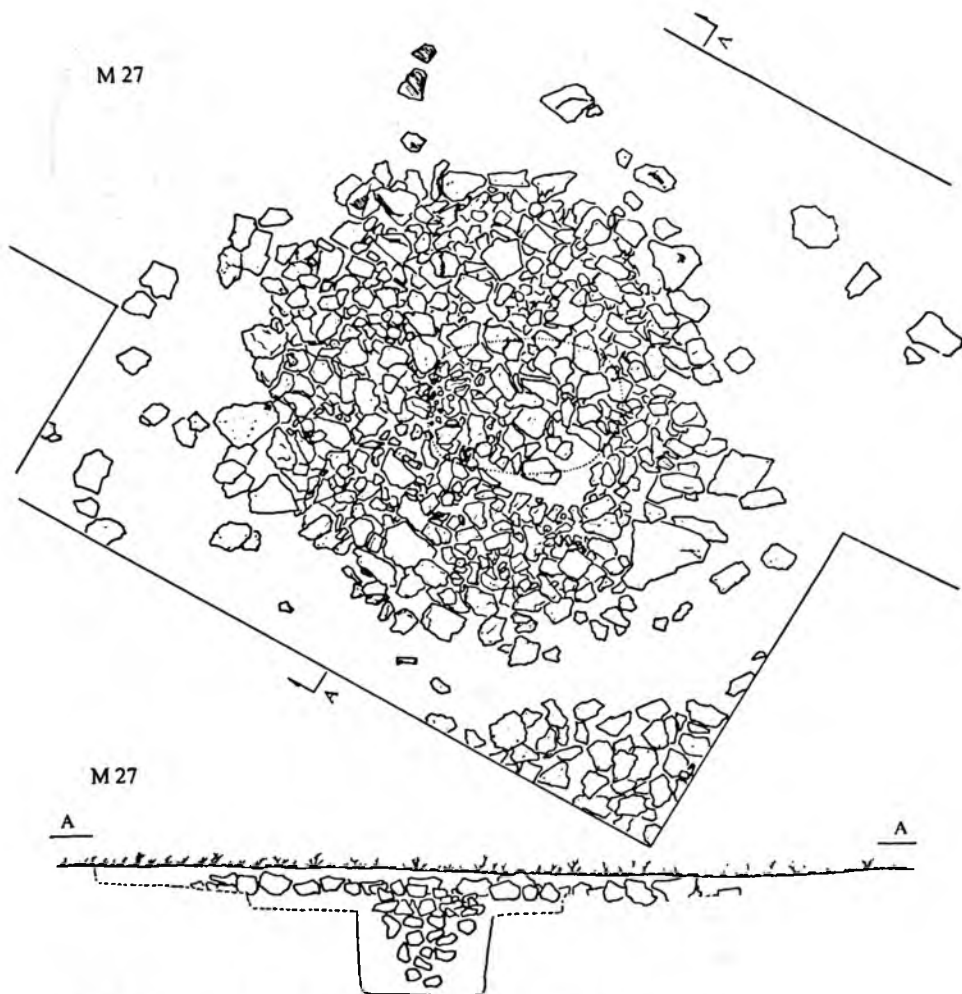

Рис. 12. Афанасьева Гора. Могила 27 — план покрытия и разрез.

Fig. 12. Afanas'yeva Gora. Bur. 27, plan of covering and cross-section.

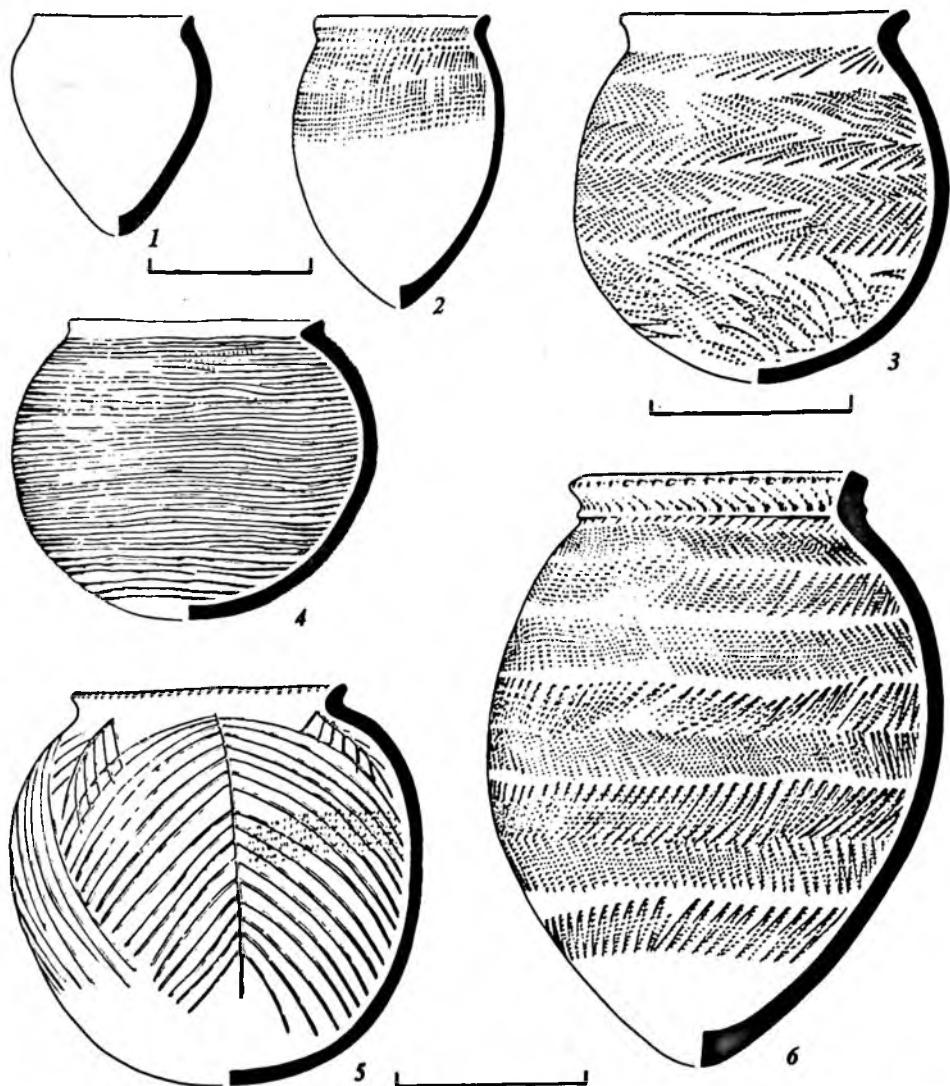

Рис. 13. Афанасьева Гора. Глиняные сосуды из могилы 34 (1); из могилы 27 (2, 3); из могилы 38 (4); из могилы 30 (5); из могилы 28 (6).

Fig. 13. Afanas'yeva Gora. Pottery from bur. 34 (1); bur. 27 (2, 3); bur. 38 (4); bur. 30 (5); bur. 28 (6).

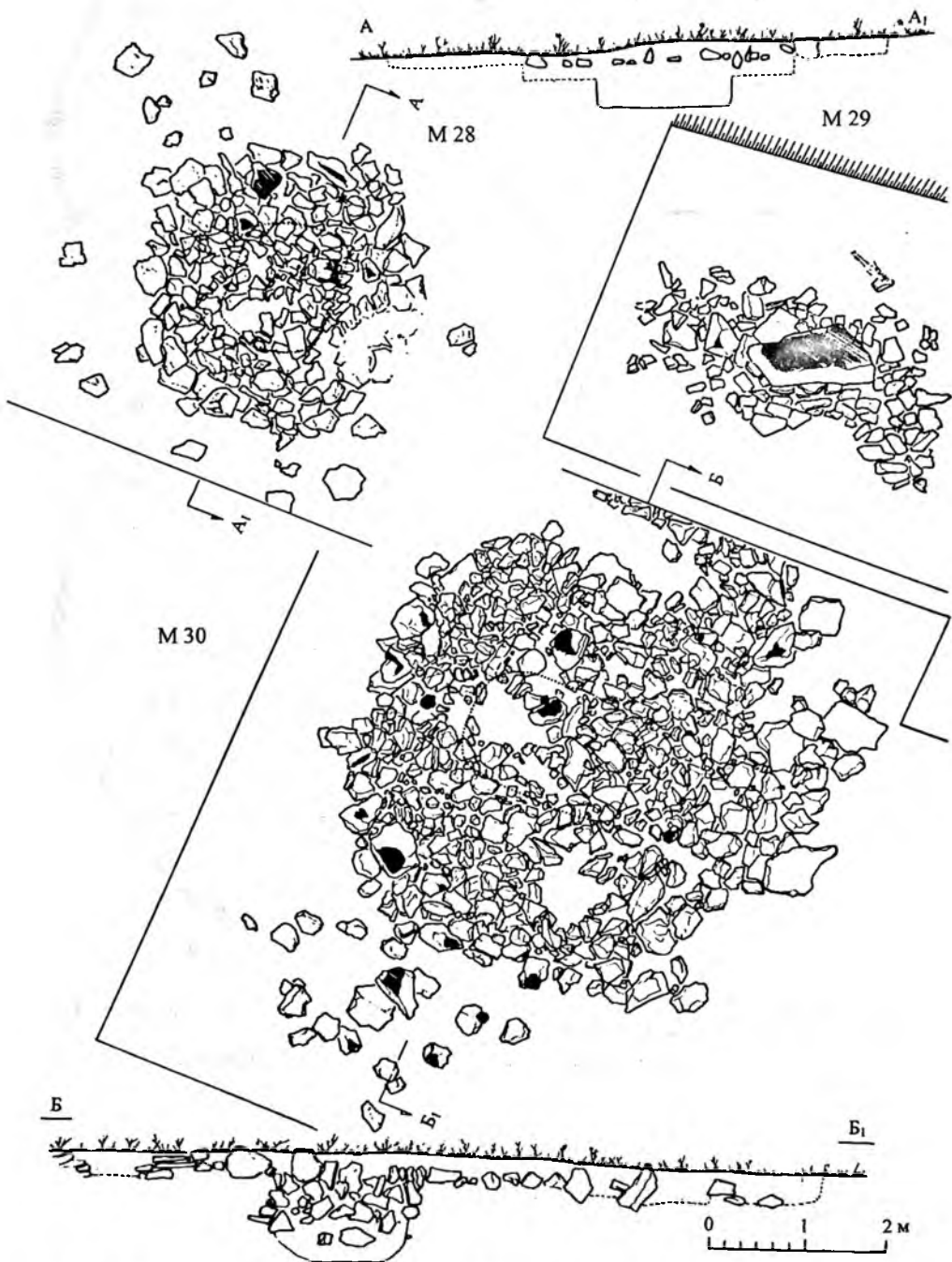

Рис. 14. Афанасьева Гора. Могилы 28—30 — планы покрытий и разрезы.

Fig. 14. Afanas'yeva Gora. Burials 28—30, plans of covering and cross-sections.

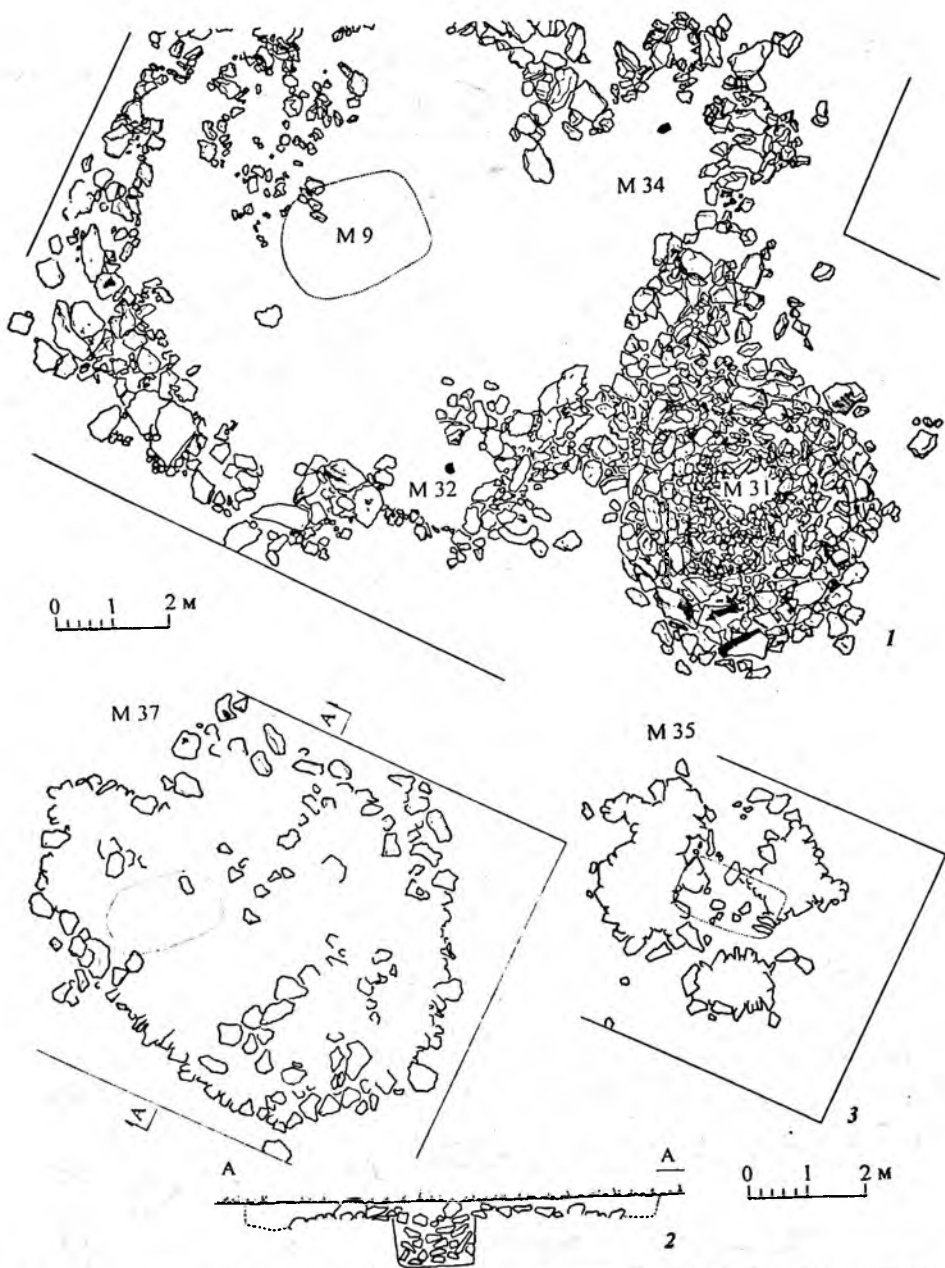

Рис. 15. Афанасьева Гора. 1, 3 — планы покрытий могил 31, 34, 35; 2 — план покрытия и разрез могилы 37.

Fig. 15. Afanas'yeva Gora. 1, 3: burials 31, 34, 35, plans of covering; 2: bur. 37, plan of covering and cross-section.

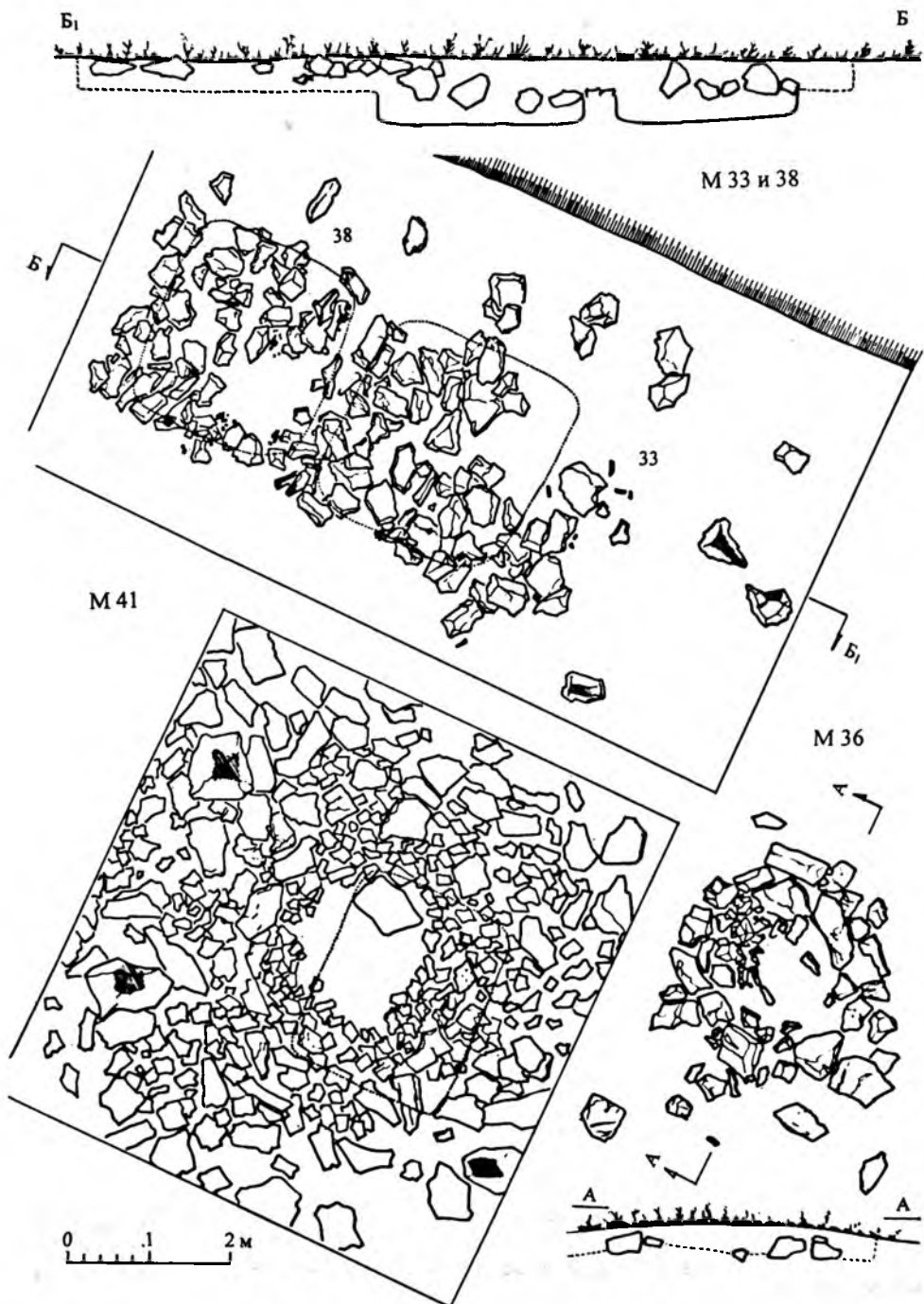

Рис. 16. Афанасьева Гора. Могилы 33, 36, 38 — планы покрытий и разрезы; план покрытия могилы 41.

Fig. 16. Afanas'yeva Gora. Burials 33, 36, 38: plans of covering and cross-sections; bur. 41, plan of covering.

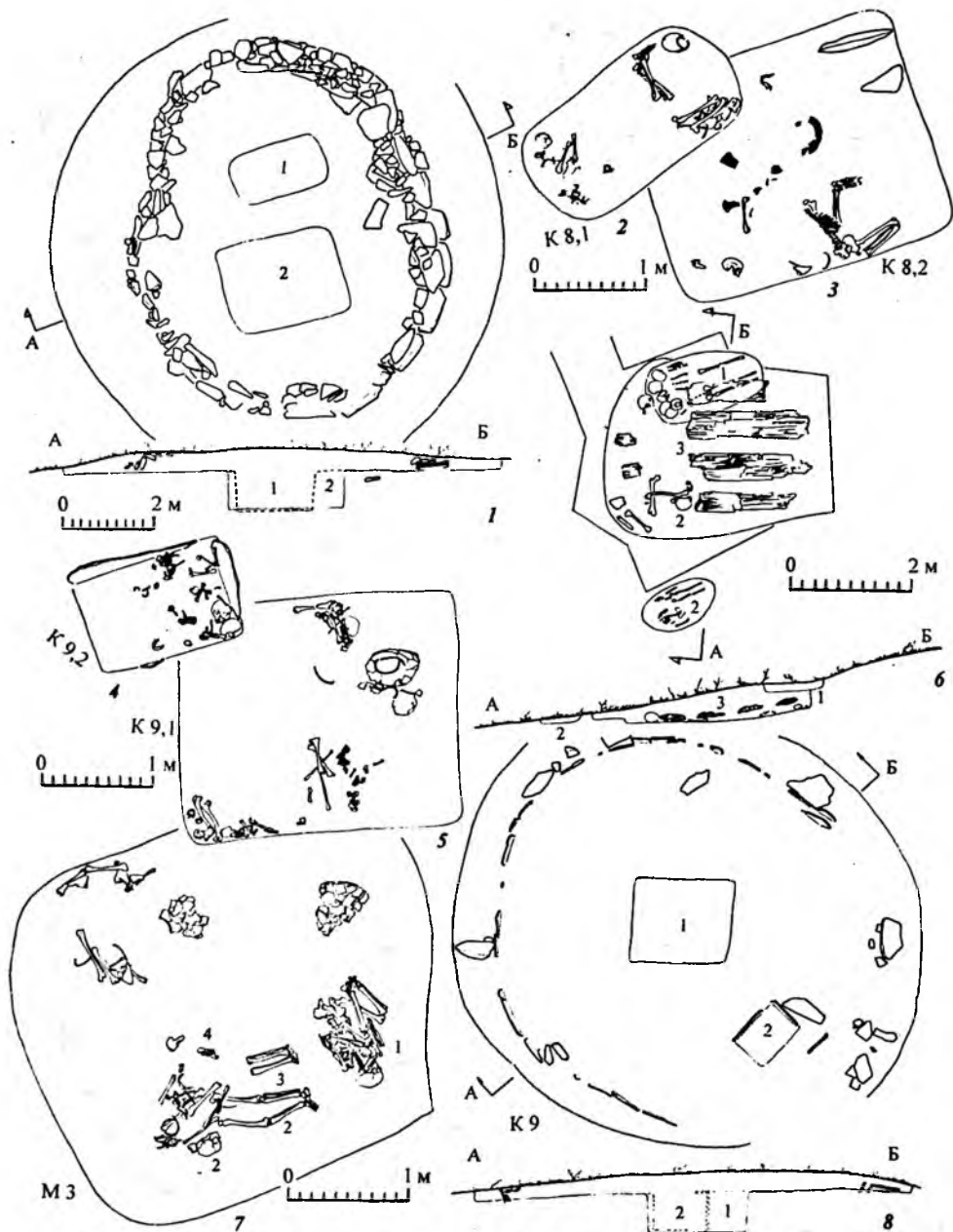

Рис. 17. Сыда I. Курган 8 — план ограды и разрез (1); планы могил 1 (2) и 2 (3); курган 9 — план ограды и разрез (8); планы могил 1 (5) и 2 (4). Саргов — план покрытия и разрез могил 1—3 (6); план могилы 3 (7).

Fig. 17. Syda I. Mound 8: plan of the stone wall and section (1); plans of burials 1 (2) and 2 (3); mound 9: plan of the stone wall and section (8); plans of burials 1 (5) and 2 (4). Sargov: plans of covering and cross-sections of burials 1—3 (6); plan of bur. 3 (7).

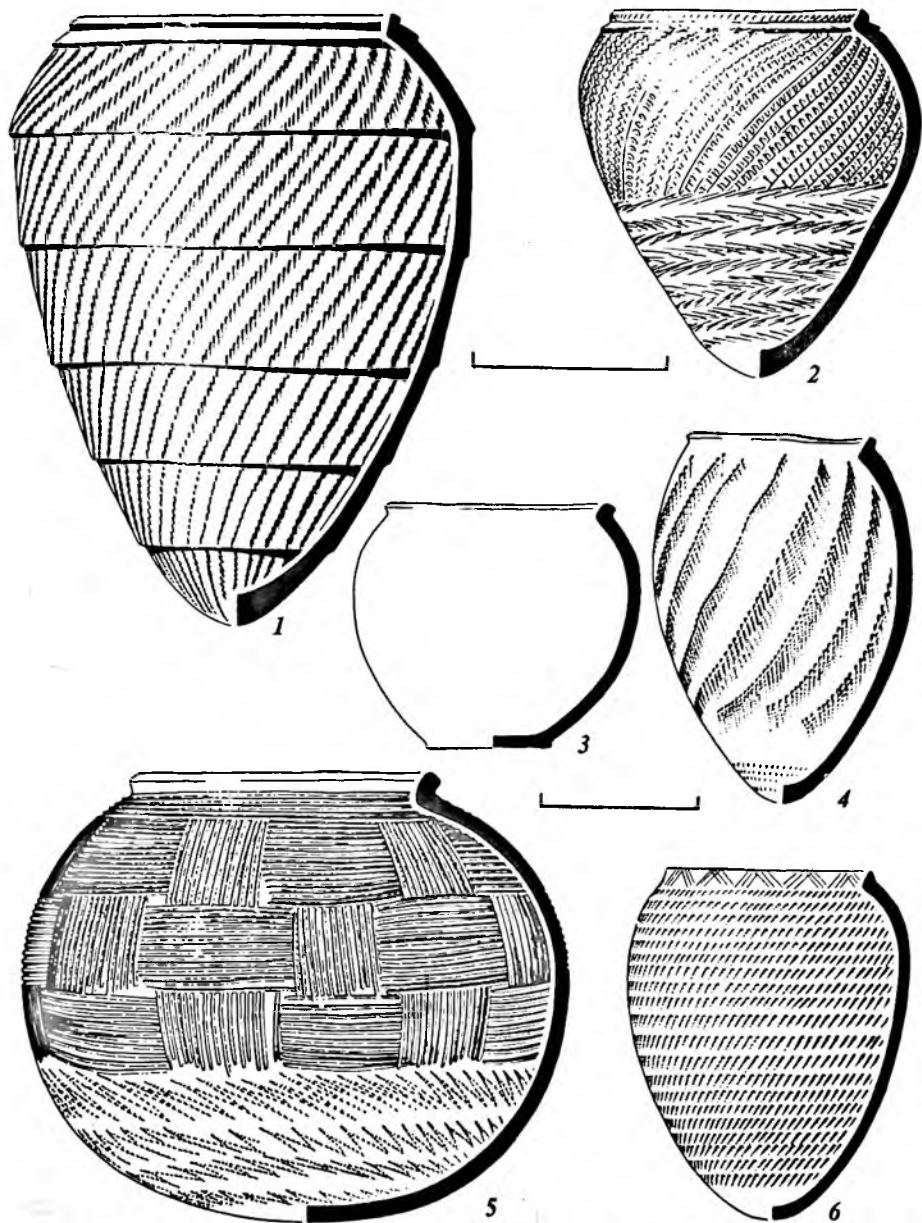

Рис. 18. Глиняные сосуды из Саргова, могилы 3 (1, 2); из Сыды I, кургана 9, могилы 1 (3, 4, 5); кургана 8, могилы 1 (6).

Fig. 18. Pottery from Sargov, bur. 3 (1, 2); from Syda I, mound 9, bur. 1 (3, 4, 5); mound 8, bur. 1 (6).

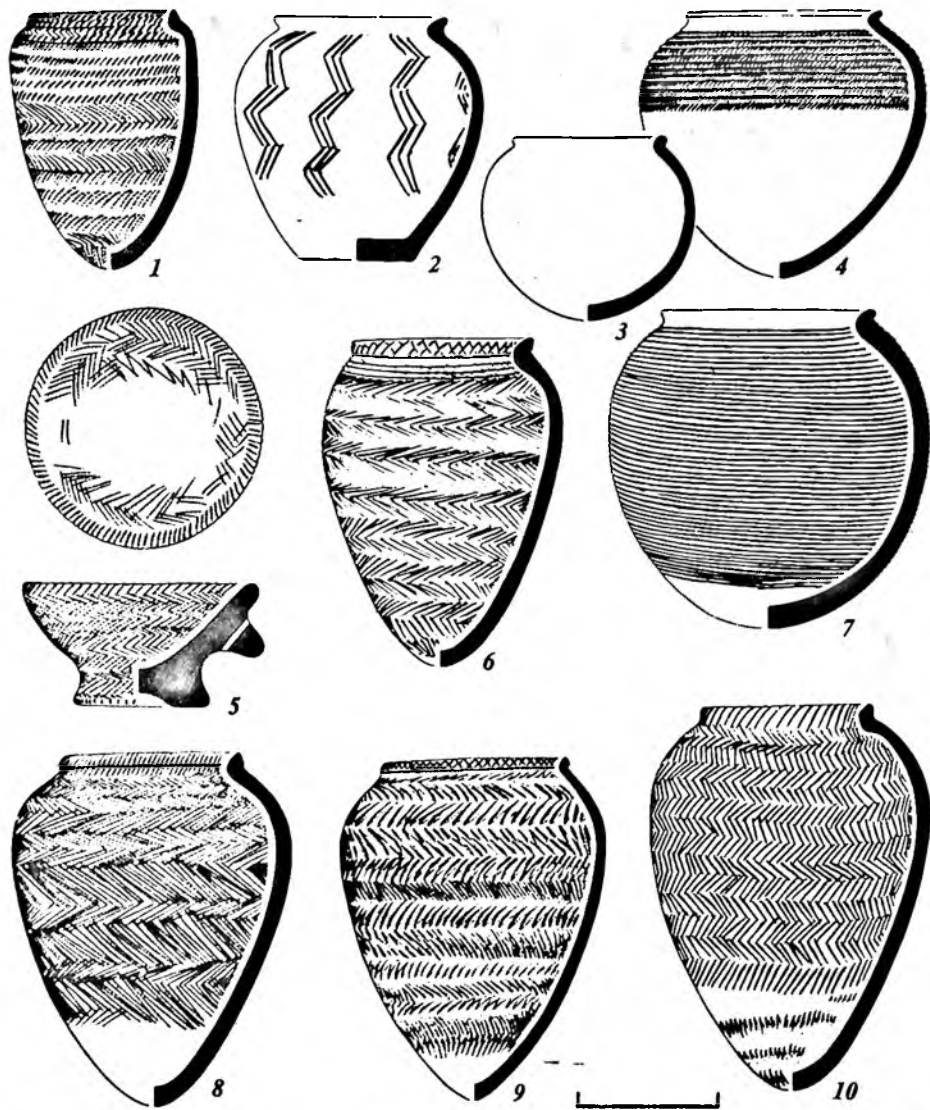

Рис. 19. Сыда I. Глиняные сосуды. Курган 2 (2, 10); курган 4, могила 1 (4) и 2 (1, 7—9); курган 5, могила 2 (3); курган 7 (5, 6).

Fig. 19. Syda I. Pottery. Mound 2 (2, 10); mound 4, bur. 1 (4) and 2 (1, 7—9); mound 5, bur. 2 (3); mound 7 (5, 6).

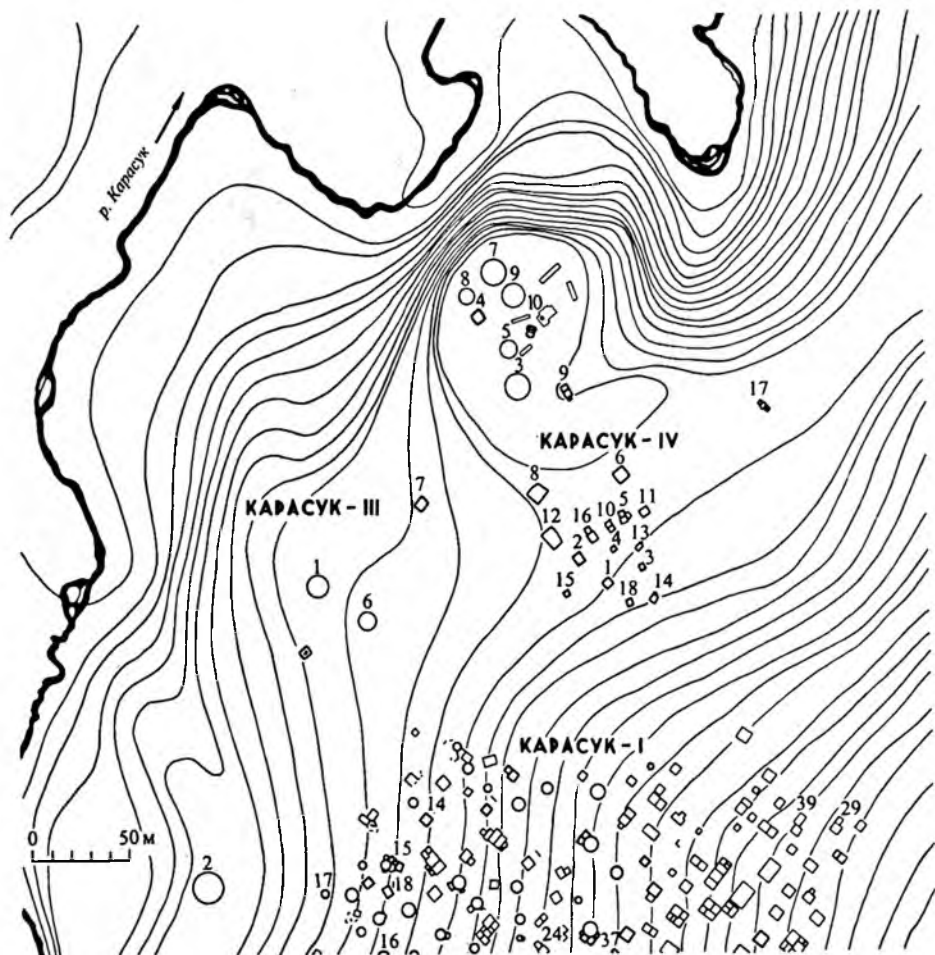

Рис. 20. Планы могильников Карасук I, III, IV, VII.

Fig. 20. Karasuk I, III, IV, VII. Plan of the burial grounds.

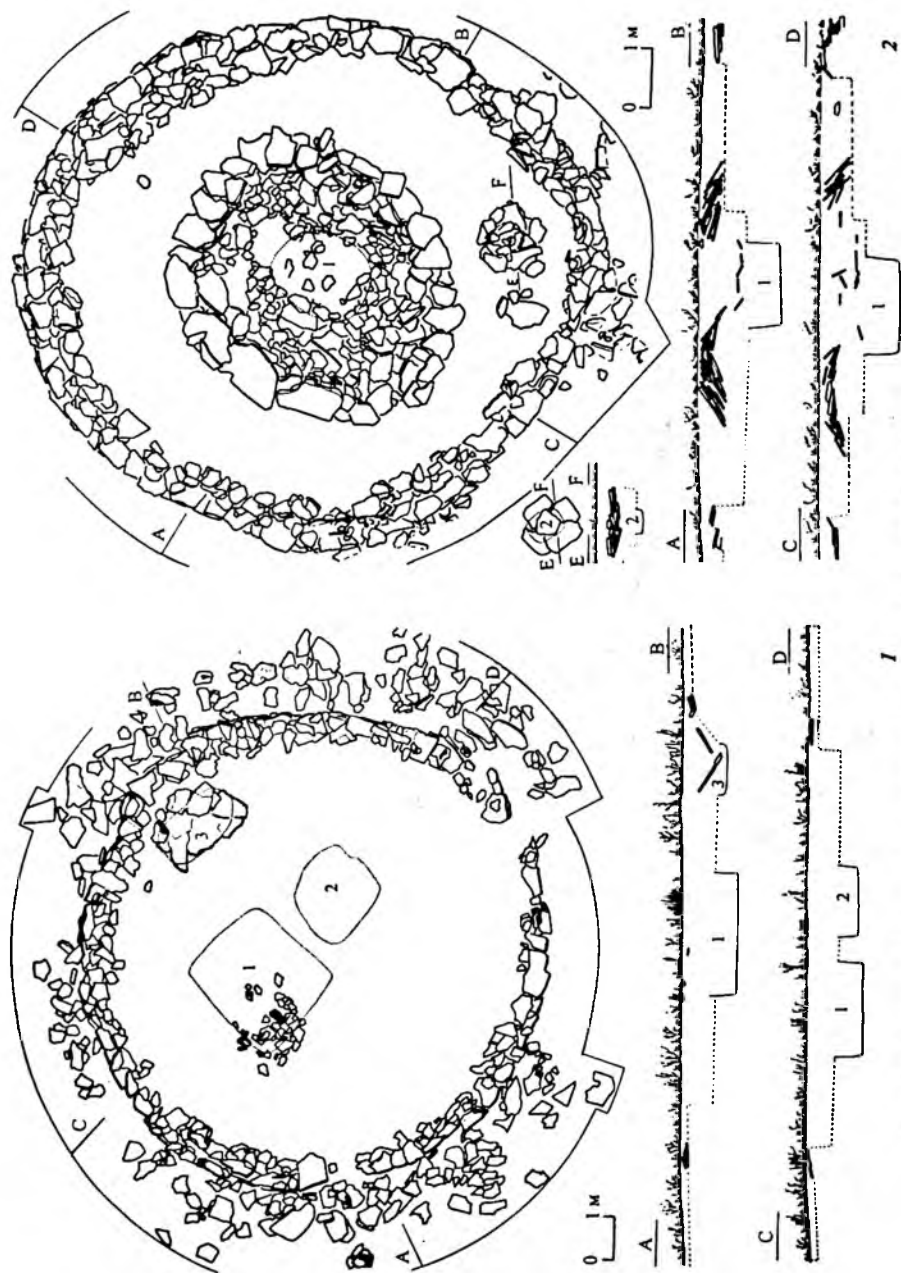

Рис. 21. Карасук III. Планы и разрезы: 1 — ограда; 2 — ограда 12.

Fig. 21. Karasuk III. Plans and cross-sections: 1 — stone wall 1; 2 — stone wall 12.

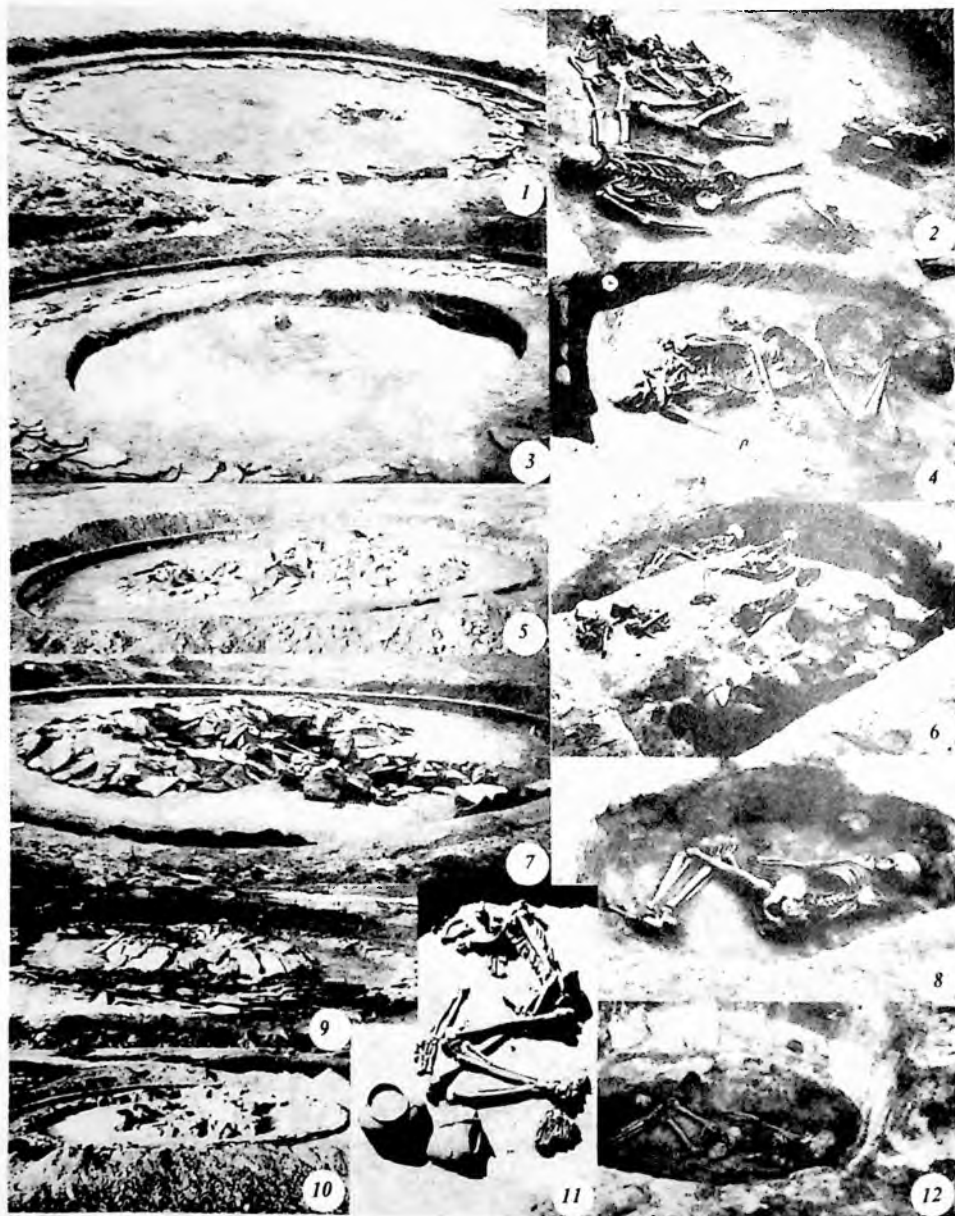

Рис. 22. Карасук III. Общий вид ограды 1 после расчистки (1, 3), ее могилы 1 (2), могилы 3 (4); общий вид ограды 2 после расчистки (5, 7) и ее могилы 1 (6); ограда 5, могила 2 после расчистки (8); ограда 12 после расчистки (9) и ее могила 1 (11); ограда 3 после расчистки (10) и ее могила 4 (12).

Fig. 22. Karasuk III. General view of the stone wall 1 after cleaning (1, 3), its bur. 1 (2), bur. 3 (4); general view of the stone wall 2 after cleaning (5, 7) and its bur. 1 (6); stone wall 5, bur. 2 after cleaning (8); stone wall 12 after cleaning (9) and its bur. 1 (11); stone wall 3 after cleaning (10) and its bur. 4 (12).

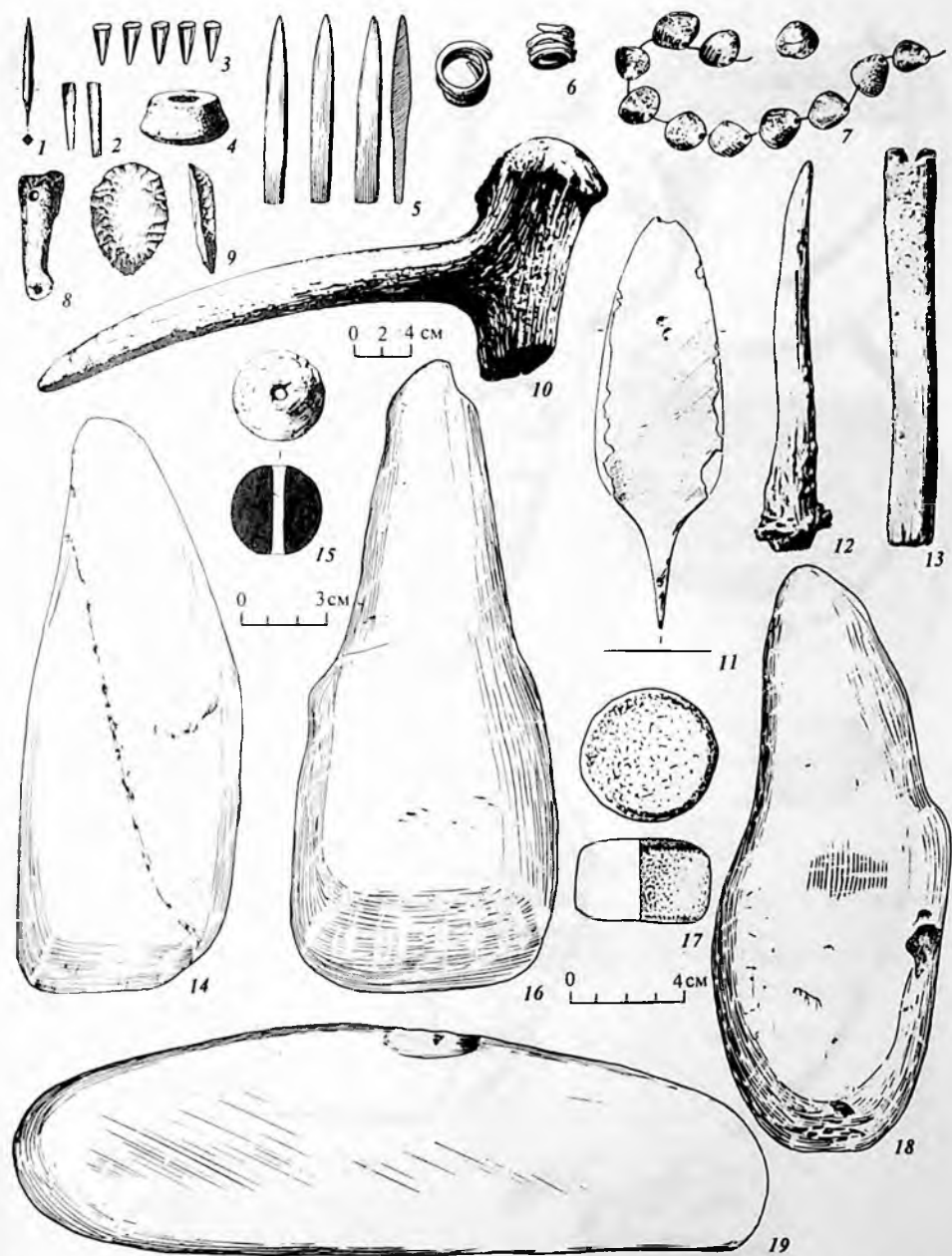

Рис. 23. Вещи из могильников Карасук III и Барсухица IV. Барсухица IV. Курган 22 могила 2 (1, 11, 15). Карасук III: ограда 1 (17, 19), то же, могила 2 (2); ограда 2 (16), то же, могила 1 (3, 5, 6, 14) и могила 2 (12); ограда 3 (18), то же, могила 3 (7); ограда 4 (8), то же, могила 1 (10); ограда 6 (13); ограда 7, могила 1 (4); ограда 9, могила 1 (9). 1, 11 — бронза; 6 — серебро; 2—5, 8, 10, 12, 13 — рог, кость; 7 — раковина; 9, 14—19 — камень.

Fig. 23. Objects from Karasuk III and Barsuchiha IV burial grounds. Barsuchiha IV. Mound 22, bur. 2 (1, 11, 15). Karasuk III: stone wall 1 (17, 19) and its bur. 2 (2); stone wall 2 (16) and its bur. 1 (3, 5, 6, 14), 2 (12); stone wall 3 (18) and its bur. 3 (7); stone wall 4 (8) and its bur. 1 (10); stone wall 6 (13); stone wall 7 and its bur. 1 (4); stone wall 9 and its bur. 1 (9). 1, 11: bronze; 6: silver; 2—5, 8, 10, 12, 13: horn, bone; 7: shell; 9, 14—19: stone.

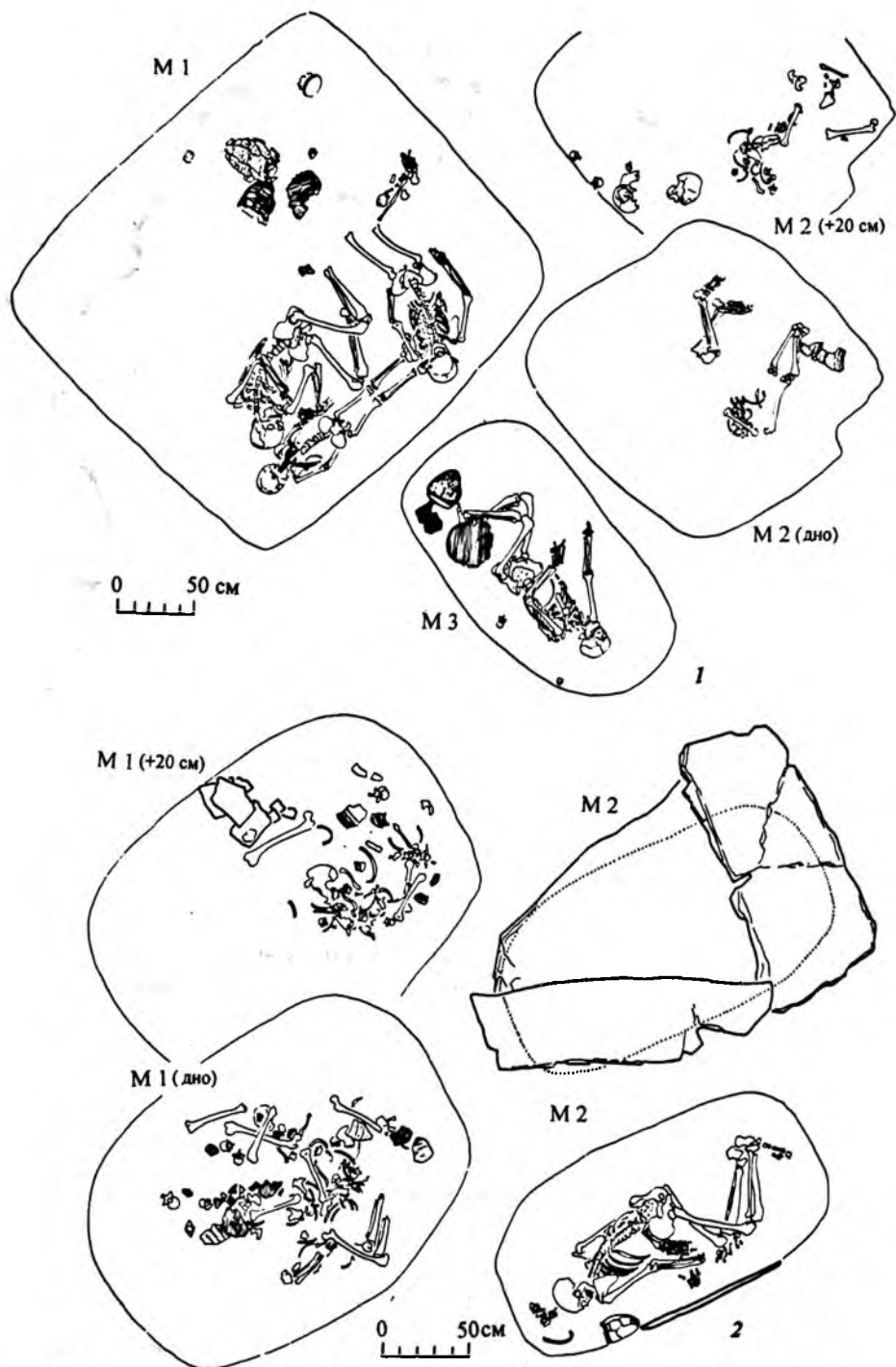

Рис. 24. Карасук III. Ограда 1, планы могил 1—3 (1); ограда 5, планы могил 1, 2 (2).
 Fig. 24. Karasuk III. Stone wall 1, plans of bur. 1—3 (1); stone wall 5, plans of bur. 1, 2 (2).

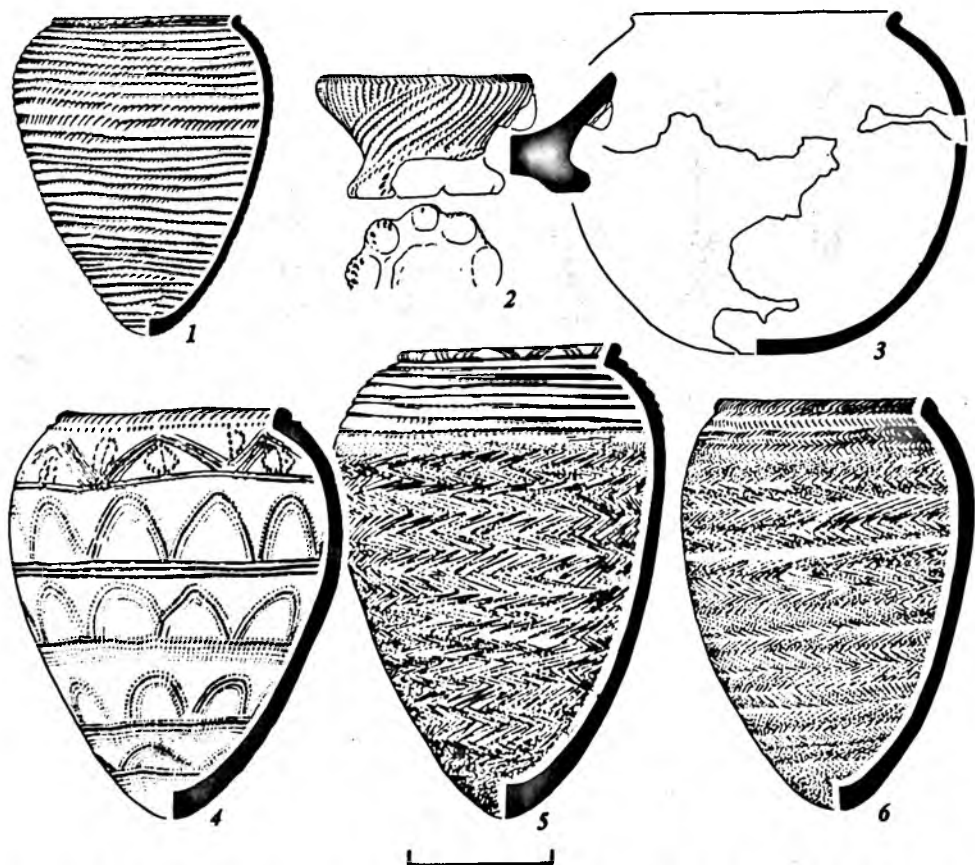

Рис. 25. Карасук III. Ограда 1. Глиняные сосуды из могилы 1 (2, 4, 5); могилы 2 (6) и могилы 3 (1, 3).

Fig. 25. Karasuk III. Stone wall 1. Pottery from bur. 1 (2, 4, 5); bur. 2 (6) and 3 (1, 3).

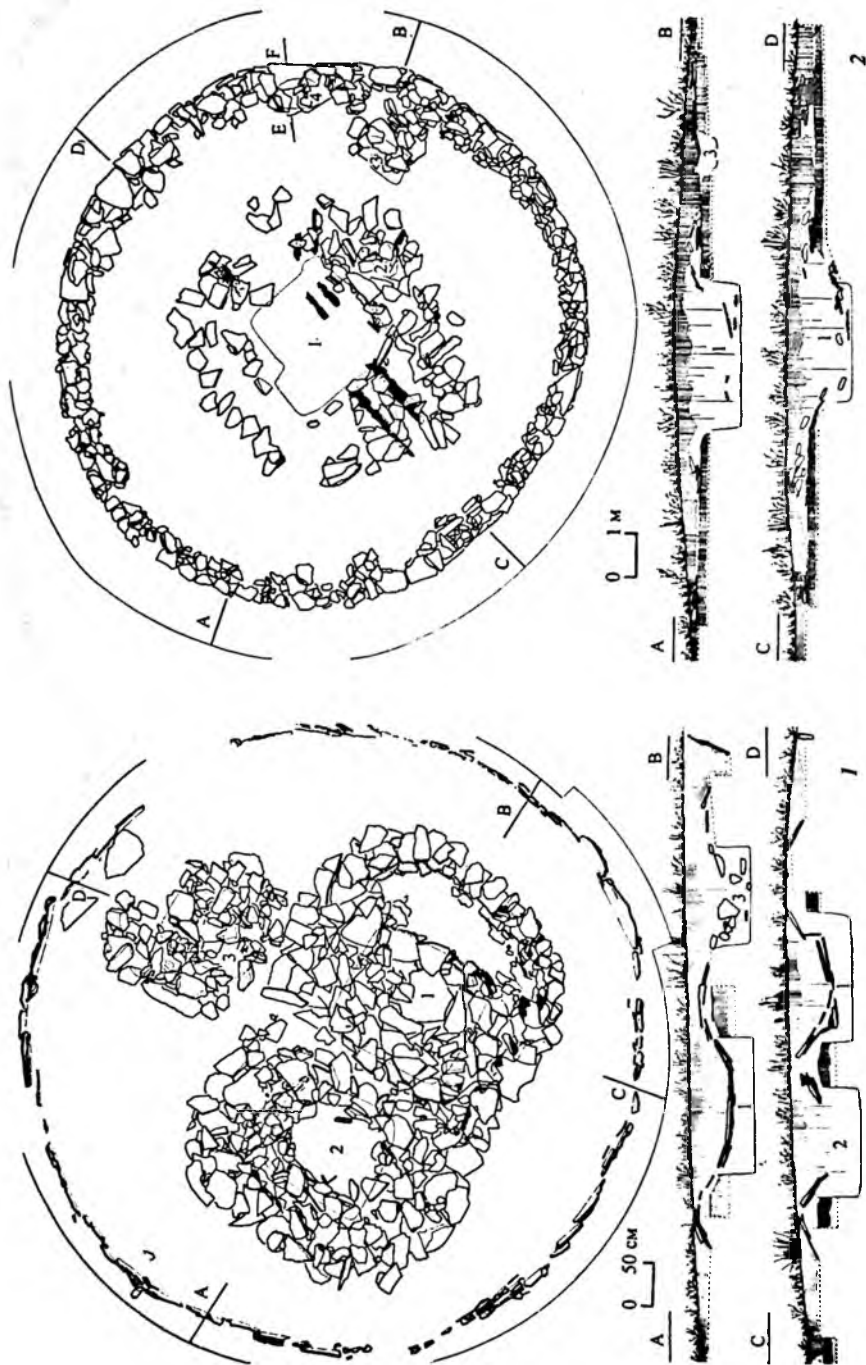

Рис. 26. Карасук III. Ограды 2 (1) и 3 (2) — планы и разрезы.
 Fig. 26. Karasuk III. Stone walls 2 (1) and 3 (2): plans and sections.

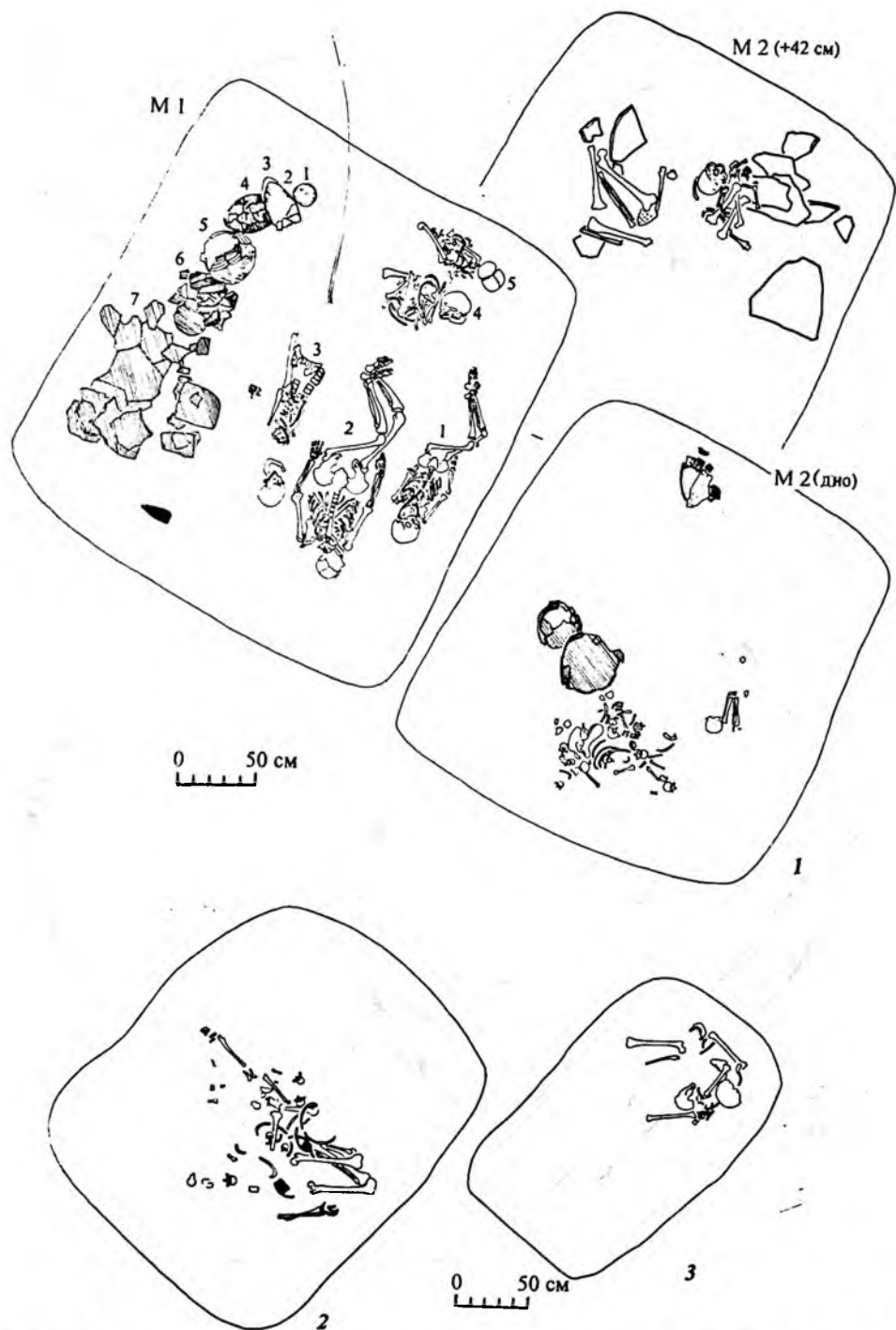

Рис. 27. Карасук III. Ограда 2. Планы могил 1 и 2 (1); планы могил из оград 10 (2) и 8 (3).
 Fig. 27. Karasuk III. Stone wall 2. Plans of bur. 1 and 2 (1); plans of bur. from stone walls 10 (2) and 8 (3).

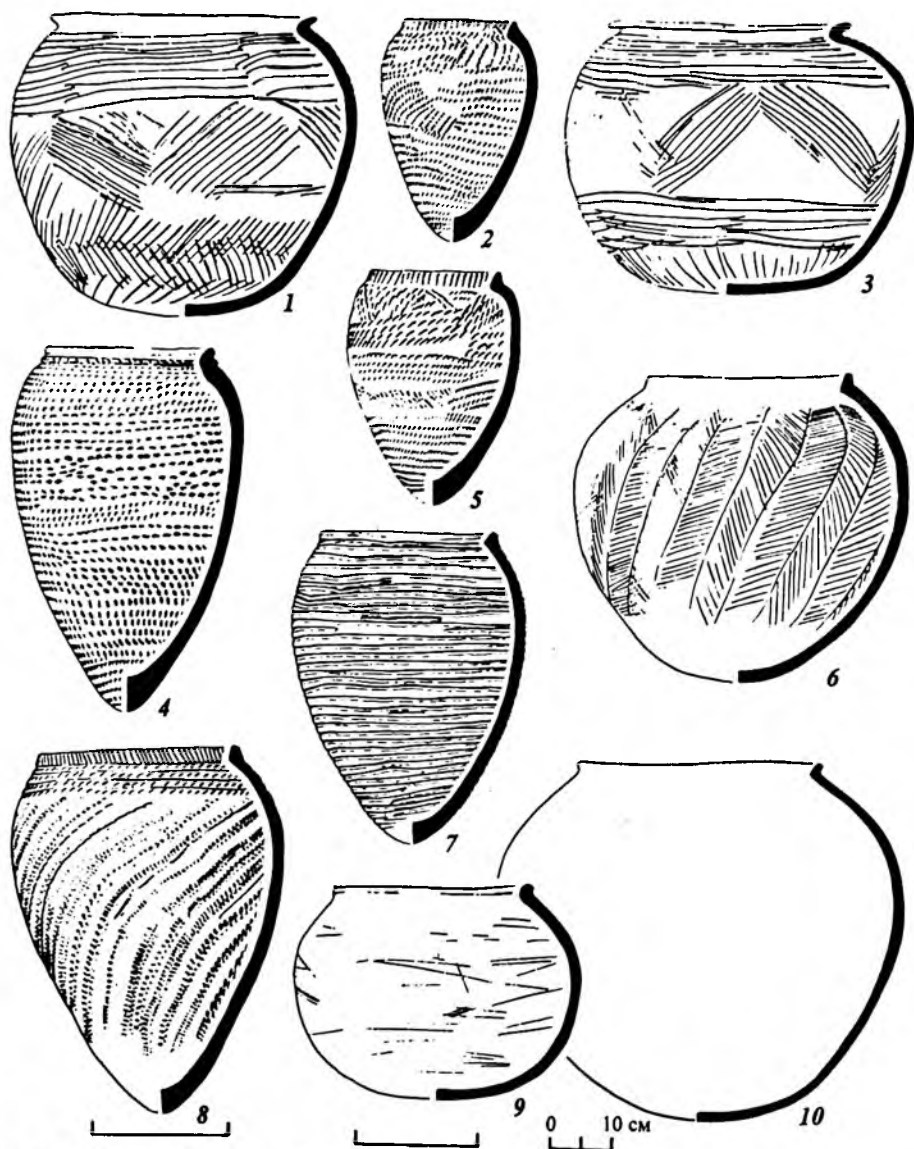

Рис. 28. Карасук III. Ограда 2. Глиняные сосуды из могил: 1 (1, 2, 4—7, 10) и 2 (3, 8, 9).
 Fig. 28. Karasuk III. Stone wall 2. Pottery from bur. 1 (1, 2, 4—7, 10) and 2 (3, 8, 9).

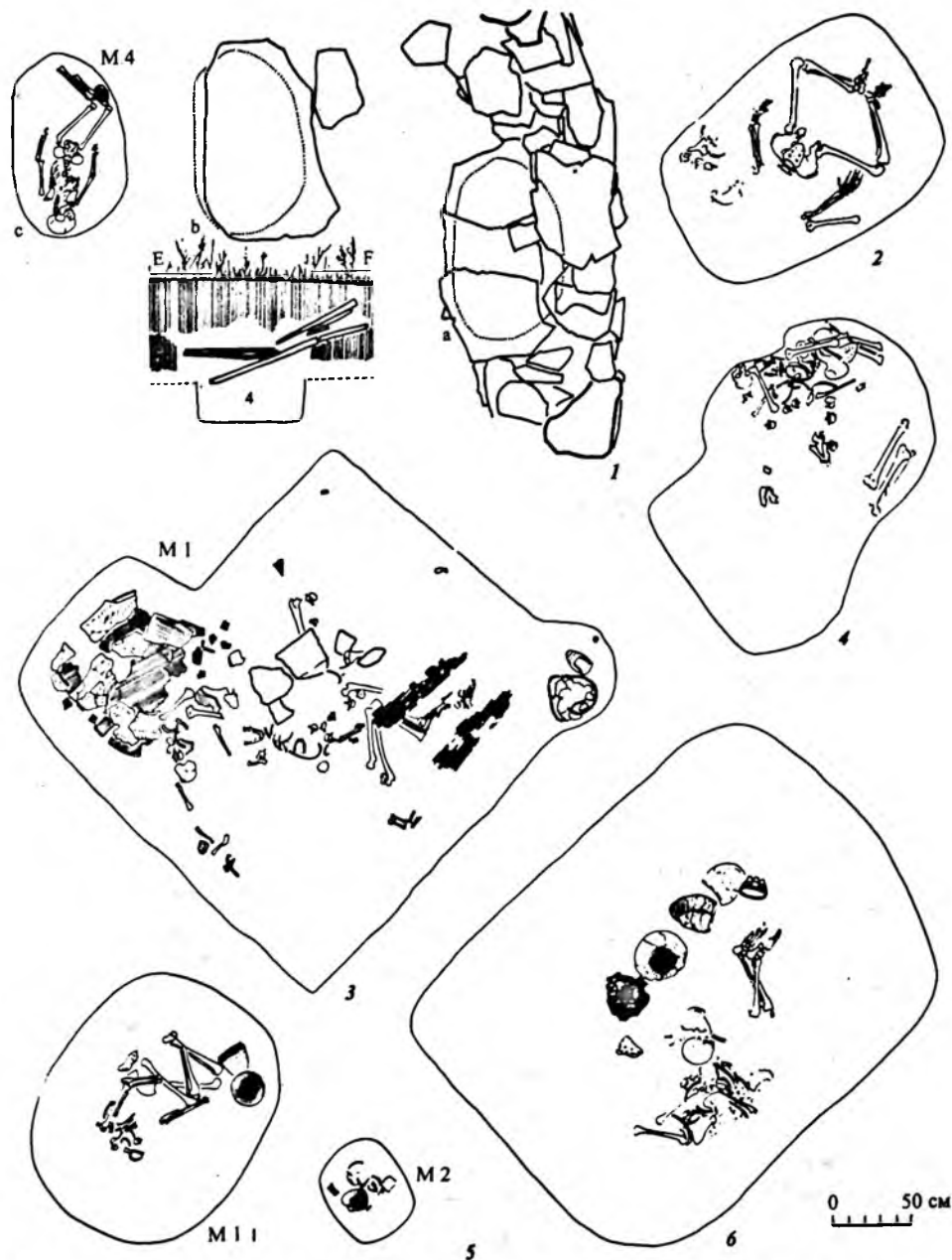

Рис. 29. Карасук III. Ограда 3. Планы могил 4 (1) и 1 (3); планы могил ограды 11 (2); ограды 14 (4); ограды 12, могил 1 и 2 (5) и ограды 13 (6).

Fig. 29. Karasuk III. Plans of burials: stone wall 3, bur. 4 (1) and 1 (3); stone wall 11 (2); stone wall 14 (4); stone wall 12, bur. 1 and 2 (5), stone wall 13 (6).

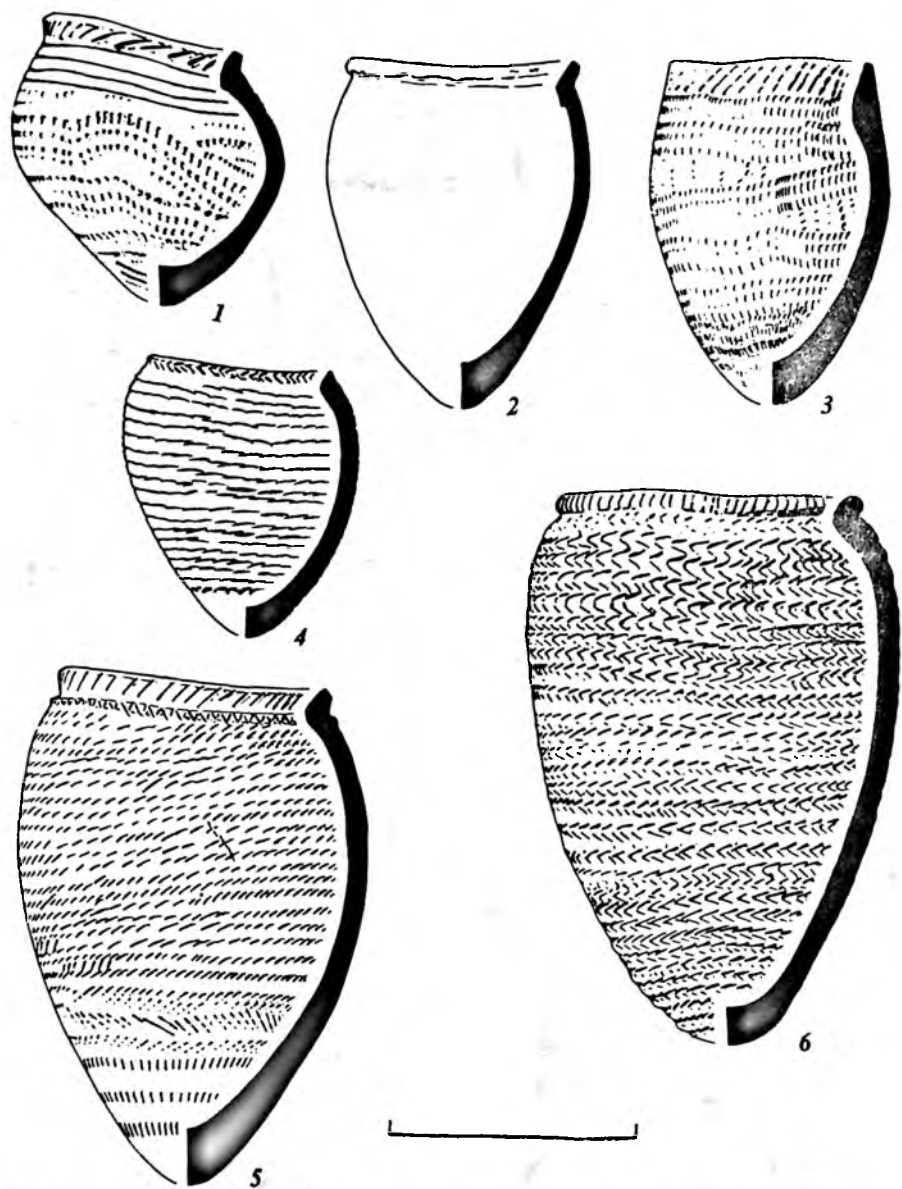

Рис. 30. Карасук III. Ограда 3. Глиняные сосуды из могил: 1 (3, 6), 2 (1, 2), 3 (5) и 4 (4).
 Fig. 30. Karasuk III. Stone wall 3. Pottery from bur. 1 (3, 6), 2 (1, 2), 3 (5) and 4 (4).

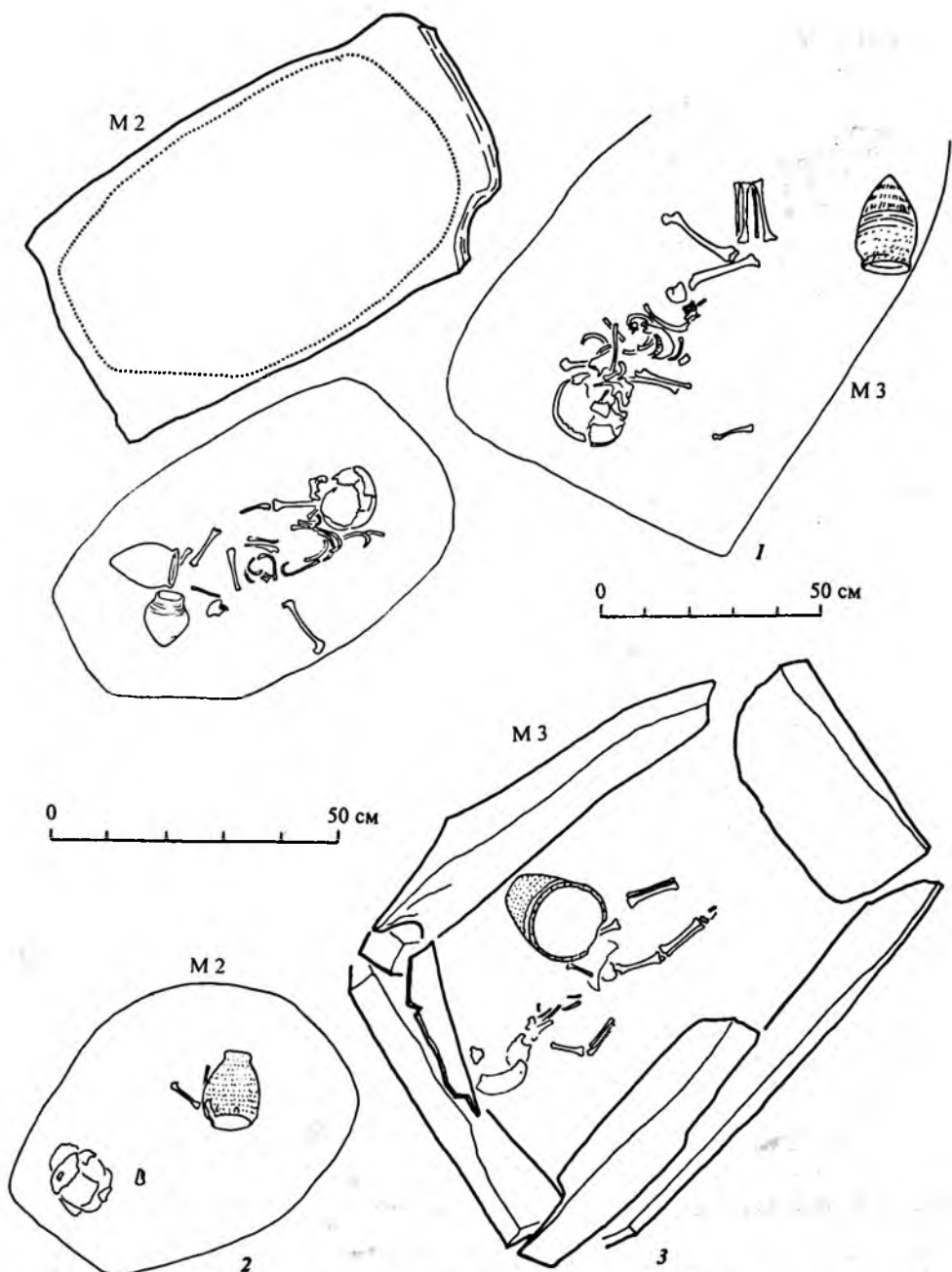

Рис. 31. Карасук III. Ограда 3. Планы могил 2 и 3 (1); ограда 7, планы могил 2 (2) и 3 (3).
 Fig. 31. Karasuk III. Stone wall 3. Plans of bur. 2 and 3 (1); stone wall 7, plans of bur. 2 (2) and 3 (3).

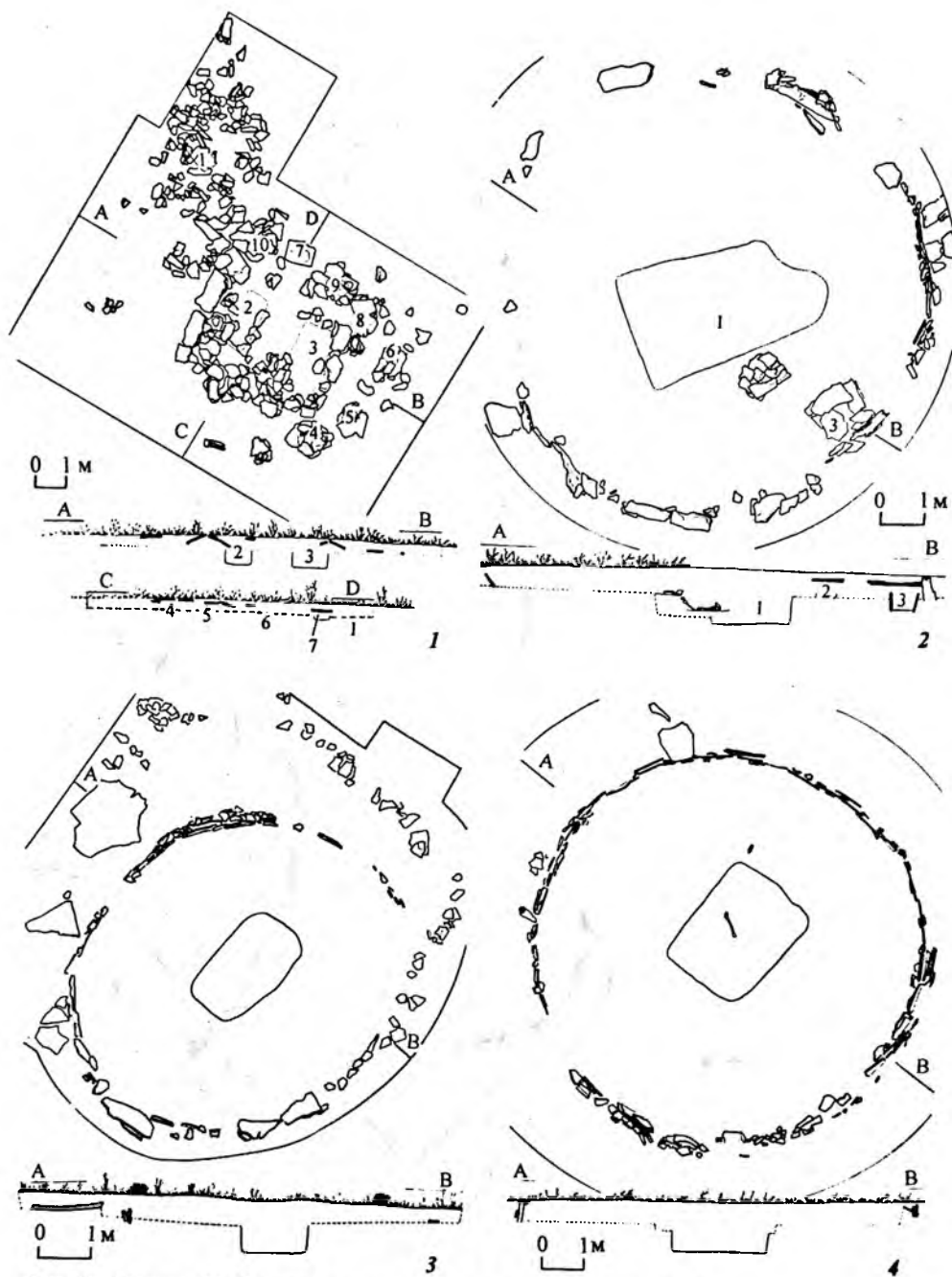

Рис. 32. Карасук III. Планы и разрезы оград: 4 (1), 7 (2), 8 (3), 13 (4).

Fig. 32. Karasuk III. Plans and sections of stone walls: 4 (1), 7 (2), 8 (3), 13 (4).

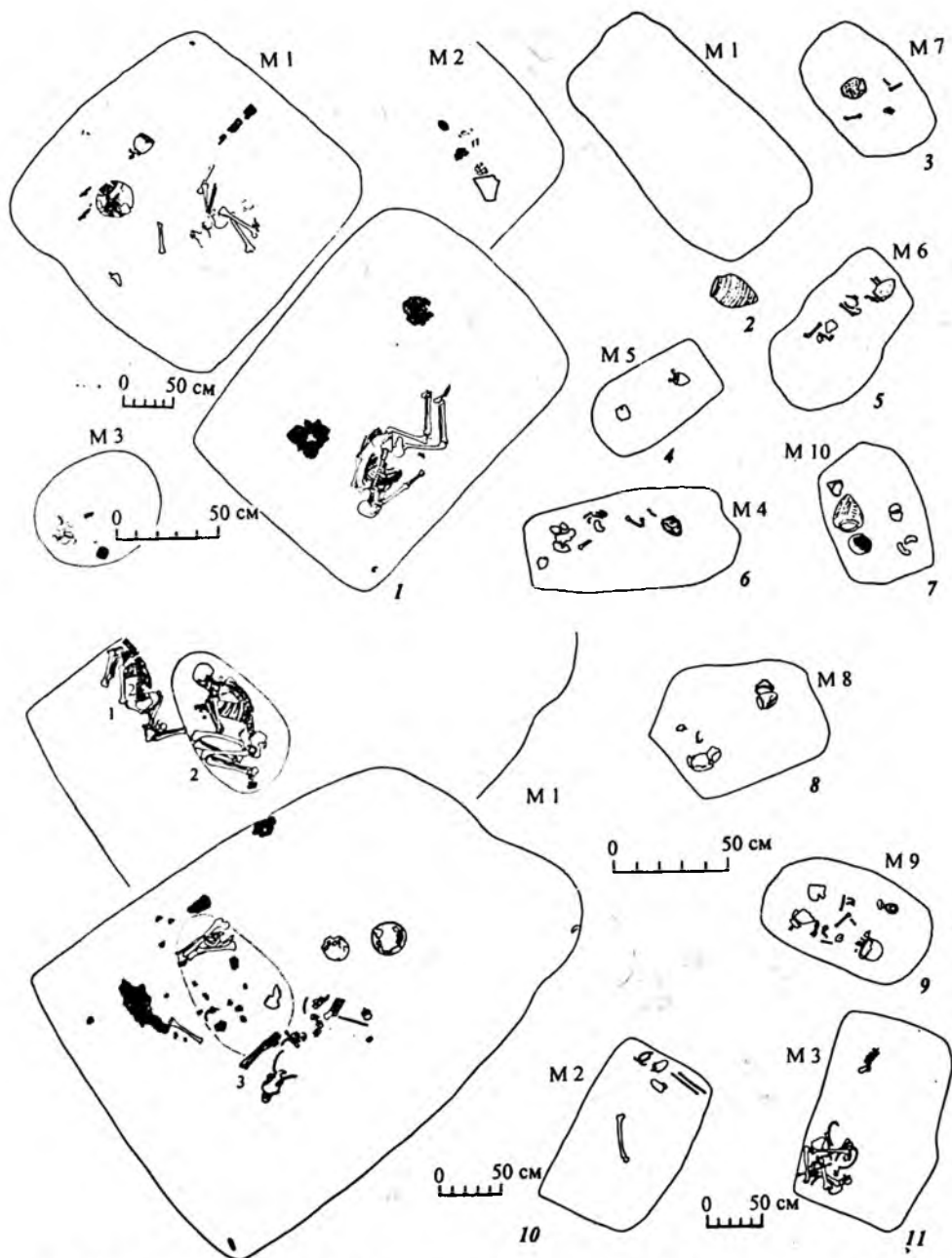

Рис. 33. Карасук III. Ограда 9. Планы могил 1—3 (1); ограда 4, планы могил 1 (2), 7 (3), 5 (4), 6 (5), 4 (6), 10 (7), 8 (8), 9 (9), 2 и 3 (11); ограда 7, план могилы 1 (10).

Fig. 33. Karasuk III. Plans of burials: stone wall 9, bur. 1—3 (1); stone wall 4, bur. 1 (2), 7 (3), 5 (4), 6 (5), 4 (6), 10 (7), 8 (8), 9 (9), 2 and 3 (11); stone wall 7, bur. 1 (10).

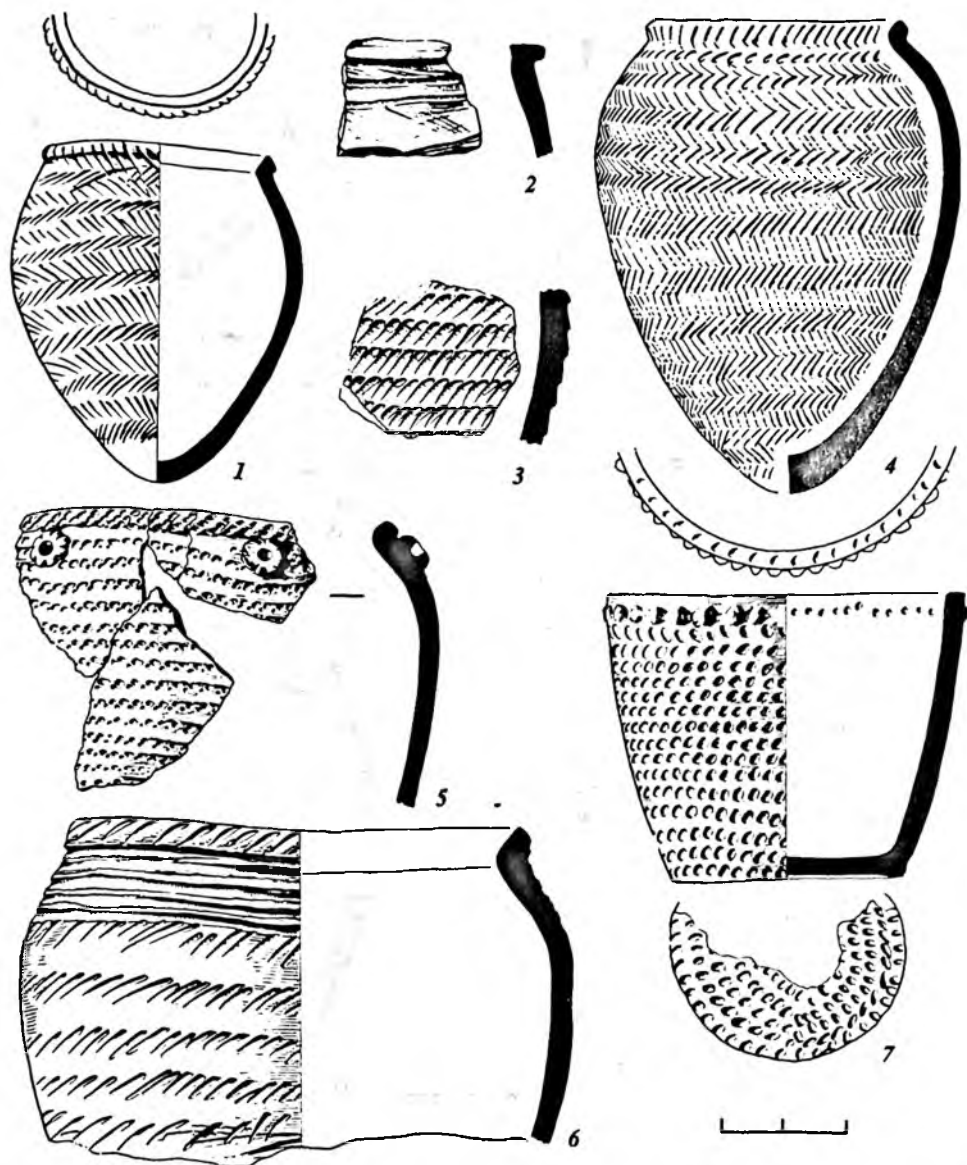

Рис. 34. Карасук III. Глиняные сосуды из ограды 12, могилы 2 (1); из ограды 4, могилы 1 (4); ограды 10 (5); ограды 5, могилы 1 (6); ограды 7, могилы 3 (7). Каменный Лог II. Фрагменты глиняных сосудов из ограды 4, могилы 1 (2) и могилы 3 (3).

Fig. 34. Karasuk III. Pottery from stone wall 12, bur. 2 (1); stone wall 4, bur. 1 (4); stone wall 10 (5); stone wall 5, bur. 1 (6); stone wall 7, bur. 3 (7). Kamenny Log II. Fragments of pottery from stone wall 4, bur. 1 (2) and 3 (3).

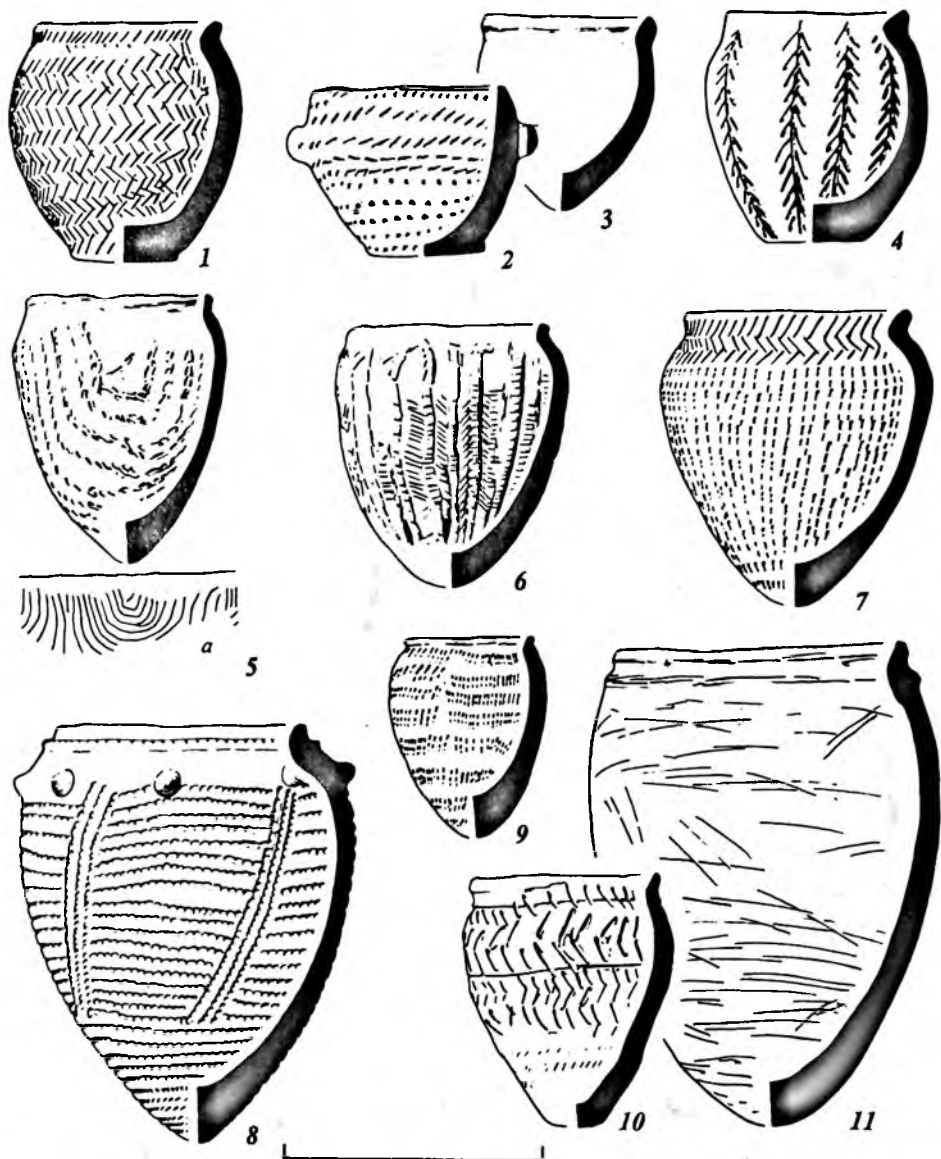

Рис. 35. Карасук III. Глиняные сосуды из ограда 4, могил: 7 (1), 8 (2, 4), 5 (3), 6 (5), 4 (6), 10 (8), 9 (9); из ограда 5, могил: 3 (7), 4 (10) и 2 (11).

Fig. 35. Karasuk III. Pottery from stone wall 4, bur. 7 (1), 8 (2, 4), 5 (3), 6 (5), 4 (6), 10 (8), 9 (9); stone wall 5, bur. 3 (7), 4 (10) and 2 (11).

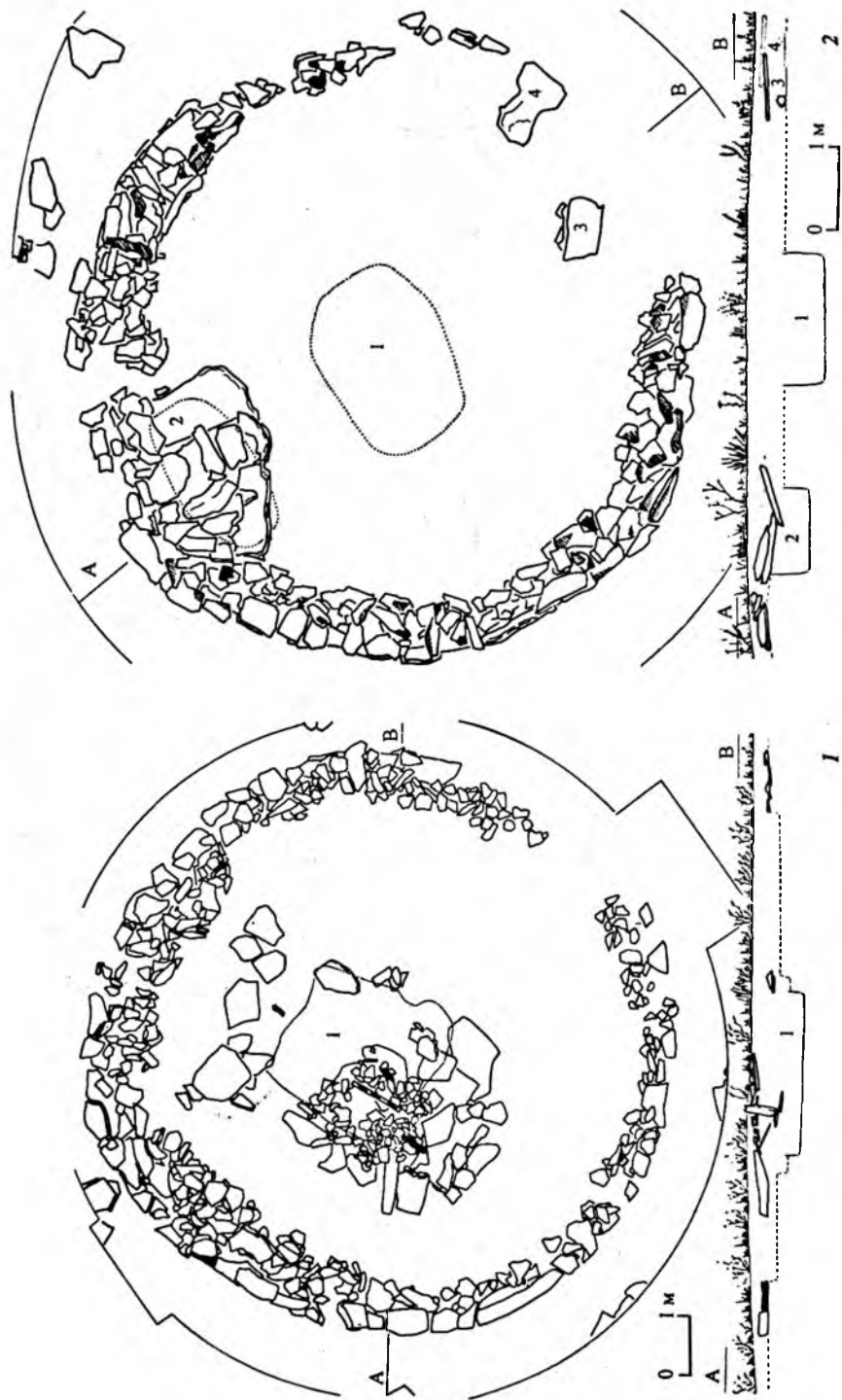

Рис. 36. Карасук III. Планы и разрезы ограды 6 (1) и ограды 5 (2).
 Fig. 36. Karasuk III. Plans and sections of stone walls 6 (1) and 5 (2).

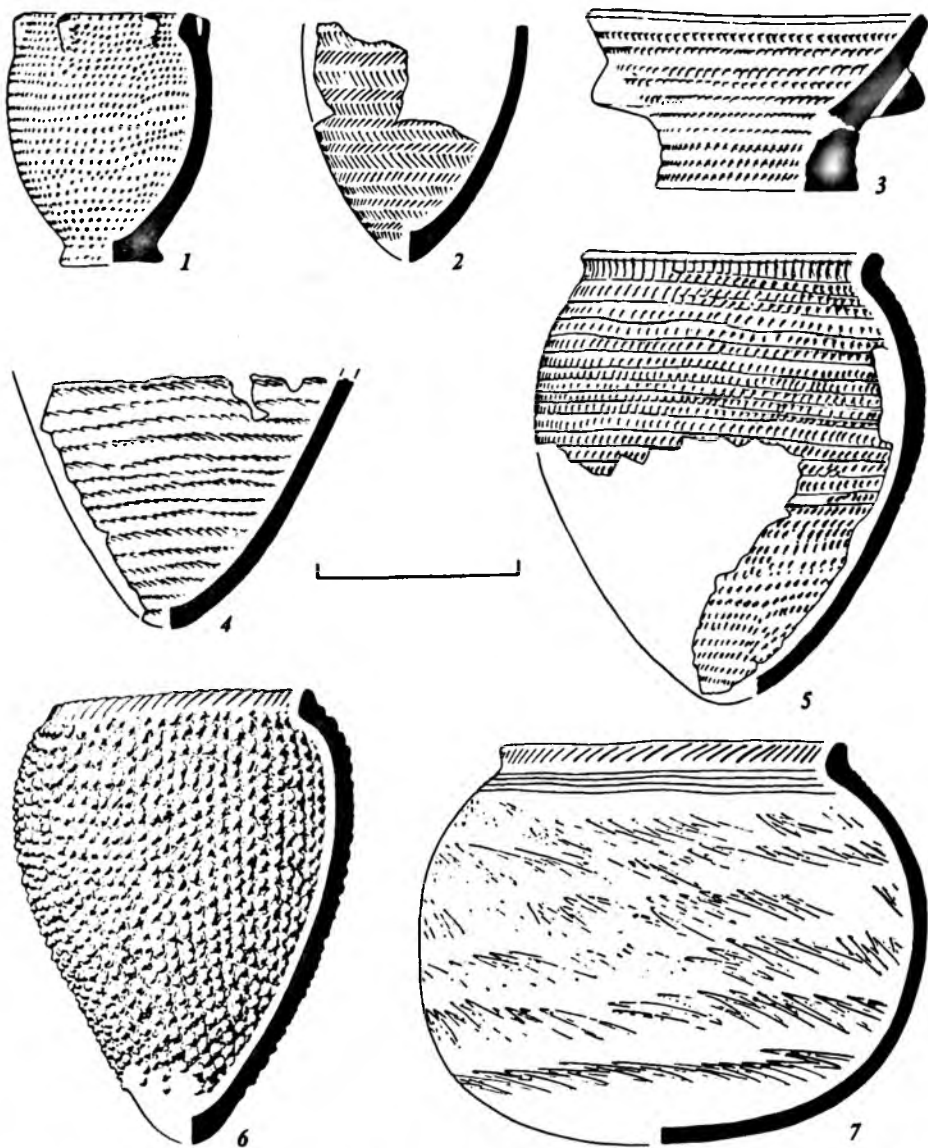

Рис. 37. Карасук III. Глиняные сосуды из ограды 7 могил 2 (1) и 1 (3, 6, 7) и ограды 6 (2, 4, 5).

Fig. 37. Karasuk III. Pottery from stone wall 7, bur. 2 (1) and 1 (3, 6, 7) and stone wall 6 (2, 4, 5).

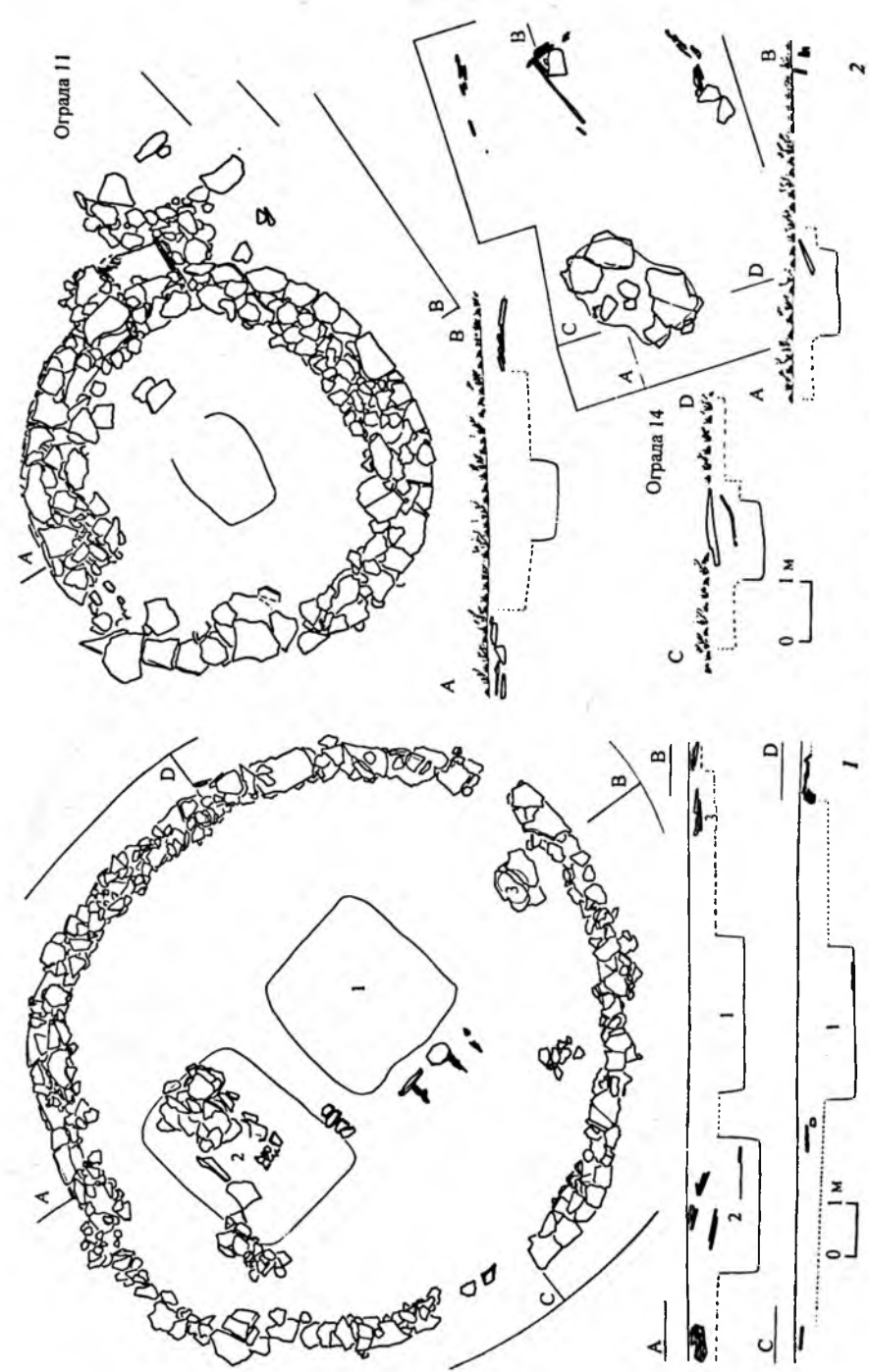

Рис. 38. Карасук III. Планы и разрезы ограды 9 (1), ограда 11 и 14 (2).
 Fig. 38. Karasuk III. Plans and sections of stone walls 9 (1), 11 and 14 (2).

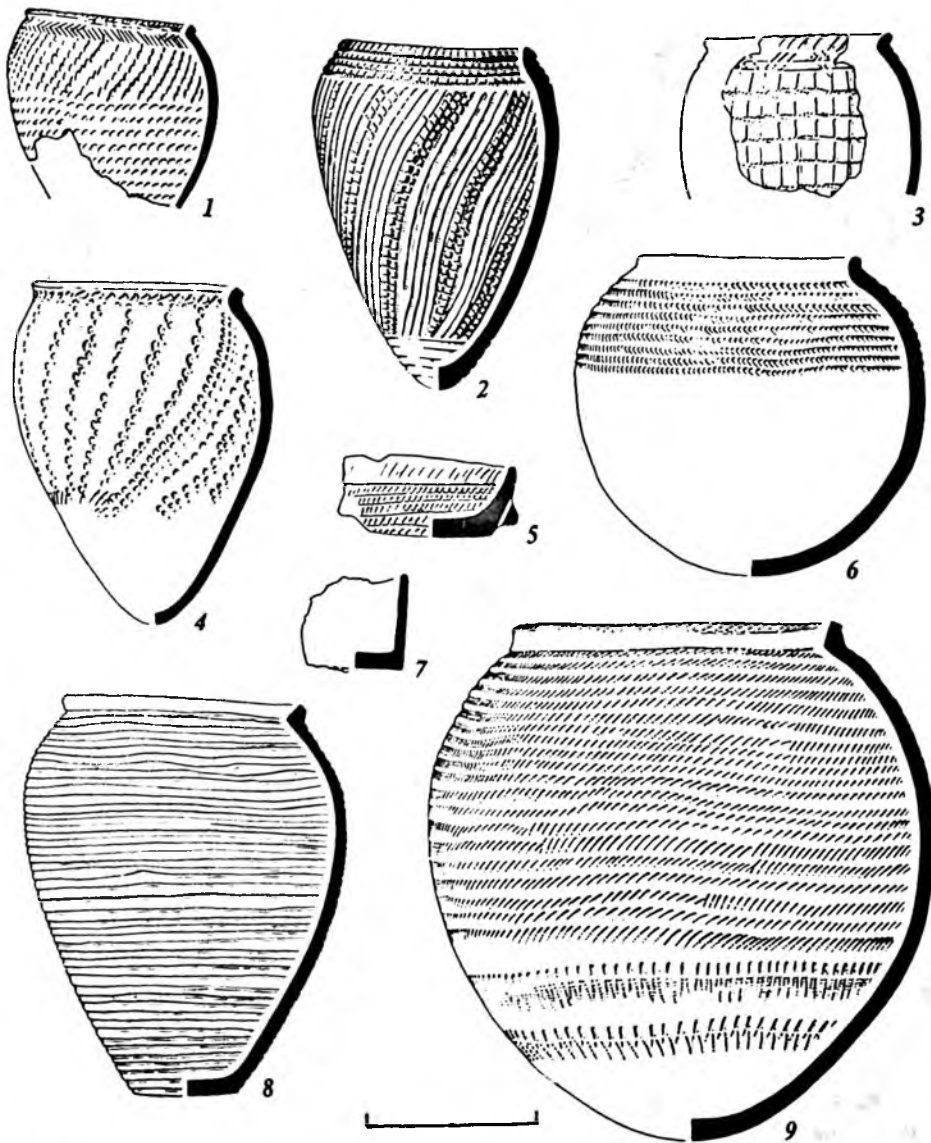

Рис. 39. Карасук III. Глиняные сосуды из ограды 9, могил 1 (4, 9), 2 (8), 2а (1, 5), 3 (7); ограды 12 (3) и могилы 1 (2, 6).

Fig. 39. Karasuk III. Pottery from stone wall 9, bur. 1 (4, 9), 2 (8), 2a (1, 5), 3 (7); stone wall 12 (3) and bur. 1 (2, 6).

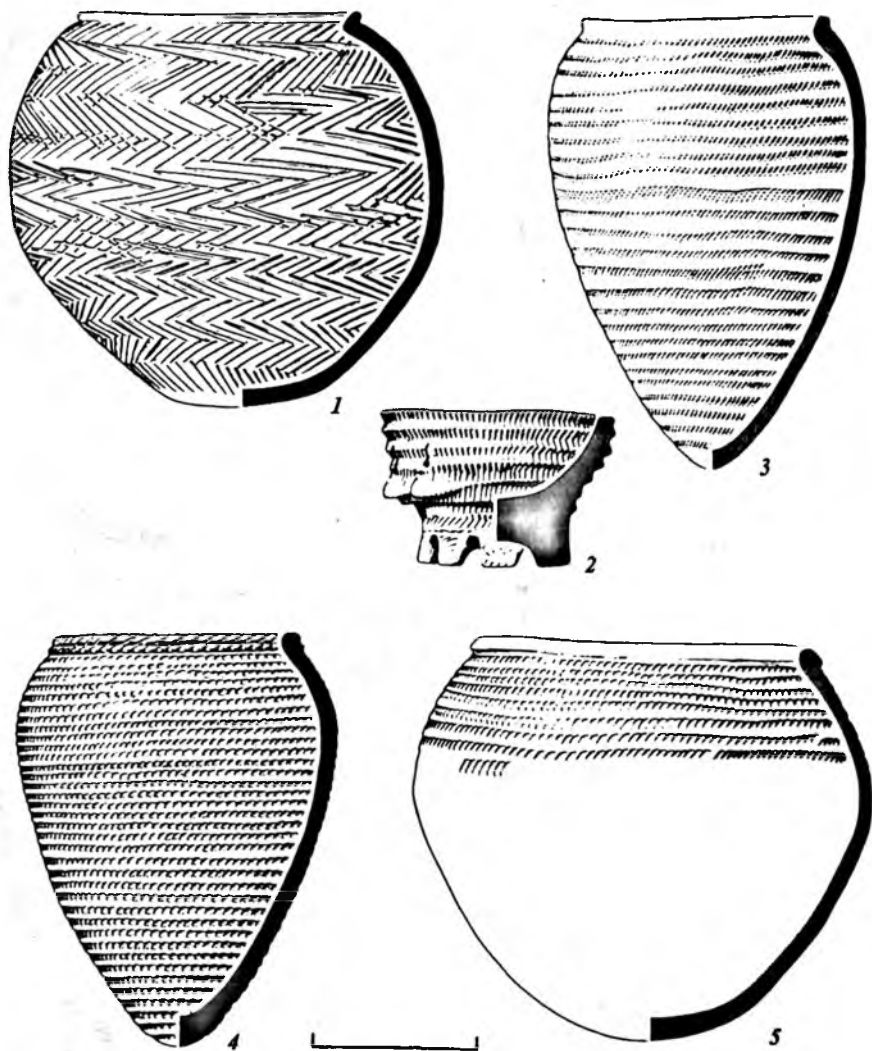

Рис. 40. Карасук III. Глиняные сосуды из ограды 13 (1—5).

Fig. 40. Karasuk III. Pottery from stone wall 13 (1—5).

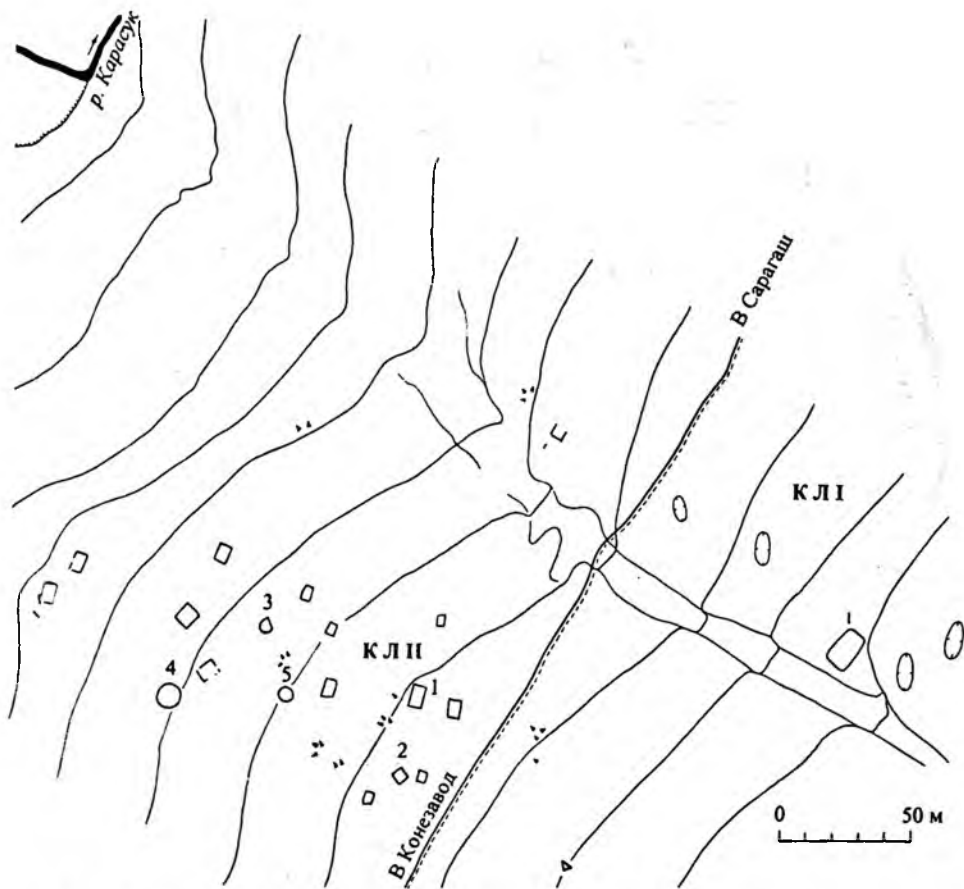

Рис. 41. План поселения Каменный Лог I и могильника Каменный Лог II.

Fig. 41. Plan of the settlement Kamenny Log I and of the burial ground Kamenny Log II.

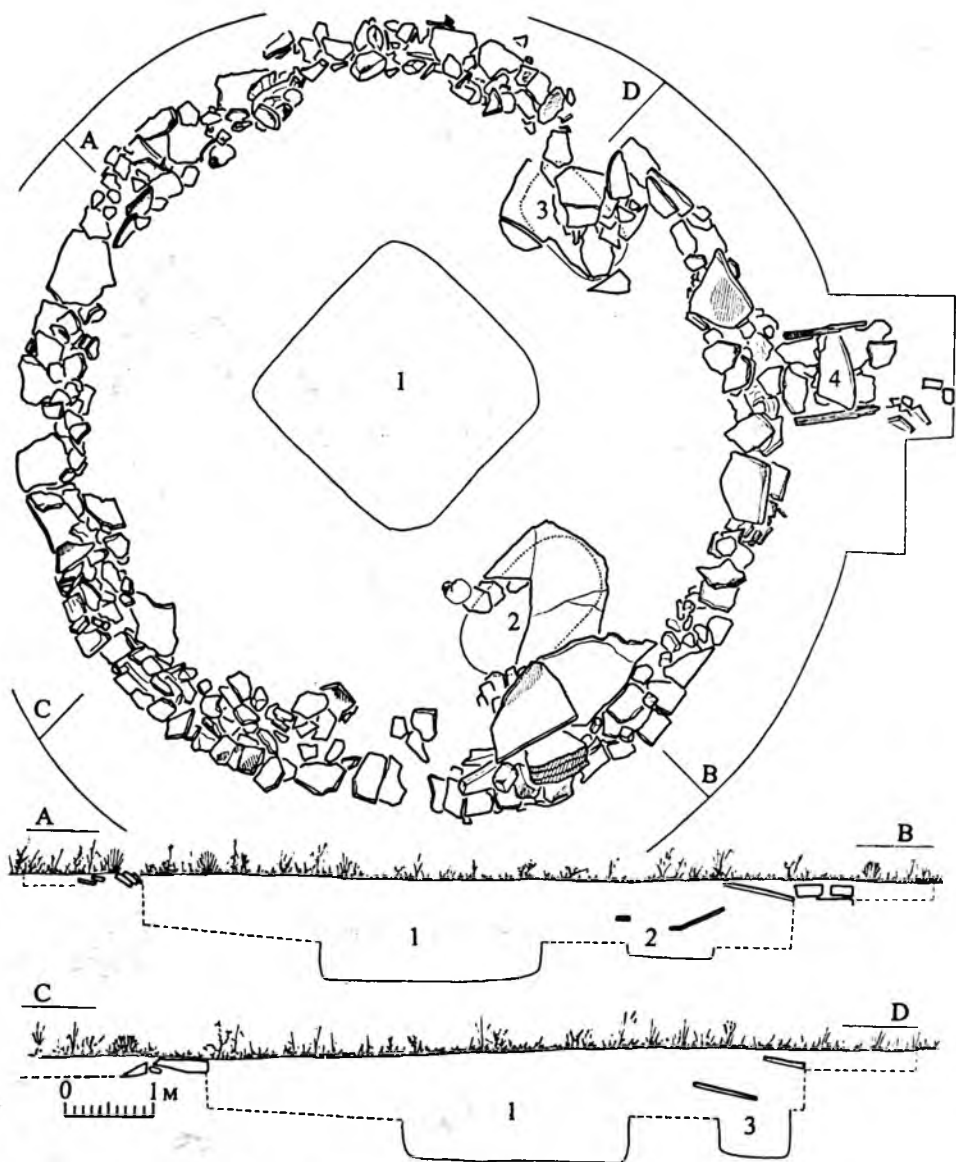

Рис. 42. Каменный Лог II. План и разрез ограды 4.

Fig. 42. Kamenny Log II. Plan and cross-section of the stone wall 4.

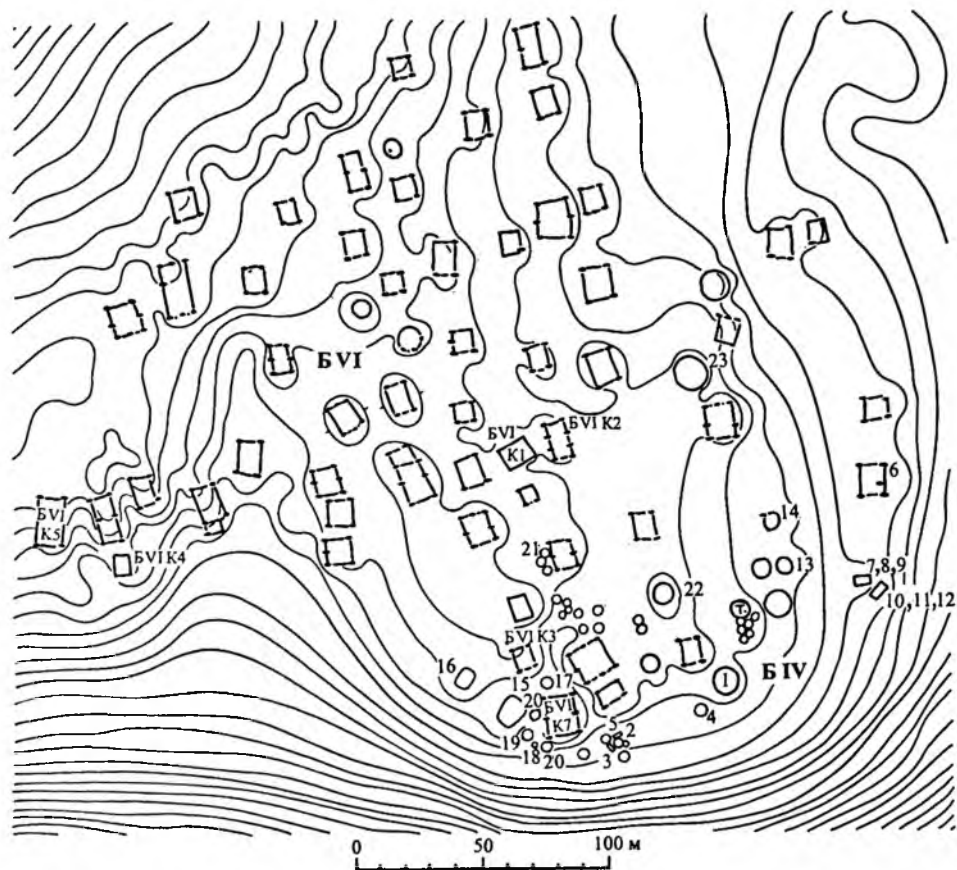

Рис. 43. План могильников Барсучиха IV и Барсучиха VI.

Fig. 43. Plan of the burial grounds Barsuchiha IV and Barsuchiha VI.

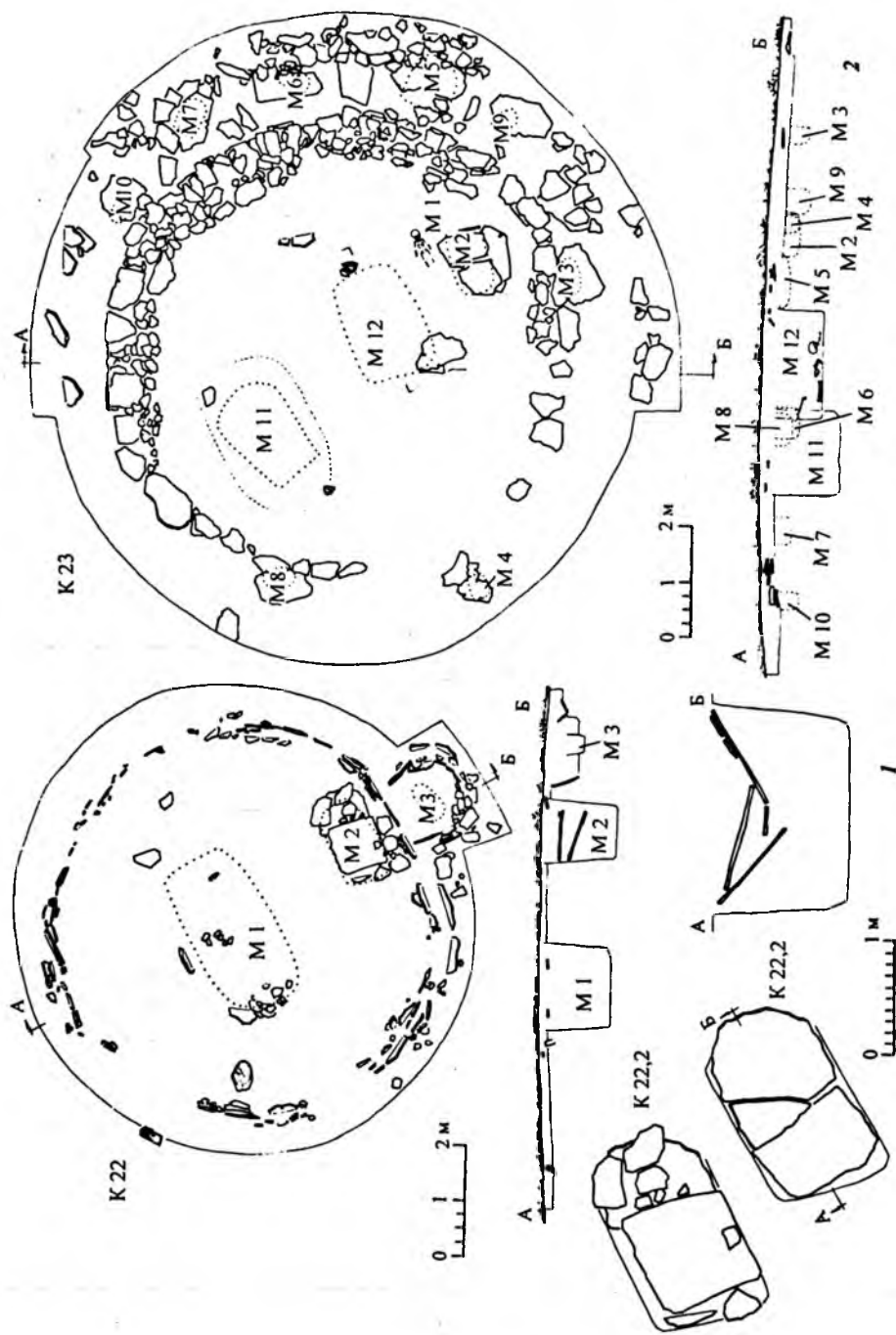

Рис. 44. Барсучиха IV. Планы и разрезы курганов 22 (1) и 23 (2).
 Fig. 44. Barsuchihа IV. Plans and cross-sections of mounds 22 (1) and 23 (2).

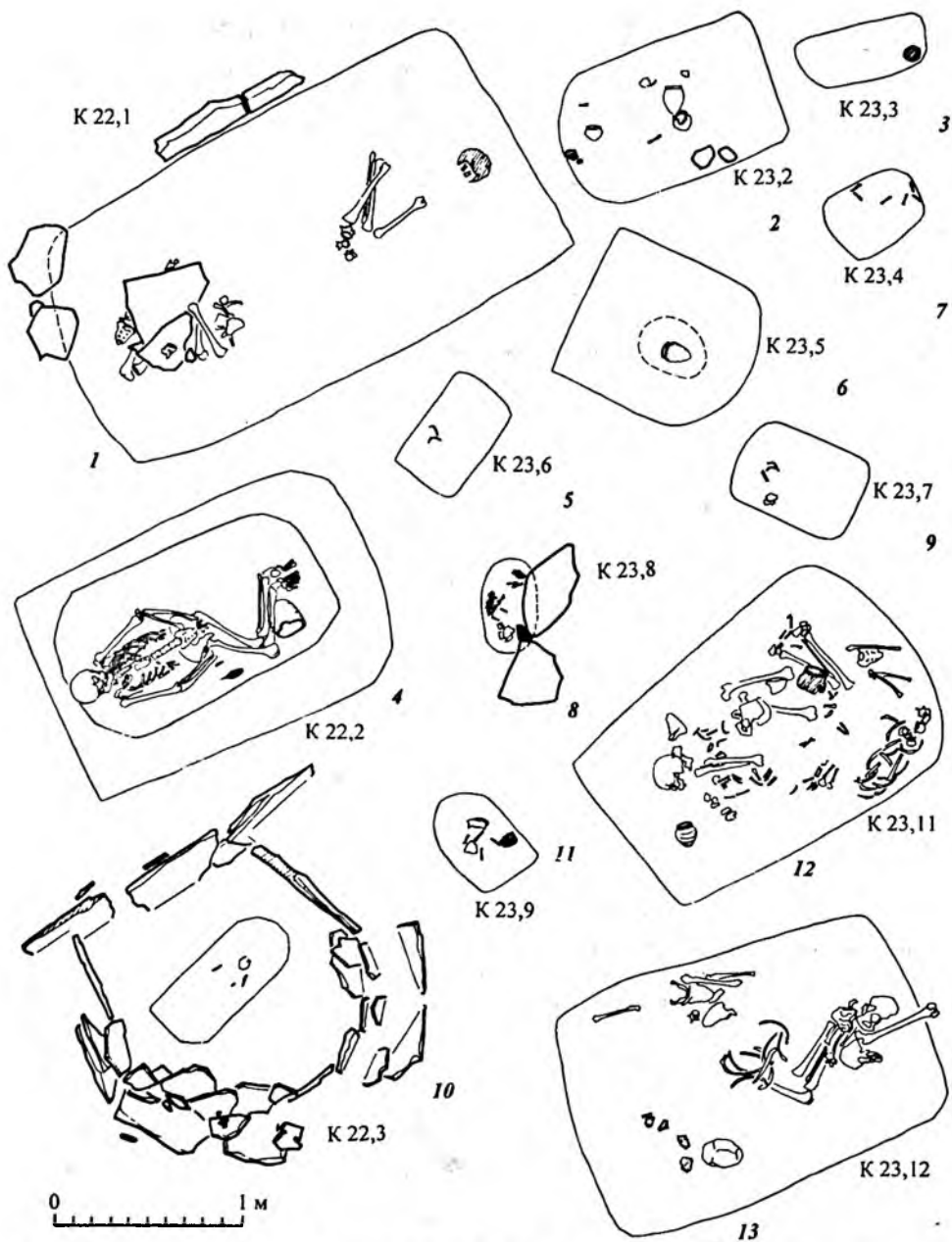

Рис. 45. Бурсучиха IV. Планы могил курганов 22 (1, 4, 10) и 23 (2, 3, 5-9, 11-13).

Fig. 45. Barsuchiha IV. Plans of the burials in mounds 22 (1, 4, 10) and 23 (2, 3, 5-9, 11-13).

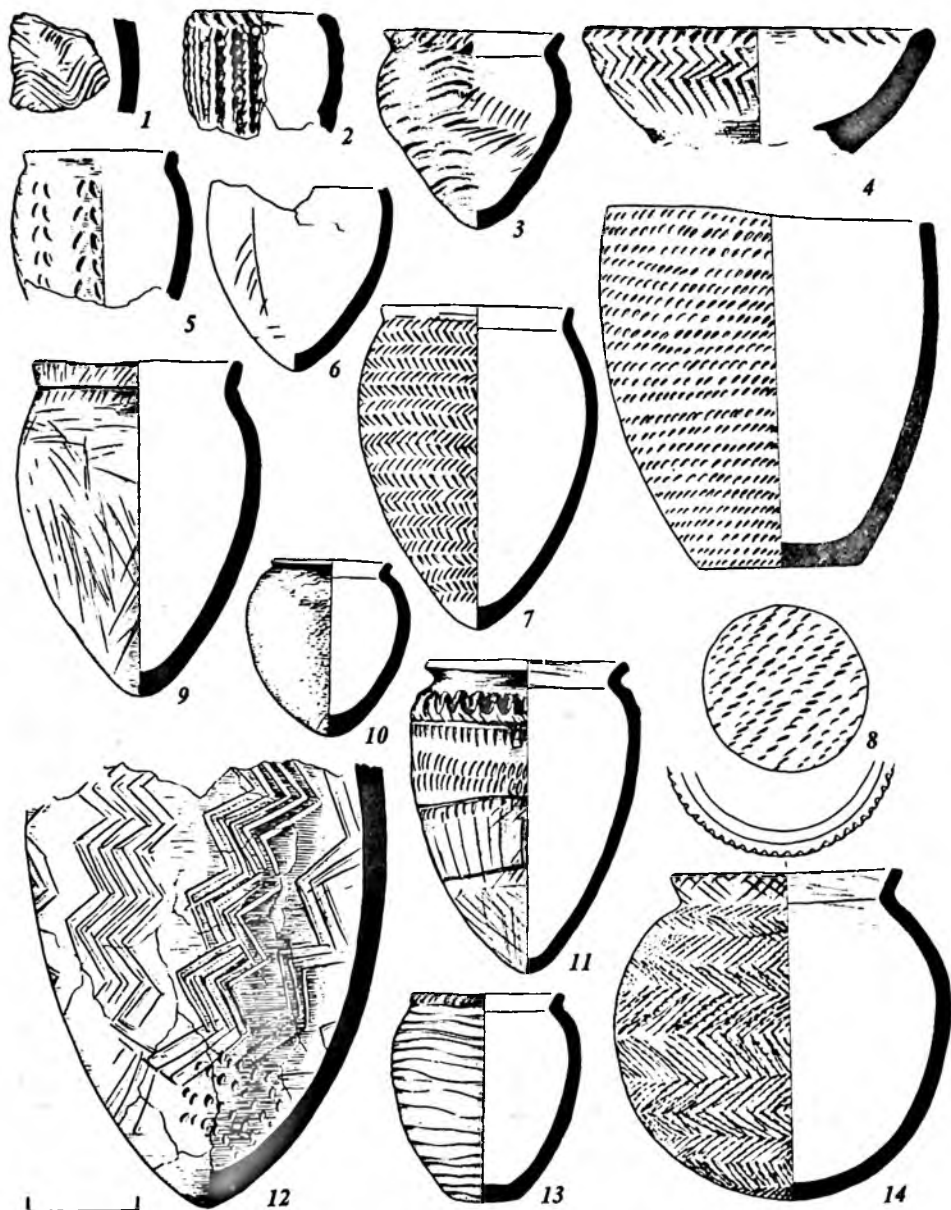
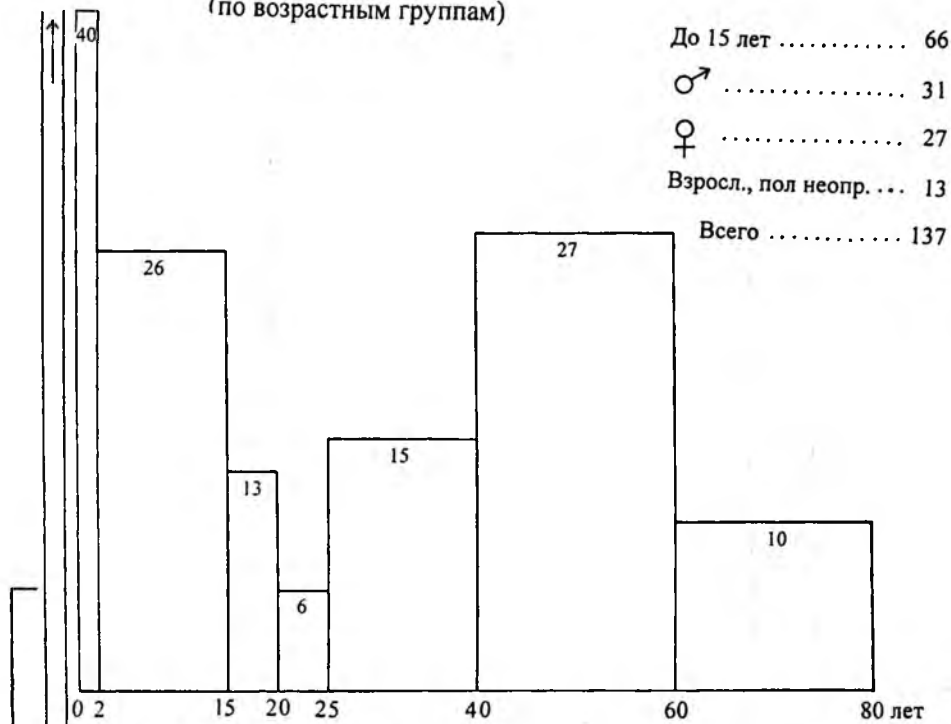

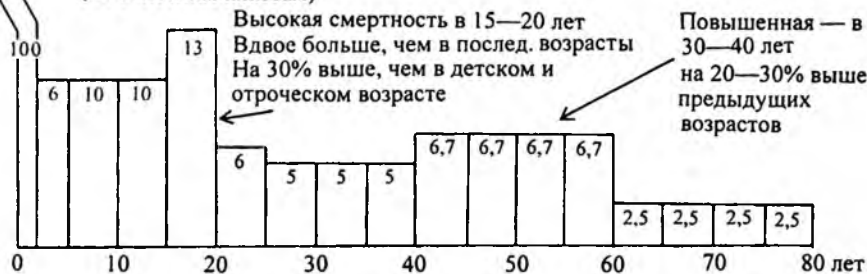
Рис. 46. Бурсучиха IV. Глиняные сосуды из кургана 22 (1) и его могил 1 (14) и 2 (8); из кургана 23 (4) и его могил 2 (3, 6, 7), 3 (10), 5 (11), 8 (5), 9 (2), 11 (9, 13), 12 (12).

Fig. 46. Barsuchiha IV. Pottery vessels from mound 22 (1) and from burials 1 (14) and 2 (8) in this mound; from mound 23 (4) and from burials 2 (3, 6, 7), 3 (10), 5 (11), 8 (5), 9 (2), 11 (9, 13), 12 (12).

Смертность (по возрастным группам)

(по 5-летним классам)

(Выравненная кривая, предполагаемая)

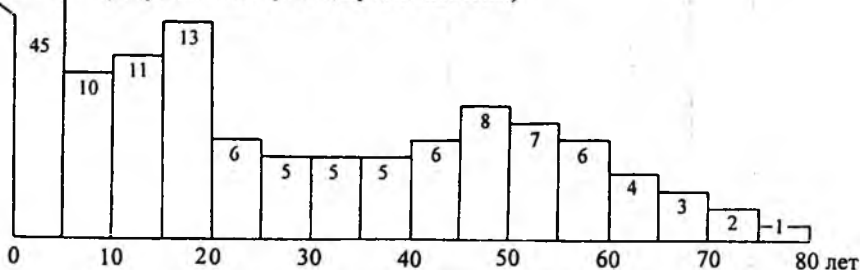

Рис. 47. Гистограмма смертности по возрастным группам.

Fig. 47. Mortality histogram according to the age groups.

Смертность

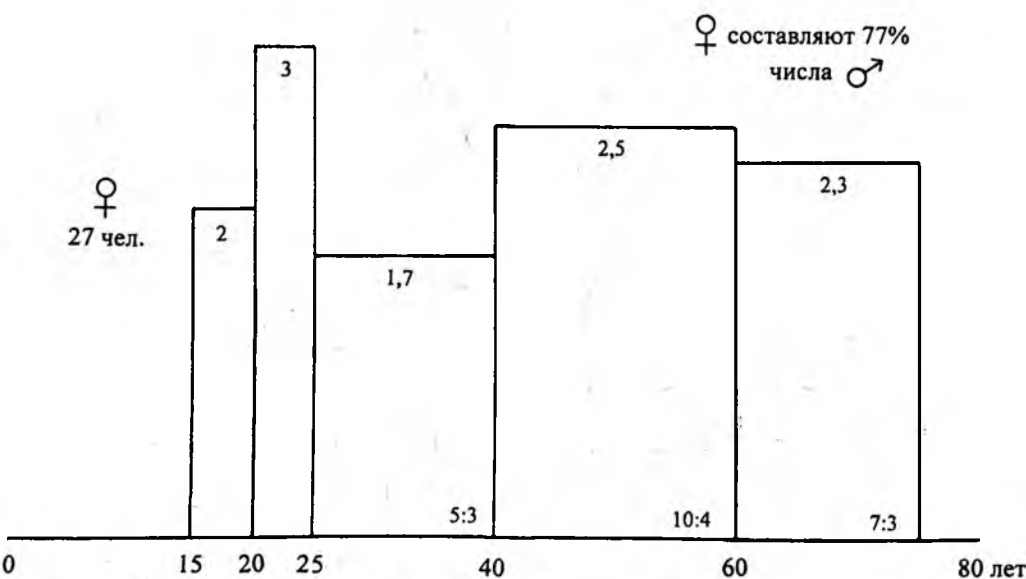
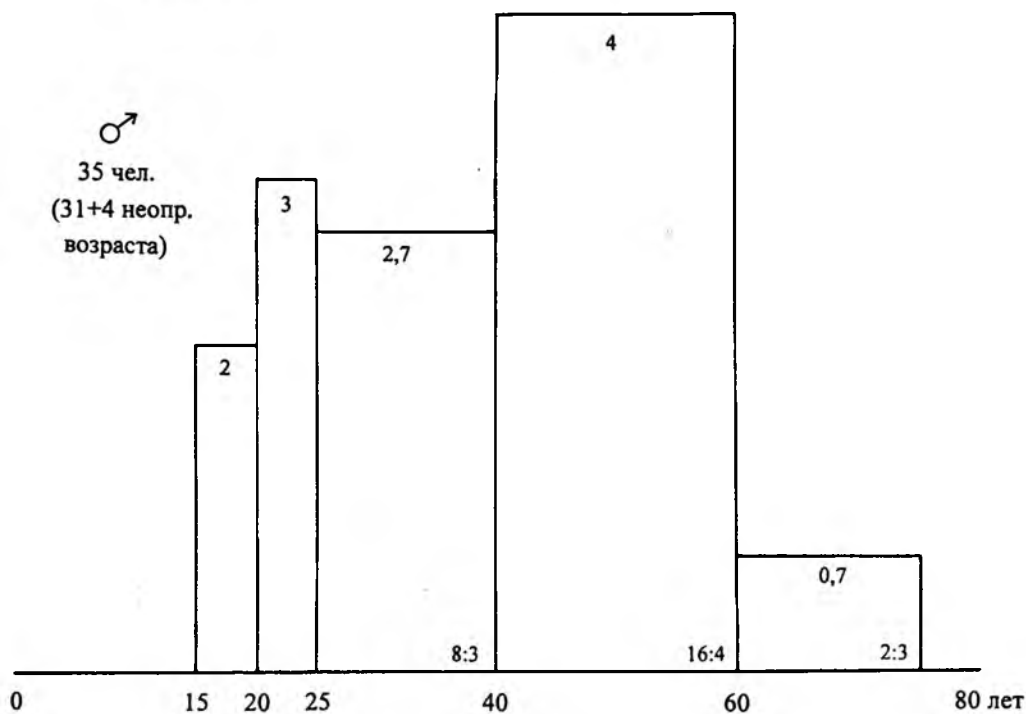

Рис. 48. Гистограмма смертности по мужской и женской серии черепов.

Fig. 48. Mortality histogram according to male and female crania series.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН ТССР	— Академия наук Туркменской ССР
АО	— Археологические открытия (М.)
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ДИЮС	— Древняя история Южной Сибири
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
К.	— Курган
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР (М.)
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (М.)
ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР (М.)
М.	— Могила
ОАК	— Отчет Археологической комиссии (СПб.)
СА	— Советская археология (М.)
САИ	— Свод археологических источников (М.)
СААЗ	— Саянский алюминиевый завод
СЭ	— Советская этнография (М.)
ТД	— Тезисы докладов
ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР
ТТКАЭЭ	— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
ЮЗТ	— Юго-Западная Туркмения
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
Л.	— London

SUMMARY

The publication consists of Editorial, four chapters, summary and conclusions, appendix. It is supplied with illustrations and list of references.

In his introduction the editor describes the work that has been realized to prepare for publication M. P. Gryaznov's manuscript. He also gives information about principal stages of the research on Afanas'yevo culture sites in Yenisey region. Burials of the burial grounds Afanas'yeva Gora (41 graves), Syda I (9 mounds), Sargov (8 graves), Karasuk III (40 graves), Kamenny Log II (4 graves) and Barsuchiha IV (14 graves) are described in detail in chapters I and II. In different years, these burial grounds were excavated by A. V. Adrianov, S. A. Teploukhov, S. V. Kiselev, M. P. Gryaznov and M. N. Pshenitsyna.

Chapter III contains general characteristic of Afanas'yevo culture. It describes the specific traits of Afanas'yevo funeral ritual, ceramic and wooden vessels, stone and metal objects, etc. On the basis of the comparative analysis of the materials, Gryaznov comes to conclusion that Afanas'yevo culture belongs to the Chalcolithic epoch. Taking into consideration the analogies with Yamnaya (Kurgan) culture in the southern areas of the Eastern Europe, he dates Afanas'yevo by the second part of the III millennium B.C.

The questions of economic and social organization and of the paleodemography of the Afanas'yevo population are treated in Chapter IV. The author concludes that this population had already went over to the productive economy and was familiar with metallurgy and processing of metals. The detailed analysis of the skeletal materials has permitted Gryaznov to suggest the existence of the polyandry in Afanas'yevo society. He describes Afanas'yevo as a typical pre-class society with developed tribal structure.

In the concluding part of his work, Gryaznov takes a look at the Afanas'yevo against the general background of the development of the Chalcolithic cultures in the Steppe zone of Northern Eurasia. According to him, Afanas'yevo was an integral part of this block of Steppe cultures.

The appendix includes a small paper by I. N. Khlopin treating the problems of the origins of Afanas'yevo culture and of the possible linguistic affiliation of its population. Contrary to the widespread opinion about the Eastern European («Yamnaya») sources of the Afanas'yevo, Khlopin connects it with the Southwestern parts of the Central Asia and with the Indoarians.

Доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии СССР (1983), член-корреспондент Германского археологического института (1984) М. П. Грязнов (1902–1984 гг.) – выдающийся российский археолог, один из ведущих специалистов по древней истории Сибири и кочевых племен степного пояса Евразии, оставивший после себя около 140 печатных работ. С 20-х гг. он концентрирует свое внимание на изучении памятников эпохи бронзы и раннего железа в регионе, охватывающем юг Сибири, Алтайский край, Казахстан и Киргизию. Вершиной научного наследия ученого явились две монографии, получившие мировую известность: «Южная Сибирь» (серия «Археология мира», вышедшая в 1969 и 1970 гг. на английском, французском и немецком языках в Штутгарте, Мюнхене, Женеве и Париже) и «Аржан – царский курган раннескифского времени» (Л., 1980), переизданная в 1984 г. в Мюнхене.

